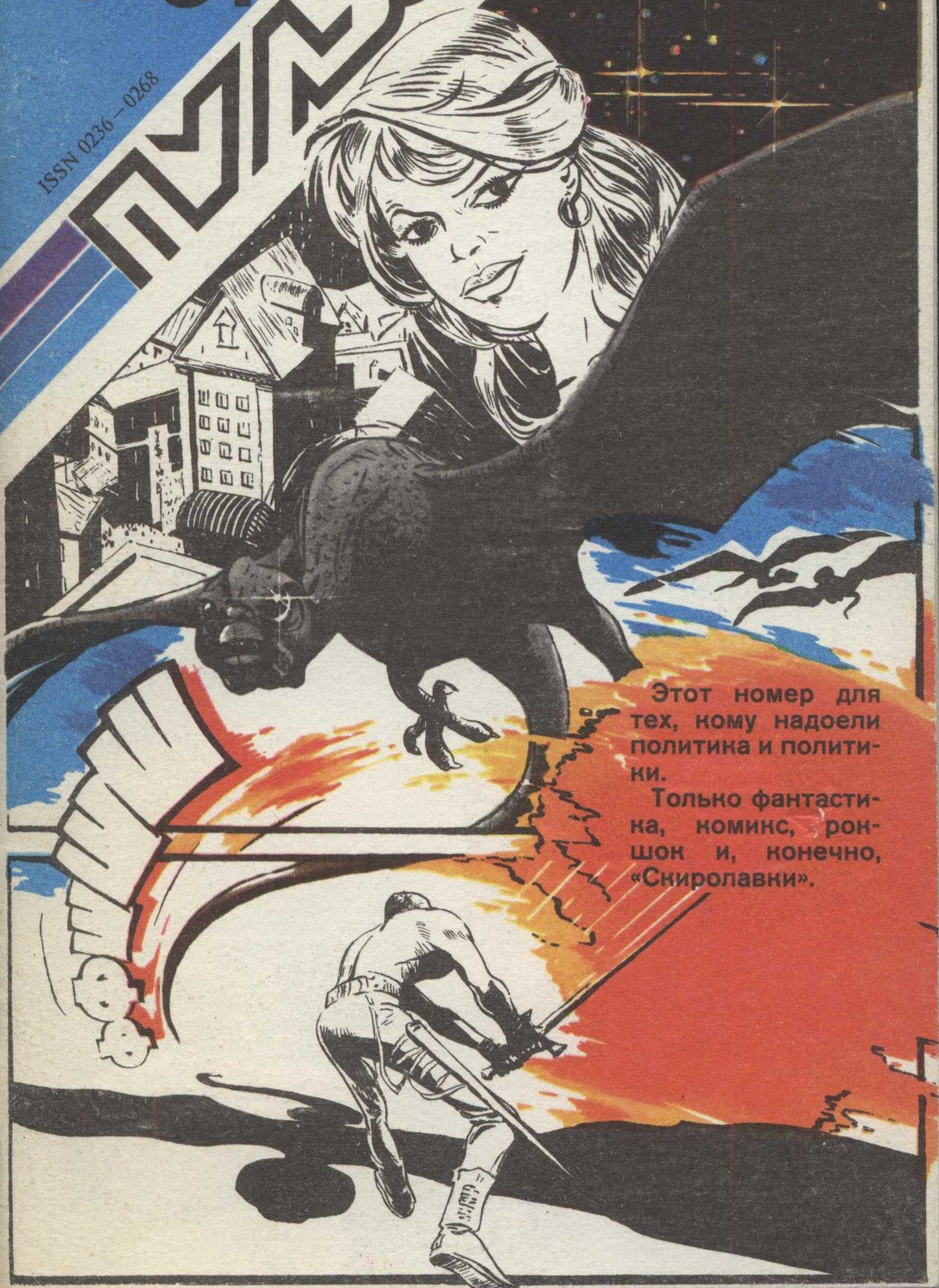

7,91

ISSN 0236-0268

ПЛАНЕТА

Этот номер для тех, кому надоели политика и политики.

Только фантастика, комикс, роншок и, конечно, «Скиролавни».

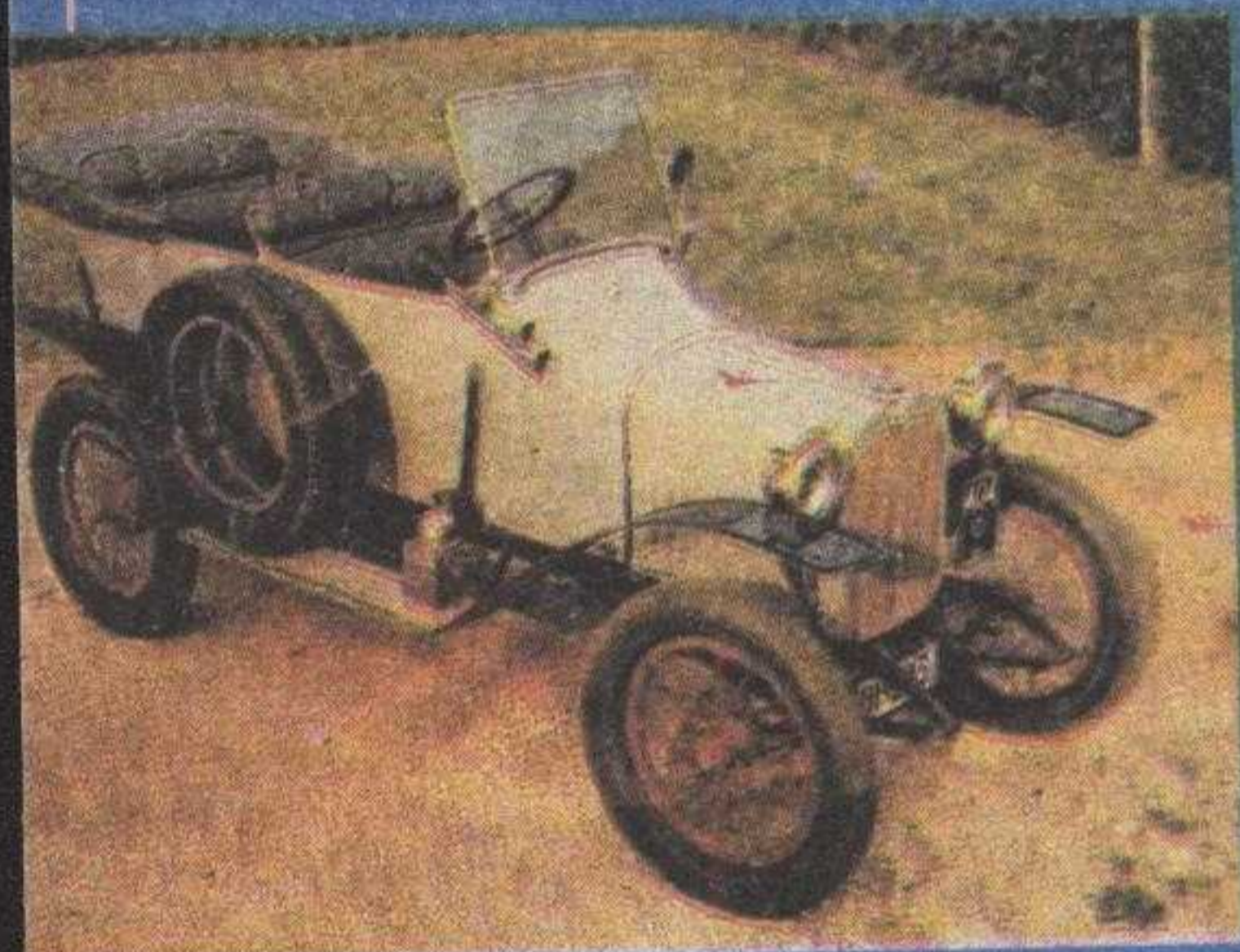

ПРИВЕТ!

Просьба паноптикум не путать с пантеоном, пинакотекой и некрополем. Паноптикум — это свеженькая рубрика «Пульса» о делах, вещах и «преданьях старины глубокой», которые интересны не только бабушкам и дедушкам, но и нашим читателям, присылающим письма в журнал.

Сегодня представляем экспонаты из автосалона (он перед вами) и легенду «Платок святой Вероники» (см. стр. 14).

Вандерер (1913 г.)

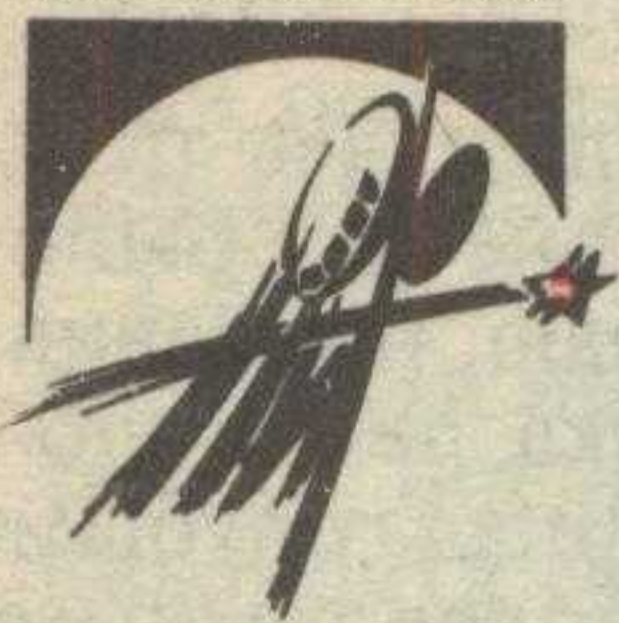
Феномен (1916 г.)

Фрайа — гоночная машина (1924 г.)

Вандерер-Спорт (1935 г.)

ВЕХА

(Не самый фантастический рассказ)

Небо из серого стало белесым, и над озером поползли клочки предрассветного тумана. Семеныч, колхозный пенсионер, кряхтя поднялся и, подтянув резиновые бахилы, два раза слабо присел.

— Ну что, интеллигенция, погреемся? — Он нагнулся над лежащим на берегу рюкзаком и чем-то стеклянно зазвякал. Второй рыболов, стоя по колена в озере, безучастно глядел на неподвижные поплавки.

— Не рано греться начинаешь?

— В самый раз, — Семеныч уже разложил на газете нехитрую закуску и старательно ковырял ножом пробку у запотевшей бутылки «Русской». — Так твою... дивизию! Сделали бескозырку! Металл что ли на ушках экономят?

Наконец пробка поддалась.

— Иди, академик, хватит в воде бултыхаться, все равно клева нету. А в наши-то годы кровь уже поостыла, не грех и подогреть.

В две эмалированные кружки призывно забулькало.

— Мне чисто символически, — Алексей Иванович аккуратно привалил удилица камнями и подошел к газете, — а то сегодня еще с ребятами встречаться.

Семеныч удивленно вскинул бровь.

— Так каникулы ведь?

— У кого как, а у меня сегодня кружок — «Юный физик». Я ж физику преподаю...

— Ну, интеллигенция... — протянул

Семеныч и осушил свою кружку. Хрумкнул огурцом, поднялся и пошел к удочкам. — Хреновая добыча, — он смачно плюнул в ведро, где уныло плавали пять бычков, страдая из-за собственной прожорливости.

Солнце уже уселось на верхушки деревьев по ту сторону озера. Поплавки бессмысленно торчали из воды, неподвижные, как будто их воткнули в песок.

В этот момент и появился звездолет. Он появился сразу и повис над небольшой прогалиной в лесополосе, отделявшей озеро от проселочной дороги и колхозного поля. От людей до звездолета было метров сто пятьдесят, но он был настолько огромен, что, казалось, висит прямо над головами. Птицы умолкли. Стало очень тихо. Только от тускло-стальной громадины звездного скитальца исходило неясное шипение и тихое попискивание.

Прошло секунд тридцать.

Вдруг из брюха звездолета ударил луч ярко-голубого света, в котором рыболовы разглядели какой-то предмет, почти мгновенно опустившийся на поляну. Свет погас, и звездолет исчез.

Семеныч озверело смотрел в чистое небо.

— Бежим! — чужим голосом всхлипнул учитель и, не разбирая дороги, по кустам ломанулся к прогалине.

Семеныч тоскливо покосился в противоположную сторону, крикнул и,

выругавшись для храбрости, потрусил следом.

Снова активно продолжилась птичья перекличка. На поляне все было спокойно. Ближе к ее краю, придавив два куста дикого орешника, лежал здоровый пакет. Он тихо мерцал голубым светом: ярким сверху и более темным у травы.

— Ну и вонь! — запыхавшийся Семеныч прикрыл нос рукавом прокуренной штормовки.

— Да, действительно, вы правы. — Учитель, почему-то перейдя на «вы», уткнулся в воротник куртки, стараясь дышать ртом. Над берегом утренний ветерок разносил удушливый трупно-сладковатый запах посланца иных миров.

Рыболовы немного постояли, не спуская глаз с пакета, и, придышавшись, стали осторожно приближаться к звездному свертку.

— Стой! — Семеныч ухватил учителя за рукав, затем поднял с земли камень и с силой запустил в пакет. — Ложись!

Камень полетел и плюхнулся прямо в середину цели.

Люди вжалась в землю.

Ничего не произошло.

— Пошли, хватит баловаться. — Алексей Иванович решил взять инициативу в свои руки.

В двух шагах от предмета они остановились. Вблизи он еще больше напоминал пакет, вроде тех, в которые заворачивают товары в магазинах самообслуживания, метра два на три и толщиной в метр. Лежал совершенно неподвижно, если не считать перебежавшее по нему голубоватое мерцание. За прозрачной оболочкой была видна некая масса, от которой, судя по всему, и исходило свечение.

— Вот те на, — почесал в затылке Семеныч, уставившись на космический сверток.

— Я говорил! — Учитель, сцепив руки, возбужденно тряс ими перед носом товарища. — Я всегда говорил, что они существуют! И их приход на Землю опровергнет все домыслы о монстрах и трехголовых девах с бластерами наперевес! Я всегда утверждал, что это будет прозаично, просто и одновременно величественно, как рождение векового дуба из элементарного желудя, как сама жизнь! И вот оно здесь. Свершилось, Семеныч! Перед нами первое послание звездных братьев по

разуму! Господи! И я стал свидетелем этой поворотной вехи в развитии нашей цивилизации!! Я... я с ума сойду!!!

Семеныч, убедившись, что явной опасности нет, успокоился и подозрительно поглядел на стоящего перед ним почти седого уже человека с трясущимися руками, срывающимся голосом, прыгающими на носу очками, из-под которых катились на лицо крупные слезы.

— Ты не кричи, Иваныч. Не ровен час и верно свихнешься. Остынь...

Послышался быстро приближающийся стрекот мотоцикла. По проселку кто-то ехал.

— Нахрапов катит, — уверенно сообщил Семеныч. — Его «Урал».

— Конечно-конечно, — Алексей Иванович стал быстро пробираться к дороге, — надо же сообщить!

Учитель выскочил на дорогу, перехватил участкового Нахрапова, стащил его с мотоцикла и стал довольно бестолково объяснять причину переполоха. Наконец старший сержант внял этому бессвязному лепету, даже не словам, а взъерошенному виду всеми уважаемого в колхозе пожилого учителя, которого впервые видел в подобном состоянии. Когда они вышли на поляну, то увидели, что Семеныч, присев на корточки, сосредоточенно копошится у пакета. Сверкнула сталь!

— Что вы делаете? — Учитель в ужасе вцепился себе в волосы.

— Отставить! — рявкнул Нахрапов. — Встать!

Семеныч виновато поднялся и, переминаясь с ноги на ногу, принялся смущенно оправдываться:

— Вот понимаешь, такое дело, Иваныч... Парник у меня дома завалился. Ветром порушило, значит. А здесь больно уж пленочка по виду хороша. Я ее, пленочку-то, на парник бы и приспособил. Прочная зараза. Вон, еле нож взял...

— Ты мне это прекрати, дед! Пленочку ему! Ты подумай головой — она ж не наша! Может, от нее полсела потом перемрет? Дай-ка сюда.

Милиционер забрал у Семеныча нож и сунул его за голенище.

— В правлении отдам... Что с вами, Алексей Иванович?

Учитель стоял, вытянув руки по швам, и, закрыв глаза, мерно покачивался.

— Какой аромат. Боже, какой букет! Нахрапов и Семеныч как по

команде втянули носами воздух.

— У меня насморк, — честно признался участковый.

— Ишь ты! А спервоначалу-то как воняло, — Семеныч покрутил головой.

Из прорезанной им дыры в пакете по поляне распространялся тонкий, свежий, как весна, щекочущий ноздри и чувства, какой-то влюбленно-неземной аромат. Семеныч восхищенно хмыкнул и задрал голову кверху.

— Охрану надо поставить, — Нахрапов задумчиво прошелся по поляне. — А где взять? До райцентра пока доберешься — по кускам растащат. Это еще кто там?

Из кустов вылез человек в ватнике и в рыжих кирзовых сапогах.

— Проща! Ты здесь откуда? — изумился Семеныч.

— Опять парфюмерии нажрался! — Нахрапов негодуяюще плюнул.

Проход работал сторожем в леспромхозе и до сих пор — а прошло уже несколько лет, как он, вероятно, немало побичевая по свету, появился в этих местах — никто не мог похвастаться тем, что видел его трезвым. Причем, пил Проход принципиально только одеколон. Кроме того, нечистоплотен он был до крайности, почему и выгнали его в свое время из Дома колхозника. Во всем остальном, однако, Проход был мужиком неглупым, незлобивым и покладистым. Люди постепенно привыкли к его существованию и старались не замечать запах одеколонного перегара, которым Проща благоухал круглосуточно. Документы у него тоже были теперь в полном порядке, к большому неудовольствию Нахрапова.

— С дежурства я, — Проход потер припухшие веки и икнул. — А это что за фигня?

— С неба упала, — проворчал участковый.

— А-а... — равнодушно протянул Проход.

— Придумал! — Нахрапов хлопнул себя ладонью по лбу. — Слушай, Канатов, — он строго поглядел на леспромхозного забулдыгу, — останешься здесь до особого распоряжения. Будешь сторожить этот предмет. Никого на поляну не пускать! Понял?

— Понял, а чего ж...

— А вы, Алексей Иванович, и ты, Семеныч, поедem ко мне, составим протокол об обнаружении тела.

— Конечно, конечно, — заволновался

учитель, — надо немедленно сообщить в район, в Москву. — Он уже направился к дороге.

— Вы поезжайте, — Семеныч тоже засуетился, — а я пока снасти соберу, вещички и прямо к вам подъеду. Поезжайте, я ведь тоже на мотоцикле, догоню, успею.

— Хорошо, только быстро давай, — Нахрапов зашагал к своему «Уралу». — Да, вот еще что. Никому ни слова, а то все следы затопчут.

Милицейский агрегат рванул к центральной усадьбе. За ним поднялся шлейф пыли, поэтому, обернувшись, учитель не заметил, как Семеныч, подошедший было к удочкам, развернулся и засеменил обратно на поляну...

* * *

Прошел час. Протокол был составлен. В район отбили телеграмму-«молнию» с просьбой прислать взвод солдат для охраны объекта и специалистов для его исследования. Оставалось только ждать.

В кабинете председателя колхоза сидели: сам председатель и парторг, введенный в курс дела; девчонка-телеграфистка, чтоб не трезвонила по селу и была под рукой; оба очевидца и акселерат Паша из кружка «Юный физик», случайно напоротившийся на своего учителя и сразу вовлеченный в круг событий. Больше о падении звездного пакета на селе не знал пока никто. Нахрапов уехал в соседнюю деревню разбирать драку на молочной ферме. Было решено до приезда солдат на место происшествия никому не шастать, чтобы не возбуждать любопытства колхозников и не срывать графика полевых работ. На первом настоял Нахрапов, на втором — председатель.

Приехавший оттуда последним Семеныч сообщил, что все спокойно и Прохор бдит.

Учитель и его питомец в углу яростным шепотом обсуждали случившееся.

— Я уверен, Павел, это послание братьев по разуму! Стоит изучить расположение линий в массе пакета, структурный состав, спектр свечения, и тогда, выяснив определенную закономерность, мы сможем найти ключ к разгадке или, если хочешь, расшифровать внеземную символику.

— Алексей Иванович, — Паша даже вспотел, — ну а вдруг это не послание и не символика? Вдруг это и есть инопланетянин, разведчик? Мы же не знаем, как они выглядят?

Учитель потер переносицу.

— Возможно, но в таком случае это скорее всего биоробот. При таком развитии науки и техники они вряд ли станут рисковать членом экипажа. Я уверен. Но попробуем отвлечься от штампов. Что это еще может быть?

— А что если... — акселерат, похоже, испугался собственной мысли, — ...что если это вторжение?! Вдруг эта масса размножится, может быть, она уже размножается, и пожрет постепенно все живое на Земле?

Председатель тревожно поднял голову, прислушиваясь.

— Нет, — учитель после паузы покачал головой. — Если бы это была агрессия, то какой смысл проводить ее так локально и вдали от густонаселенных районов? Кроме того, я наблюдал массу в течение получаса, и она оставалась абсолютно неизменной. Да и, как показывает практика, привнесенное в несвойственную ему среду обитания биотело чаще гибнет или приспособливается к новым условиям, но никак их не завоевывает.

Председатель облегченно вздохнул.

— В любом случае, Павел, — учитель поправил очки, — этот день является исторической вехой, вехой в развитии нашей цивилизации, нашей Родины! Это не какие-то там летающие тарелки и киномонстры, это вещественное доказательство, факт. И этим фактом первой воспользуется советская наука. Я уверен, что ими совсем не случайно была выбрана именно советская территория, населенная высокообразованными, культурными и гуманными людьми. Мы близки им по духу!

— Ой! Едут! — взвизгнула телеграфистка, показывая в окошко на дорогу, по которой к правлению подъезжали две черные «Волги» и военный грузовик с брезентовым тентом.

Через пятнадцать минут колонна, предводительствуемая мотоциклом Семеныча, примчалась к месту утренней рыбалки. Здесь уже стоял «Урал» Нахрапова. Быстро пробрались к поляне...

— Стоять!!! — Молодой капитан инженерных войск, приехавший с солдатами, одним прыжком достиг милиционера, свалил служителя порядка на землю и, заломив ему руку за спину, вырвал из нее пистолет, уже снятый с предохранителя.

— Что это вы, товарищ Нахрапов, э-э... стреляться собрались? — Председатель укоризненно покачал головой. —

Нехорошо. Если еще милиция начнет порядок нарушать, то... — он широко развел руки.

— Доложите обстановку. — Капитан уже встал и отряхивался.

Нахрапов, услышав родные интонации приказа, пришел в себя и, сбиваясь, рассказал:

— Возвращался с фермы, товарищ капитан, заехал сюда проверить оставленного мной охранника. Приезжаю и вижу — дым, белый. Бегу. Прохора нигде нет, а эта куча, которая с неба упала, догорает уже... Я ее давай дерном забрасывать, а она все одно горит. Искрится так, как огонь бенгальский, и исчезает. Так пока вся не выгорела... Застрелиться хотел... Ведь это я алкаша в наряд поставил... Такую ценность не уберег, — он опустил голову. — Готов понести наказание.

Ошеломленные таким известием, все стали оглядываться в поисках пакета, о котором, сразу занявшись милиционером, как-то даже подзабыли. На поляне пакета не было.

Учитель, как помешанный, ползал между двумя сломанными кустами орешника и, перебирая в пальцах землю, бормотал:

— Где же зола? Должна быть зола... Продукты сгорания... Где же зола? Должна быть...

Районные гости сочувственно наблюдали за происходящим, стоя поодаль. Один из них — видимо, главный — сказал примирительно:

— Стоит ли так убиваться, друзья мои? В другой раз покажете свое чудо.

— Дурак, — констатировал Семеныч и вдруг заорал: — Пошли ко мне! Быстрее! Я же того... Парничок-то!..

* * *

Вскоре поляна опустела. Только ветерок уносил к озеру остатки нежного, влюбленно-неземного запаха.

* * *

Люк в Центральный пост звездолета открылся, и к Командиру, протягивая руки, подошел Илл Хоу.

— Рад видеть тебя, Илл! Поздравляю с возвращением.

Они обнялись.

— Да, Командир, девять лет на чужой планете, это... — Хоу покрутил головой. — Я думал, будет легче.

Командир лишь понимающе улыбнулся. Какой же легкий хлеб может быть у межзвездного разведчика?

— Как могло оказаться, что в зоне посадки оказались люди? Мы израсходи-

вали уйму энергии, выходя на дубль.

— Случайность. Они занимались рыбалкой, то есть вытаскивали из воды мелкие живые организмы, чтобы потом употребить их в пищу. Это обычно делается на рассвете или ночью.

— Век живи, век учись. Надо занести эту особенность землян в Главный Мозг корабля, на будущее. Кстати, Илл, не хочу думать, что ты расслабился на Земле, но, по общей инструкции, ты должен был сделать мне доклад сразу по поднятию на борт...

— Я был в ионизационной камере. Если бы я пришел к тебе сразу — ты бы задохнулся и наш флот лишился бы отменного пилота. Ох, как эти люди воняют!.. Девять лет я прожил, не вынимая фильтров из носа. Девять лет я, маскируясь под них, трижды в день обливался всякой бурдой...

— Хорошо. Оставим это. Посмотри лучше, кто здесь.

Хоу оглянулся и остолбенел. В проходе стояла Мар.

— Не проглоти язык. — Командир, чтобы не быть нескромным, повернулся к полетному экрану.

— Успокойся, Илл, а то я еще не научилась излечивать общий паралич. — Мар подошла к Хоу вплотную и положила руки ему на плечи. — Я напросилась на корабль, чтобы ты опять не сбежал на какую-нибудь планету... один.

— Вы свободны. Идите отдыхайте. — Голос Командира вывел разведчика из шока. Уже в проходе он обернулся:

— Командир, а какой умник додумался сбросить на планету тот подарочек?

— Пустяки. Это наш стажер перенервничал. Вместо выброса трапа дал команду сброса фекальных отходов. Он уже наказан.

— А я было подумал, что из меня решили сделать ассенизатора. Хорошо, что оболочка тоже самоликвидируется, а то ее Семеныч домой уволок. — Илл рассмеялся и крепче обнял свою — теперь он уже знал это точно — невесту. Мар поцеловала его в лоб.

— Как тебя звали там... на планете?

— Прохор. Проша.

— Про-ша, — тихо повторила она и прислушалась к своему голосу. — Как шелест травы... Пойдем со мной.

— Идем, — он зарылся лицом в ее тяжелые, густые волосы, с наслаждением вдыхая трупно-сладковатый аромат свежего молодого тела.

Андрей БЕЛЯКОВ.

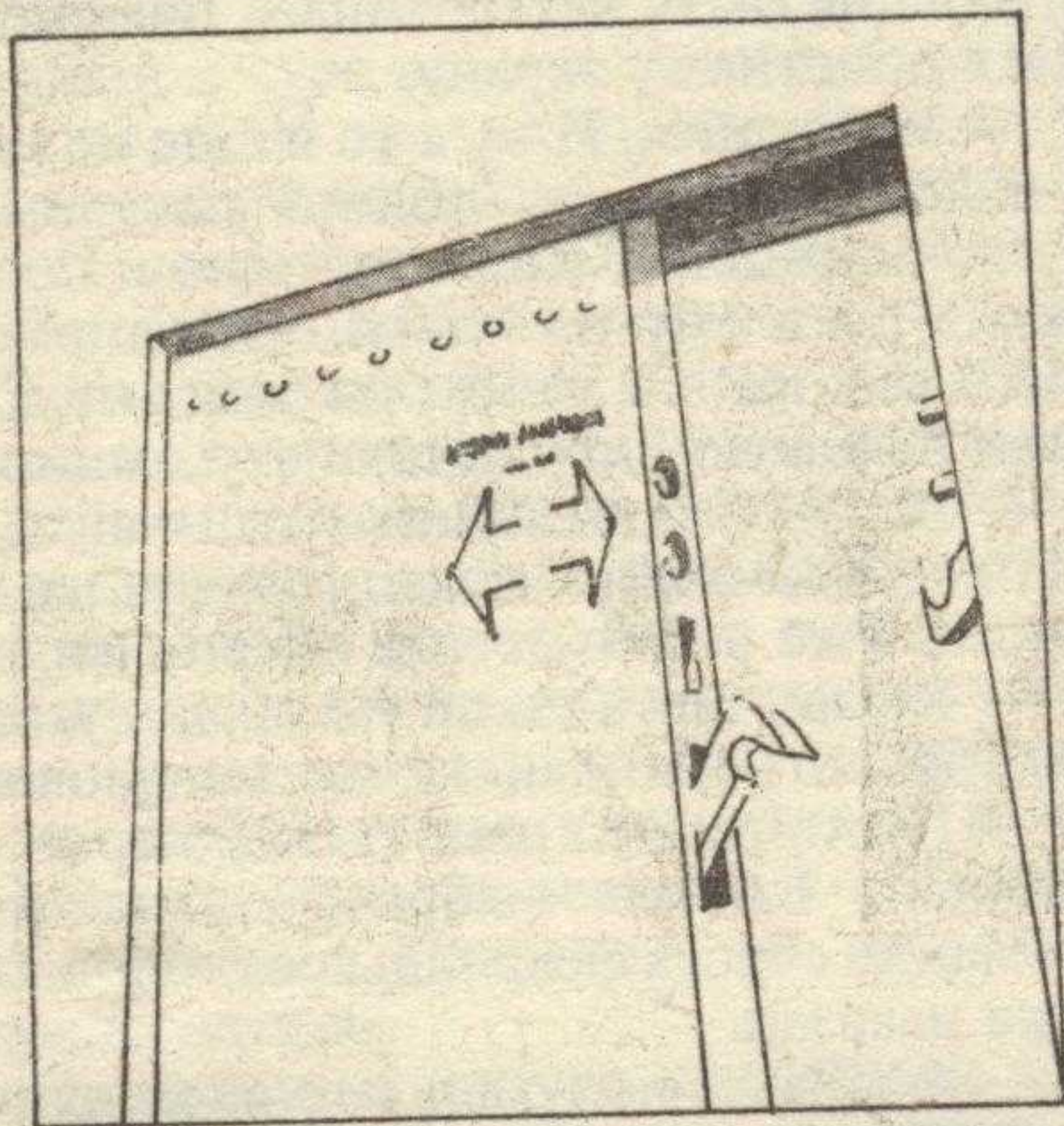
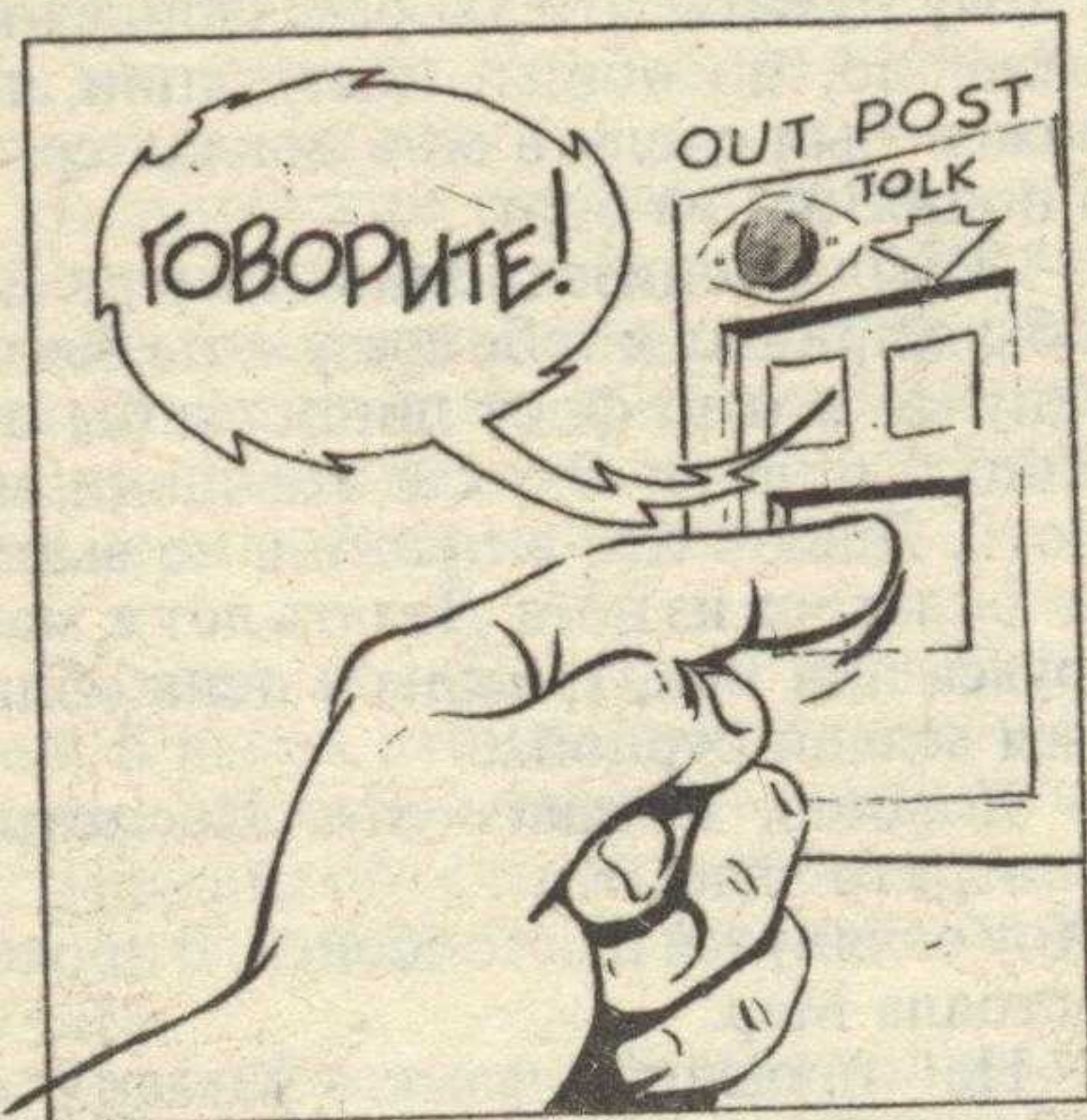
КОМИКС

КОМ СТУДИЯ

ПО МОТИВАМ ПОВЕСТИ
РОБЕРТА ШЕКЛИ.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

ХУДОЖНИК Игорь Махмудов

Это начало. Главное — мы на Омеге. Это наша планета. Продолжительность жизни здесь 3 года, но это пустая болтовня: я, не верю охранникам... Земля! Кому она теперь нужна? У нас есть собственный мир, Баррент! Мы свободны!

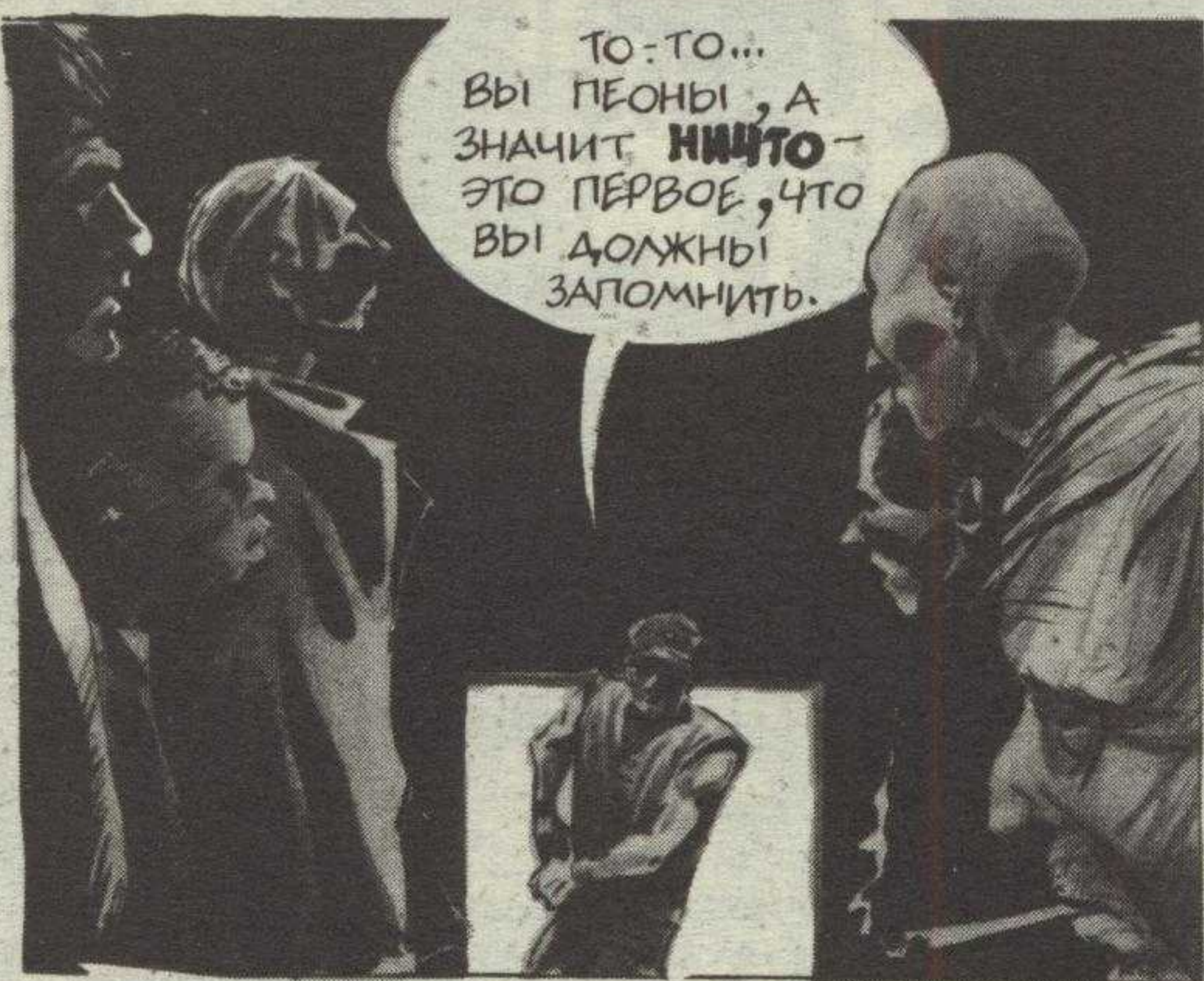

ВСТАТЬ!

ПРИДЕТСЯ ПОУЧИТЬ ВАС УВАЖИТЕЛЬНОСТИ...

ТО-ТО... ВЫ ПЕОНЫ, А ЗНАЧИТ НИЧТО — ЭТО ПЕРВОЕ, ЧТО ВЫ ДОЛЖНЫ ЗАПОМНИТЬ.

ИТАК, ВЫ НИЖАЙШИЕ ИЗ НИЖАЙШИХ. НЕТ НИКОГО ПРЕЗРЕННЕЕ ВАС, КРОМЕ МУТАНТОВ, А МУТАНТЫ ВООБЩЕ НЕ ЛЮДИ. ВСЕ ЖИТЕЛИ ОМЕГИ БОЛЕЕ ВАЖНЫ, ЧЕМ ВЫ. СЛЕДУЮЩИМ ЗА ВАМИ ПО РАНГУ ИДЕТ ЖИТЕЛИ ЗАТЕМ — СВОБОДНЫЙ ГРАЖДАНИН. ЕСЛИ ПОВЕЗЕТ, НЕКОТОРЫЕ ИЗ ВАС МОГУТ СТАТЬ СВОБОДНЫМИ ГРАЖДАНАМИ. ДАЛЕЕ — ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ КЛАССЫ, У НИХ ЕСТЬ СВОИ СИМВОЛЫ: НАПРИМЕР, У ХАДЖИ.

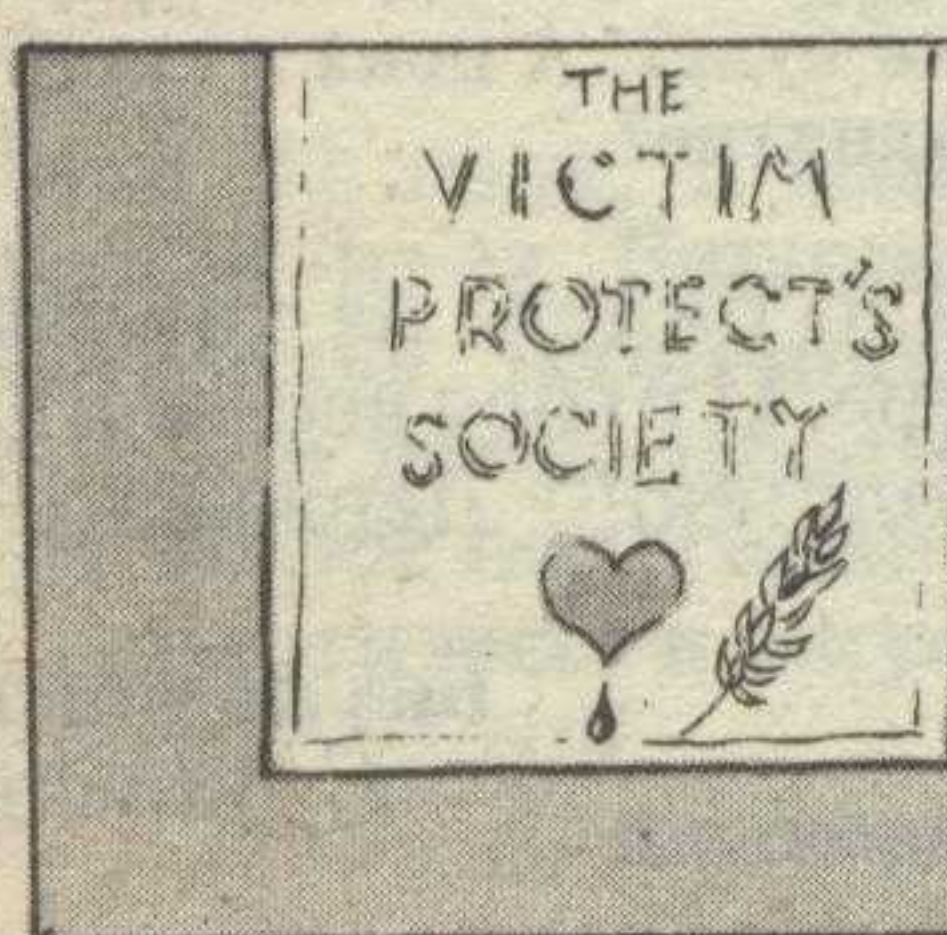

ЗОЛОТАЯ СЕРБГА... НУ И ТАК ДАЛЕЕ. У МЕНЯ СТАТУС КВЕСТОРА. ПОМНИТЕ О ТОМ, ЧТО ВЫ НИЖАЙШИЕ, ТОГДА ОСТАНЕТЕСЬ В ЖИВЫХ. ЭТИ БАРАКИ — ВАШ ВРЕМЕННЫЙ ДОМ... ЧЕРЕЗ ДВА-ТРИ ДНЯ НЕКОТОРЫЕ ИЗ ВАС ПОЙДУТ В ГЕРМАНИЕВЫЕ РУДНИКИ, ДРУГИЕ — НА РЫБОЛОВНЫЙ ФЛОТ. А ТЕПЕРЬ МОЖЕТЕ ПОСМОТРЕТЬ ТЕТРАХИД. ТЕТРАХИД — ЭТО ГОРОД, В КОТОРОМ ВЫ НАХОДИТЕСЬ. ЭТО САМЫЙ БОЛЬШОЙ ГОРОД НА ОМЕГЕ ... И ЕДИНСТВЕННЫЙ.

Естественно. Если бы новичков предупредили, то они не выходили бы из своих барачков в День Посадки.

"ОБЩЕСТВО ПО ЗАЩИТЕ ЖЕРТВ", КАК РАЗ ДЛЯ МЕНЯ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ПИСЬМА
ОТ
ЧИТАТЕЛЕЙ

Пресняков нам друг, но... Державин наш музыкальный редактор

В редакцию я пишу первый раз, так как журнал выписываю первый год. Во втором номере журнала было напечатано письмо Лены из города Шахты. Она пишет, что против того, чтобы Андрей Державин был музыкальным редактором. Но я с ней не согласна. Лена! Пойми же, ведь журнал выпускается не только для тебя, а для многих молодых людей. Тебе, например, нравится Володя Пресняков, а другим — Андрей Державин. Если его выбрали музыкальным редактором, то значит, он заслужил...

Наташа. Минская область.

Леночка, мне тоже очень нравится Вова Пресняков, а Державин — нет (то есть абсолютно), но это не повод для возмущения. В редакции сидят не дураки, знают что делают. Может, быть муз.редактором журнала для Володи пустая трата времени, а Андрей оправдывает наши с тобой надежды.

А за журнал вам спасибо. Желая, чтоб вам не грозил пожар, никакие другие стихийные бедствия.

Только вот на повести тратьте страничек побольше, если шрифт уменьшить уже некуда.

**Марина Зотова. г. Северодвинск,
Архангельская область.**

...Андрюша красивее Преснякова...
Андрей, мы тебя все любим!

Марина и Светлана. Днепропетровск.

Андрюша! Так держать!

Лялька. Киев.

ОТ РЕДАКЦИИ: Предлагаем на этом тему закрыть. За четыре месяца получили несколько тысяч «за» Преснякова и столько же «за» Державина, а потому напечатать все

письма и мнения (как просят многие авторы), а тем более написать каждому ответ мы не можем!!! Не обижайтесь. Спорить, кто лучше, можно долго... Пусть каждый останется при своем мнении и своем кумире, но будет немножечко терпимее относиться к пристрастиям других.

Для справки: редакция не сгорела и покушений на сотрудников журнала пока не было. За это спасибо.

О самом, самом сокровенном

Печатайте побольше откровенных писем о том, что нас волнует. Меня, например, сейчас больше всего волнует то, что меня не любит тот, кого люблю я. Ну просто жуть какая-то. Что делать? Думала-думала — решила повеситься. Но боюсь, а вдруг он меня полюбит, а я уже того... Решила подождать. Учу стихи и читаю «Пульс».

**Аня К.
Саратов.**

ОТ РЕДАКЦИИ: Решили откликнуться и напечатали это письмо. Аня! Решение ты приняла правильное: ни вешаться, ни топиться, ни стреляться не надо. Никто ведь не знает точно — есть ли ТАМ любовь? А тут, если сейчас и нет, то будет. А пока — стихи и «Пульс». Чем не занятие?

Мне не хватило билета на концерт группы «Сталкер». И с горя все ем и ем пирожные. Я толстею!!! Державин, я тебя ненавижу!

**Без подписи.
г. Липецк.**

ОТ РЕДАКЦИИ: Письмо без подписи, но в порядке исключения решили опубликовать.

Ведь написано искренне. И опасность автору угрожает нешуточная — растолстеть и разориться. Известно, что от ненависти до любви один шаг, а потому Андрей Державин передает тебе привет, а редакция к нему присоединяется.

Я к вам пишу — чего же боле?

✉ Я вам хочу сказать, что «Пульс» — очень хороший журнал, который я как раз и ждал (ха, стихи)...

...И совсем хорошо бы было, если бы вы печатали схемы по радиоэлектронике.

Андрей Меркулов. Московская область.

Выписываю «Пульс» первый год и пока не жалею — хороший журнал. Он такой маленький и толстенький...

Катя. Джамбул.

Мне очень нравится ваш журнал. И еще у меня есть увлечение. Собираю иностранные деньги. Вышлите, пожалуйста, бумажку — 10 фунтов стерлингов, а если не найдете — 10 или 20 долларов.

Миша. Гродно.

Вот уже пятый год я выписываю ваш журнал. Мне он очень нравится, а особенное удовольствие доставляет музыкальная страничка, на которой вы печатаете ноты и слова песен...

На обложке журнала вы печатаете фотографии, то мисс СССР, то мисс Подмосковье-90. Конечно, это хорошо, а почему бы вам самим не объявить конкурс «Мисс читательница «Пульса»? Вот было бы здорово, ведь у вас столько очаровательных подписчиц и читательниц.

С уважением, Елена Федоровна.
Брянская область.

Мне 42 года, я шахтер. Выписал «Пульс» из-за Ельцина. Сейчас его «Исповедь» закончилась, а я как-то привык и продолжаю читать журнал. И на второе полугодие выписал. Если не испортитесь, в августе подпишусь на весь 1992 год.

С шахтерским приветом,
Анатолий Ш.
Донецкая область.

Мне 63-й год, и я в восторге от вашего «Пульса». Это то, что надо! Он интересней и дешевле «Нового мира» и «Знамени». Ему нужна реклама... Вы молодцы, пишете из жизни и правду...

С большим и искренним уважением,
Першуткин. г. Йошкар-Ола.

Хорошо, что вы уделяете много внимания музыке, истории. Интересны и комиксы. Вообще «Пульс» стал очень хорошим. Я работаю учителем, и многие мои ученики с удовольствием читают ваш журнал. Спасибо вам и успехов в работе.

Ваганов Валентин Юрьевич.
г. Гаврилов-Ям,
Ярославская область.

Раньше я читала «Парус», «Ровесник», пробовала «Студенческий меридиан» и «Мы». А теперь подписываюсь и читаю «Пульс» — и всем того желаю. Свой журнал даю читать друзьям, и многие решили его выписать с первой же стипендии после каникул. А я на почту отправлюсь в августе, чтобы быть уверенной, что в январе получу первый номер...

Ольга, студентка. Новосибирск.

ОТ РЕДАКЦИИ: Что тут скажешь? Доброе слово и «Пульсу» приятно. Не все же нас козлами и другими нехорошими кличками обзывать. Поддержка читателей — для журналистов первое дело. Когда читаешь доброе, ободряющее письмо, хочется написать еще интереснее и лучше. Спасибо. По поводу рекламы. Конечно «Пульс» нуждается в рекламе, и она будет и на телевидении, и в печати. Но уверены, что лучшая реклама — это совет друга: «Выпиши! Это хороший журнал. Я его читаю».

И еще одно письмо

Просим вас не печатать писем от разных идиотов и придурков...

Учащиеся 11-го класса
из Краснодара.

ОТ РЕДАКЦИИ: Просьба к упомянутым в письме гражданам: «Не пишите, пожалуйста, в редакцию. Читать же журнал можно. Это не повредит».

В полку читателей прибыло

Как договорились, сообщаем фамилии участников нашего блицтурнира. В этот раз призы журнала направляются активным организаторам подписки на «Пульс» в Волгоград Оксане Поповой — оператору доставки 65-го отделения связи, и Сергею Никитину — учащемуся СПТУ № 13 города Ярославля.
Спасибо!

«ПУЛЬС»-ЛОТЕРЕЯ

Третий номер вызвал больший интерес, чем первый и второй. В лотерею по мартовскому номеру приняло участие почти три тысячи читателей. Лучшими материалами вы признали:

- «Гениальный тактик перестройки»(1230 голосов);
- «О женских хитростях и мужской забывчивости»(1217);
- «Коллеги с гранд-базара, или Рынок в тумане»(815).

Поздравляем счастливых — победителей лотереи, которые получают по книге издательства «Молодая гвардия»:

Ваганова Валентина (г. Гаврилов-Ям Ярославской области),
Горшенину Викторию (Днепродзержинск),
Коснырева Виталия (с. Березово Кировской области),
Побединскую Аннушку (Севастополь),
Эюбову Наилю (Баку).

Остальным участникам, как говорится, в марте, видимо, больше повезло в любви. На то и март...

«Пульс»-лотерея продолжается. Определяем лучшие материалы седьмого номера. Напоминаем — пишите нам на открытках.

ПРОЧТИ... И БЕГОМ НА ПОЧТУ

Обращаемся к нашим друзьям, которые, несмотря на летний отдых, прочитают журнал уже в июле.

С 1 августа начинается подписка на «Пульс» (индекс — 70442, цена — внимание! — 8 руб.40 коп.) и «Пульс-Информ» (индекс — 70444, цена 6 руб.).

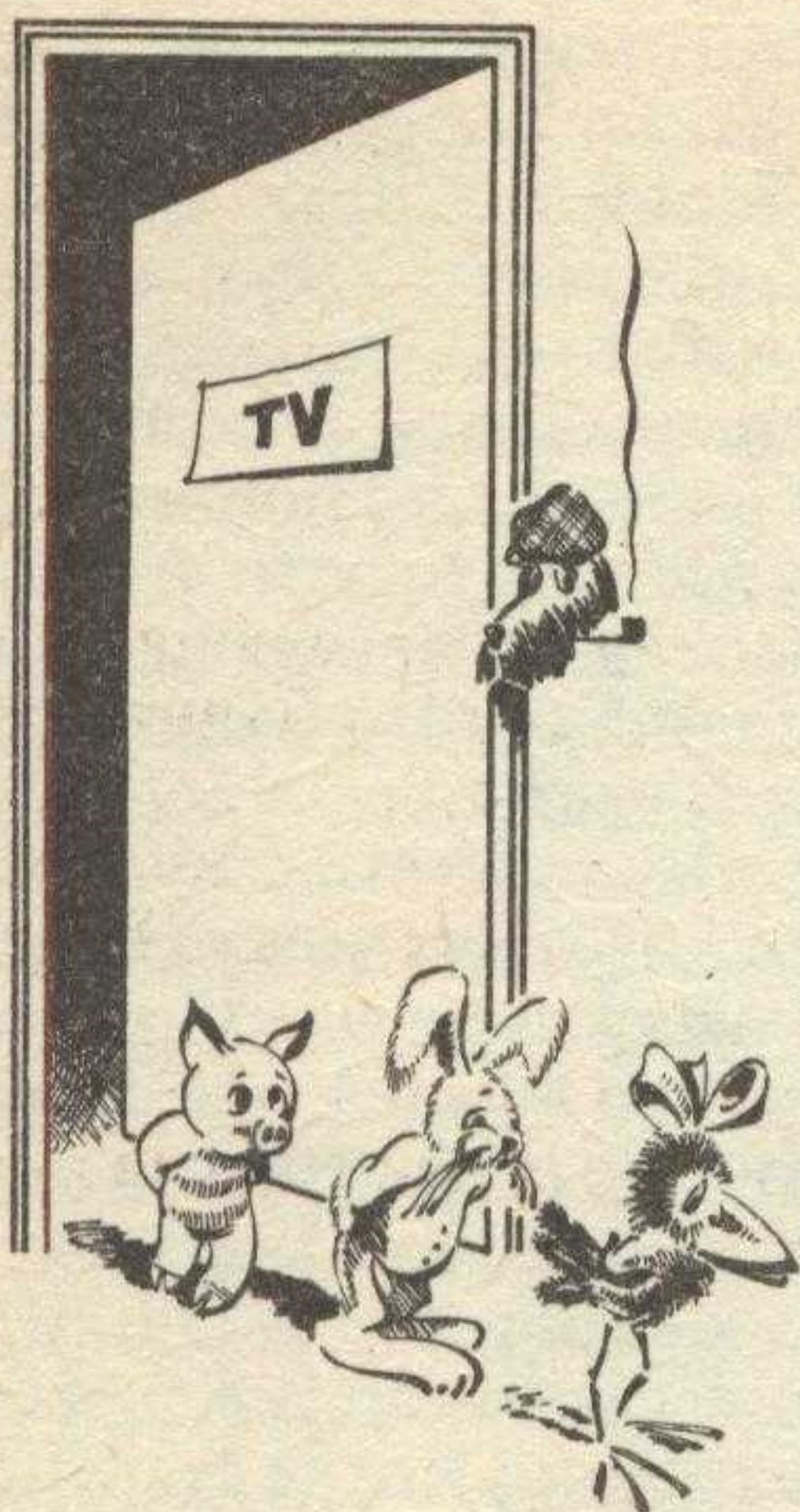
Подписаться в августе легче, так как все по дурной старой привычке пойдут на почту в конце подписки и создадут очереди. Поэтому те, кто может (то есть не находится в путешествии или командировке) и хочет поддержать редакцию, сходят на почту и оформят подписку. А тех, кто любит не только «Пульс», но и его музыкального редактора, ожидает приз-сувенир — открытка Андрея Державина с автографом.

Но получит его только тот, кто пришлет в редакцию квитанцию о подписке на «Пульс» или «Пульс-Информ», датированную не позднее 31 августа, и конверт с обратным адресом. Квитанция, естественно, будет возвращена вместе с открыткой.

Еще раз напоминаем: цветные фото нашего музреда получают только те, кто подпишутся на «Пульс» или «Пульс-Информ» до 1 сентября — остальным желающим у редакции просто не хватит открыток.

Если будут сложности — звоните в редакцию.

Телефон в Москве 285-07-41.

**Открытое письмо председателю
Государственной телекомпании
товарищу Кравченко Л.П.**

**Копия: Председателю Советского
детского фонда и другим
председателям и президентам**

Уважаемый Леонид Петрович!

В последние годы я регулярно вместе со своим трехлетним сыном Данилой смотрю популярную передачу «Спокойной ночи, малыши!». Не буду подробно останавливаться на обосновании того огромного воспитательного и идеологического воздействия, которое оказывается ею на многомиллионную аудиторию самых маленьких телезрителей нашей необъятной Родины. Результаты этого воспитания мы видим ежедневно на улице и в школе, на работе и в общественном транспорте. Спасибо за это авторам «Ночей» и Вам лично, уважаемый Леонид Петрович! Но в последние месяцы, а точнее после 2 апреля с.г., я вдруг обратил внимание, что просмотр передачи начал вызывать у меня и моей жены неясные опасения и какой-то душевный дискомфорт. Мы заметили, что именно после ее окончания сын вместо того, чтобы спокойно засыпать, начинает настойчиво требовать шоколадку или «много» конфет. О том, что и у меня с супругой возникает аналогичное желание — я уже и не говорю. Конечно, у нас в семье все лучшее (сейчас это лучшее стало и самым дорогим) отдается детям. Но зарплаты с компенсацией не хватает даже на детскую одежду и кашу с маслом, а уж о кон-

фетах речь может идти только по большим революционным и религиозным праздникам.

А что творят Ваши постоянные ведущие «Ночей» — поросенок Хрюша и К°?! Они совершенно по-свински позволяют себе на глазах у миллионов советских детей за одну десятиминутную передачу, радостно чавкая, слопать банку сливового джема за 2 рубля 20 копеек или килограмм соевых батончиков по цене 6 рублей 60 копеек и даже полкило шоколадных конфет, стоящих от 7 до 15 рублей за килограмм. Возможно, доходы работников вверенной Вам компании и позволяют совершать такие дикие (!!!) поступки, но нам, обычным родителям, от подобной демонстрации обжорства и расточительства становится очень неуютно у собственного телевизора. Ничего, кроме глубокого возмущения и ярости сегодняшнее поведение Хрюши (и его сотрудников) — отдадим ему должное — воспитавшего всех нас, вызвать у настоящих патриотов государственного телевидения не может!

В связи с изложенным требую:

1. Отстранить от эфира всех ведущих телепередачи «Спокойной ночи, малыши!» во главе с Хрюшей и заменить их на других, менее прожорливых и более скромных зверюшек. Опыт замены ведущих «ТСН» показал, что это вполне возможно.

Возможен вариант: Хрюша и иже с ним могут остаться на телеэкранах при условии употребления ими обычной для всех поросят и свиней, привычной для телезрителей еды — различных пищевых отходов.

2. Запретить показ по телевидению сцен употребления мяса, колбасы, сыра, всех деликатесных продуктов, а также спиртных напитков как разжигающих ненужные и необеспеченные талонами и денежным покрытием страсти.

3. Прекратить показ зарубежных моделей одежды и заменить их праздничными шоу с демонстрацией новых моделей ватников, сандалет, галош, порой продающихся в наших магазинах по сносной цене. Дикторам и обозревателям рекомендовать появляться в эфире одетыми скромно, в поношенных, но аккуратно заштопанных пиджаках и платьях. В случае невыполнения перечисленных, вполне разумных и умеренных в современных условиях требований мною через независимые средства массовой информации будет развернута широкомасштабная кампания по сбору подписей, организации манифестаций у здания телецентра и объявлен всеобщий бойкот Вашего телевидения!

Пока постоянный зритель передачи «Спокойной ночи, малыши!» Алексей Алехин.

Вообще-то в строгом смысле паноптикум, как толкуют академические словари, это музей разных уникальных и просто примечательных вещей. Ну а почему бы не открыть такой музей на страницах нашего журнала? Впрочем, представляя новую рубрику, заметим сразу, что «экспонаты» «Пульс-Паноптикума» менее всего будут напоминать нечто музейно-безжизненное, покрытое «хронологической пылью» и не представляющее интерес для нас сегодняшних. Просто вместе с вами мы хотим с очень многого стряхнуть незаслуженную пыль забвения.

Имя Сельмы Лагерлёф (1858 — 1940), классика шведской и мировой литературы, самой знаменитой женщины Швеции конца XIX — начала XX века и лауреата Нобелевской премии — «за благородный идеализм и богатство фантазии» — наверняка знакомо нашим читателям. Ее «Сага о Йесте Берлинге», трилогия «Перстень Левеншельдов», «Шарлотта Левеншельд» и «Анна Сверд», знаменитейшее «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями по Швеции» не раз публиковались и широко известны у нас в стране. Но вот, к примеру, легенда «Платок святой Вероники», взятая из основанного на фольклорном материале сборника «Легенды о Христе» (1904), издавалась в доперестроечное время всего лишь раз — в 1919 году (и то, очевидно, по недоразумению, ибо уже тогда идеологический пресс воинствующего атеизма был опущен на всю культуру). Сейчас многое возвращается к нам, но при всем разгуле плюрализма — легенда эта не включена даже и в выходящее сейчас в издательстве «Художественная литература» собрание сочинений шведской писательницы.

Мы публикуем текст по журналу «Всходь», издававшемуся для детей и юношества с 1896 по 1917 год.

последние годы царствования Тиберия высоко в Сабинских горах поселилась молодая чета в одинокой избушке. Однажды утром, открывая дверь своей хижины, молодые люди увидели на пороге женщину. Одетая она была просто, но ее высокая и, несмотря на преклонные годы, все еще стройная фигура внушала к себе доверие и уважение.

Она сказала:

— Лет восемьдесят тому назад я родилась в этой хижине и пришла теперь умереть в ней; я думала, что в ней никто не живет... но не бойтесь, я отдохну немного, а потом уйду опять.

Молодая женщина уговорила старушку войти в дом и подкрепить силы молоком и хлебом. Когда старушка насытилась и хотела уйти, супруги переглянулись между собою, и молодой человек нерешительно заметил:

— Так как вы говорите, что когда-то родились здесь, то, значит, вы и должны остаться, а мы поищем себе другого пристанища.

Старушка, пораженная его словами, смотрела на него молча, как бы не доверяя своим ушам, но молодая женщина подошла к ней, ласково взяла ее за руку и тихо промолвила:

— Или, если позволите нам с мужем жить с вами, мы будем заботиться о вас, работать, чтобы на всех троих достать пропитание.

Старушка крепко обняла молодую женщину и со слезами проговорила:

— Вы не знаете меня — как же вы решились оказать мне такое благодеяние?

Молодая женщина сказала:

— Мы добры к вам потому, что и нам было оказано когда-то великое благодеяние.

Таким образом старушка поселилась с ними.

Однажды они сидели все вместе за ужином на траве около дверей и увидели, что в гору подымается пожилой широкоплечий человек. Он остановился у хижины и попросил позволения передохнуть, а затем указать ему дорогу к ближайшему жилью. Ему предложили разделить трапезу.

Хозяин хижины, думая, что видит перед собой старого отставного легионера, стал расспрашивать, что делается в Риме.

— Я вижу, ты принимаешь меня за легионера, — сказал незнакомец, — и ты

ПАТОК СВАТОЙ ВЕРОНИКИ

Легенда СЕЛЬМЫ ЛАГЕРЛЁФ

не ошибаешься. Но в царствование Тиберия не место воинам; он занят только тем, что везде отыскивает измену и казнит людей по малейшему подозрению. Он думает, что окружен изменниками, что все ненавидят его, и мысль эта приводит его в бешенство. И все теперь знают, что дальше будет еще хуже. Ведь вы, вероятно, слышали, друзья мои, что у Тиберия был только один искренний и преданный ему друг — его старая кормилица. Ей одной доверял он и только ее одну и слушал. Он окружил ее роскошью, он одевал ее как королеву, он исполнял малейшие ее прихоти. Эта женщина, которую звали Фаустиной, бросила царя и ушла от него.

Старуха, не принимавшая никакого участия в разговоре, изменилась в лице и вздрогнула. Молодая женщина с удивлением взглянула на нее, и вдруг в душе ее мелькнула странная догадка. Она ласково положила руку ей на пле-

чо и, глядя на пришельца, проговорила:

— Вероятно, Фаустина не могла видеть, как с каждым днем он падает все ниже и ниже?

Незнакомец задумчиво взглянул на молодую женщину и проговорил:

— Но она не должна была бросать его. Она должна была понимать, как тяжело ему приходится, если он даже ее решил упрекнуть в корыстолюбии и измене. А вместо того она обиделась на него за это и ушла в свои родные горы. С ее уходом царь потерял единственного человека, в которого верил, и теперь ему терять уже нечего, он будет еще беспощаднее, чем раньше, — и горе его врагам.

Незнакомец смотрел, не отрываясь, на старуху, но та по-прежнему молчала и старалась не смотреть на него. Тогда молодая женщина встала, подошла к незнакомцу и сказала:

— Если бы я была на месте Фаустины, я поступила бы так же, как она, и я уверена, что она не вернется к тебе раньше, чем ты не исправишься.

Незнакомец вопросительно посмотрел на старуху.

— Это и твой ответ?

Губы ее вздрагивали, но она все же промолчала и не взглянула на него. Он медленно поднялся с места, накинул опять свой плащ и, ни единого слова не говоря, повернулся и стал медленно спускаться, оборачиваясь назад.

Жизнь в хижине потекла мирно и безмятежно по-прежнему. У молодых людей родился ребенок, и старушка почти все время проводила с ним, чувствуя себя счастливой и довольной. Только два раза в год она надевала старый плащ, спускалась в Рим и отправлялась на форум, в маленький храм, состоявший из огромного алтаря под открытым небом. На алтаре возвышалась фигура Фортуны, а под ней находилась статуя Тиберия. Сюда приходили молиться те, которые желали счастья и долгой жизни Тиберию.

Однажды она увидела, что огонь на жертвеннике погас, цветов уже не было, кругом не видно было ни души.

Она поняла, что случилось что-то недоброе с Тиберием. Увидев вдали какого-то человека, она быстро направилась к нему и спросила:

— Что с царем? Жив ли он?

— Тиберий еще жив, — отвечал тот, — но мы перестали молиться за него. Он заболел ужасною болезнью, занесенною сюда из Иерусалима. Она изъела его лицо, руки и нос и превратила голос его в рычание дикого зверя. От этой болезни не выздоравливают. Недели через две он умрет, а если нет, то, во всяком случае, уже не будет царствовать. Теперь уже за него не стоит молиться, потому что никто не боится его и не ждет от него ничего.

Фаустина грустно поникла головой и нимало не медля отправилась во дворец, где уже так давно не была. Во дворце ей сказали, что Тиберий переехал в летнюю резиденцию, на остров Капри. Она поехала туда.

Подходя ко дворцу, Фаустина увидела перед собой двух старых рабов; они подошли к ней и низко поклонились, говоря:

— Приветствуем тебя, Фаустина: сами боги посылают тебя, чтобы утешить наши страдания.

— Что случилось, Милон? — спросила Фаустина.

— Царь прогнал всех своих рабов, так как он подозревал, что один из них отравил его и заразил этою ужасною болезнью, подсыпав ему чего-нибудь в вино. Он хотел прогнать и нас, но мы не послушались его и остались, — ведь мы служили и родителям его. Что же касается свиты и всех придворных — царь не хочет показываться им, чтобы они не видели его лица, и только начальник телохранителей и один из сенаторов имеют право доступа каждый день сюда. Они приходят к нему за приказаниями.

— Но что же врачи говорят о болезни Тиберия? — спросила Фаустина, направляясь в покои царя.

— Никто из них не умеет лечить эту болезнь, и никто не может сказать, долго ли она будет продолжаться.

В это время Фаустина пришла на террасу, где обыкновенно проводил все свое время царь, любясь отсюда видом на море. Она увидела какое-то безобразное существо со вспухшим лицом, с забинтованными ногами и

руками; из-под бинтов торчали изуродованные и изъеденные болезнью пальцы. Платье несчастного было в пыли и в грязи; очевидно, он не мог ходить, притащился сюда на террасу ползком. Увидев его, Фаустина вздрогнула от отвращения и сказала тихо рабу:

— Как вы можете допускать этого несчастного сюда, на царскую террасу? Уведите его поскорее.

Но раб уже склонился над лежавшим в углу несчастным и сказал:

— Великий царь, наконец-то я могу сообщить тебе радостную весть: Фаустина вернулась к тебе!

Тиберий не поднял головы и только слабым голосом произнес:

— Я только что думал о тебе, Фаустина, и был уверен, что ты придешь теперь ко мне. Сядь поближе и дай мне уснуть на твоих коленях!

Бедная старуха, пораженная ужасным зрелищем, не могла ответить ни слова — она только горько заплакала и в полном изнеможении опустилась на пол рядом с останками этого когда-то крепкого и сильного мужчины. Царь со вздохом облегчения положил ей голову на колени, и в ту же минуту глаза его закрылись, и он спокойно заснул, впервые после многих месяцев.

Несколько недель спустя по тропинке, ведущей к уединенной хижине, снова поднимался человек. Это был раб, присланный Фаустиной с мешком золота, чтобы отблагодарить добрых людей, когда-то так гостеприимно приютивших ее. Когда они узнали, почему она вернулась к царю, они оба были потрясены до глубины души и, переглянувшись между собой, по-видимому, решили на что-то; по крайней мере молодой человек пригласил раба зайти к ним в хижину и просил передать Фаустине в точности все, что он ему расскажет теперь.

— Посмотри на мою жену, — сказал он. — Не кажется ли она тебе красивой и здоровой? А между тем, верь мне на слово, она когда-то страдала тою же болезнью, что и цезарь. Мы оба родились в Палестине, в Азии, где особенно часто встречаются такие больные. Там есть закон, запрещающий таким больным всякое общение со здоровыми; они должны жить за городом, где-нибудь в пустынных и безлюдных местах. Моя жена происходила от больных родителей и родилась даже в одной из пещер, где они оба укрыва-

лись от взоров людей. Пока она была еще ребенком, она казалась совершенно здоровой, но когда она выросла и возмужала, та же болезнь проявилась и в ней. Она выздоровела только благодаря чуду, которое совершил пророк из Назарета. Уже давно между этими несчастными больными распространился слух, что в Галилее явился пророк, вылечивающий от всевозможных болезней и даже воскрешающий мертвых. Но никто из больных не хотел верить в возможность чуда, и только одна девушка поверила в то, что он действительно пророк, и пошла в Назарет, чтобы разыскать его и умолить его помочь ей. По дороге в Назарет она встретила в пустыне человека высокого роста с бледным лицом и черными волнистыми волосами. Глаза его сверкали как звезды. Когда он поравнялся с девушкой, она крикнула ему, чтобы он не подходил к ней, так как может заразиться, но чтобы он сказал ей, где она может найти пророка, который, наверное, исцелит ее прикосновением своей руки. Тогда он подошел еще ближе к ней, прикоснулся рукой до ее лба и сказал: «Иди теперь в Назарет и поведай там священникам о том, что случилось с тобой», и с этими словами он пошел своей дорогой, а она подумала, что он только пошутил над ней, и, печально поникнув головой, отправилась дальше. Убедившись в том, что она действительно здорова, и узнав, что человек, с которым она только что перед тем говорила, и есть пророк, которого она искала, она сейчас же отправилась в Назарет и поведала священникам о том, что случилось с нею; но те, хотя и видели, что на теле ее нет никаких следов болезни, все же не хотели верить ее полному выздоровлению и приказали ей вернуться назад в пустыню, откуда она пришла. Бедная девушка заплакала и не знала, что ей делать; но человек, говоривший с ней после того как она беседовала с пророком и доведший ее до города, успокоил ее и сказал: «Нет, я не допущу, чтобы ты погибла в пустыне; пойдем вместе со мной в какую-нибудь далекую страну, где людей не делят на чистых и нечистых», и, как видишь, мы приехали с женой сюда и поселились вот в этой скромной хижине, куда к нам вскоре и пришла Фаустина. Пойди, вернись теперь к ней и передай ей все слышанное от меня в точности.

Старая Фаустина нимало не медля

отправилась в Иерусалим, чтобы найти пророка, о котором рассказал ей раб, вернувшийся с данным ему поручением. Она решила, что никто, кроме нее, не сумеет исполнить эту задачу и упрямой просить пророка помочь бедному Тиберию, потому что никто не страдал так от его болезни, как он сам и она, его верная кормилица. Она бодро перенесла морское путешествие и затем поехала дальше верхом, окруженная блестящей свитой, которую дал ей с собою Тиберий.

Подъезжая к Иерусалиму, она была поражена, увидев, что к городу со всех сторон стекаются толпы народа.

Она ехала и все расспрашивала, где ей найти пророка, которого она искала; наконец одна из женщин указала ей на какого-то человека и сказала:

— Спроси вот его; насколько я помню, я видела его в числе учеников этого пророка.

Фаустина поехала к указанному ей человеку. Распростертый на земле, он громко умолял прохожих и всадников раздавить его, потому что из-за него прольется сегодня невинная кровь, которую он предал за несколько жалких сребреников. Фаустина с удивлением смотрела на него и слушала бессвязную речь. А он проклинал свою судьбу и восклицал с горечью:

— Неужели не довольно того, что я лег сюда на землю, чтобы люди растоптали меня? Зачем вы еще пристаёте ко мне с расспросами, куда девался наш учитель?

— Неужели я не имею права спросить, где твой учитель?

Но Иуда вскочил с места, зажал себе уши руками и бросился бежать, к удивлению всех присутствующих. Фаустина поехала дальше, погруженная в свои невеселые мысли; но вдруг на повороте дороги, которая вела от дворца правителя Иудеи к Голгофе, она увидела шествие: вели на смертную казнь преступника. Перед ним бежала толпа молодых оборванцев, вопивших от радости, что увидят сегодня необыкновенное зрелище. За ними двигалась группа людей в длинных торжественных одеяниях, очевидно, люди знатные и высокопоставленные. Тут же, сейчас за ними, шло много женщин; у некоторых были заплаканные, грустные лица. Множество калек и нищих тащилось рядом с ними и жалобно вопили: «Великий Боже! Спаси его! Пошли ангела, который бы спас его». Наконец показалась группа воинов на лошадях; их обязанность состояла в том, чтобы следить, как бы кто-нибудь из толпы не подошел к узнику и не осво-

бодил его. За ними шли палачи, которые должны были распять преступника.

Они взвалили ему на плечи тяжелый огромный крест, так что он изнемогал под его тяжестью. Голова его наклонилась так низко, что невозможно было почти разглядеть его лица.

Фаустина остановилась на перекрестке и смотрела на это шествие, и ее поразило, что преступник одет в пурпурную мантию и на голове его красовался терновый венец.

— Кто этот человек? — спросила она.

— Этот человек называл себя царем, — ответил ей кто-то из толпы.

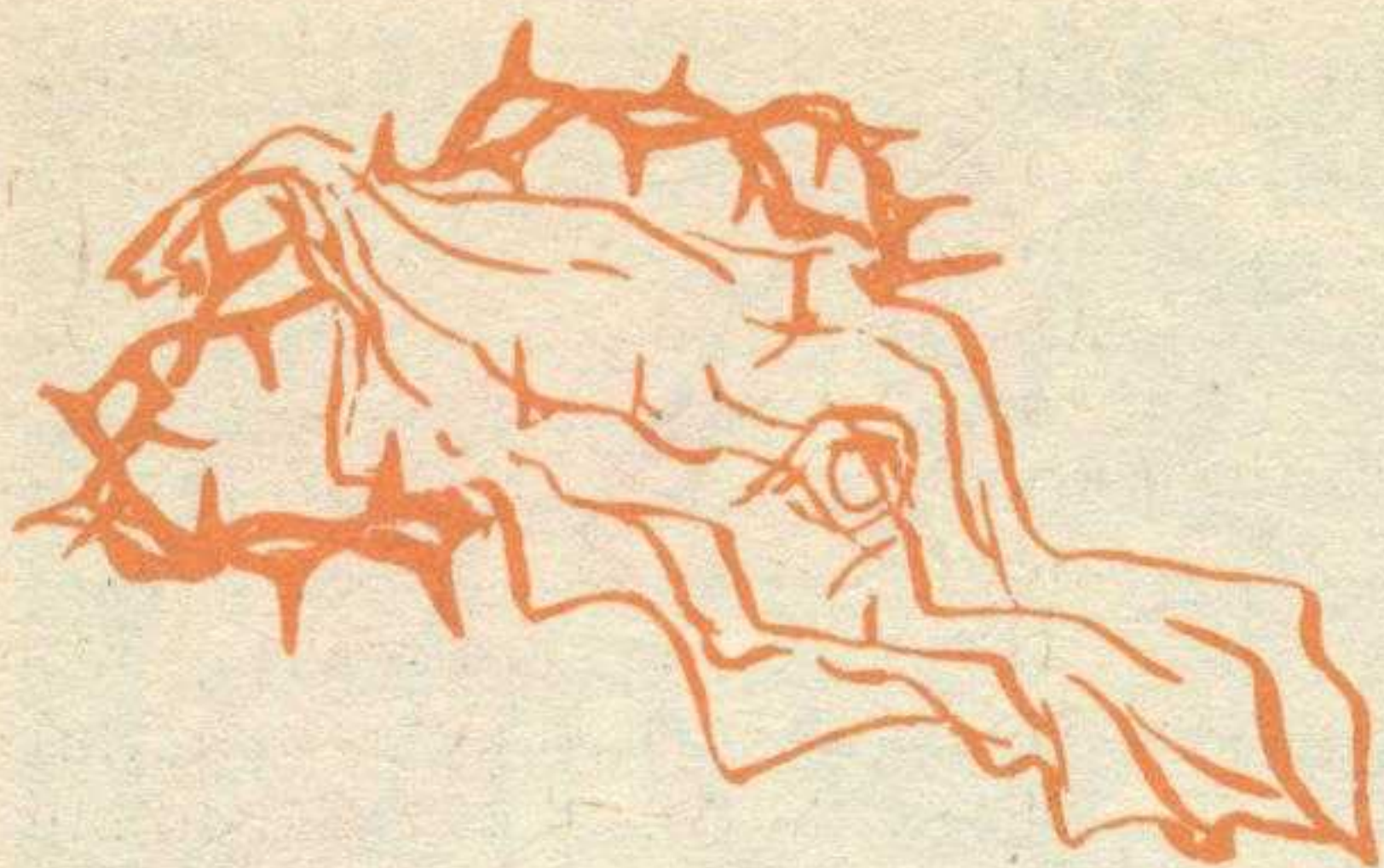
Между тем несчастный совершенно изнемогал от тяжести креста — он с трудом передвигал ноги; палачи привязали к телу его веревку и тащили его таким образом вперед. Но веревка запуталась вокруг него, и он упал на землю вместе с крестом.

Среди толпы произошло волнение; воины с трудом удерживали женщин, пытавшихся броситься к несчастному, чтобы помочь ему подняться на ноги. Палачи стали бить его, чтобы заста-

вить снова идти дальше, но он не мог подняться, так как крест лежал на нем и давил его. Тогда они взяли крест, чтобы он мог снова встать. В эту минуту он поднял голову, и Фаустина увидела его лицо, все изборожденное шрамами от ударов; со лба его капали крупные капли крови от тернового венца. Волосы его лежали беспорядочными прядями, смоченные потом и покрытые пылью. Рот его был закрыт, но губы дрожали, как будто он старался подавить готовый вырваться крик. Глаза, полные слез, смотрели тускло, почти бессознательно. Но лицо это произвело магическое действие на старую Фаустину: она почувствовала, что вся душа ее переполнилась жалостью к этому человеку.

— Ах ты несчастный, — сказала она и сделала шаг вперед, движимая чувством жалости и сострадания. Упавший взглянул на нее и прополз немного вперед ближе к ней, как бы ища у нее защиты и утешения; голова его склонилась к ее ногам, и он обхватил их руками. Она, забыв все свои печали и огорчения и думая только о нем и о его страданиях, наклонилась, нежно обняла его голову, как мать обнимает дитя, и, вынув свой тонкий полотняный платок, вытерла ему лицо, чтобы немного освежить и смыть грязь и пот.

Но в эту минуту палачи схватили снова свою жертву и потащили ее дальше. Он не оказал никакого сопротивления, и только стон вырвался из его измученной души.

Фаустина напрасно пыталась удержать его — ее слабые силы изменили ей, и, теряя сознание, она упала бы тут же на дорогу, если бы сопровождавшие ее люди не подхватили ее и не отнесли в ближайший дом, где она могла отдохнуть и оправиться немного.

У правителя Иудеи, Понтия Пилата, была молодая жена. Накануне того дня, когда Фаустина приехала в Иерусалим, молодая женщина видела странный сон. Ей приснилось, что она стоит на крыше своего дома и смотрит вниз во двор, выложенный, по обычаю тех стран, мрамором и усаженный цветами и красивыми растениями. Но в этом дворе были собраны больные, слепые и хромые со всего мира. Она видела перед собою всевозможных больных; все они толпились, кто как мог, у дверей дворца и громко стучали в него. Наконец дверь эта отворилась и на пороге показался раб, который спросил, что им надо. Они ответили ему: «Мы ищем великого пророка, которого Бог послал на землю. Где пророк из Назарета, творивший чудеса? Где тот, который может избавить нас всех от страданий?» И раб равнодушным и высокомерным тоном, столь свойственным всем слугам дворца, ответил им: «Вам незачем больше искать великого пророка: Пилат умертвил его». Тогда все больные закричали и застонали так ужасно, что она не выдержала, сердце ее сжалось от жалости к ним, она вскрикнула и проснулась. Через несколько времени она снова заснула, и тот же сон приснился ей, только на этот раз во двор собрались все сумасшедшие, все безумные этого мира.

И опять она проснулась и затем снова заснула и видела тот же сон, но уже во дворе стояли узники и пленные всего мира. Потом она в ту же ночь видела еще во дворе: всех убитых в боях, искалеченных, без ног, без рук и всех тех, которые потеряли своих близких в

сражениях, молодых женщин, оплакивавших своих мужей, несчастных матерей, требовавших обратно своих сыновей. Наконец под самое утро, когда она снова заснула, она видела во сне, что рассказала обо всем своему мужу, но тот только посмеялся над ней и подвел ее снова к перилам на крыше, чтобы она заглянула во двор и увидела бы, что он пуст; но оказалось, что и на этот раз там были люди. Посередине двора стоял высокий широкоплечий мужчина с сердитым и пасмурным лицом, вокруг него толпилась свита. «Ты знаешь этого человека?» — спросил ее муж. «Да ведь это цезарь Тиберий, он приехал в Иерусалим!» — «Мне кажется, ты права», — сказал ей муж и, приложив ей палец к губам в знак молчания, стал прислушиваться к тому, что делалось во дворе. Они услышали, что цезарь спросил вышедшего к нему на встречу раба: «Где пророк из Назарета, одаренный от Бога способностью творить чудеса? Царь Тиберий желает его видеть, чтобы он вылечил его от ужасной болезни, от которой никто не может вылечить». Раб смиренно поклонился ему и ответил: «Царь, не гневайся, но желание твое не может быть исполнено». Тогда царь обернулся к окружающей его свите, и со всех сторон ему принесли алмазы, жемчуга, мешки, наполненные золотом. Он указал на них рабу и сказал: «Все это будет принадлежать ему, если он вылечит Тиберия; он может раздать это нищим всего мира». Но раб снова поклонился и дал ему тот же ответ, как и в первый раз. Тогда по знаку царя принесли богатое одеяние, зашитое жемчугами и алмазами, и он сказал, что подарит его пророку, если тот исцелит его. Но раб дал ему тот же ответ. И царь сказал: «Я готов уступить ему свое право власти над всей Иудеей, пусть он только исцелит меня», но, получив прежний ответ, он приказал своим слугам принести золотой венец и пурпуровую мантию и сказал: «Я сделаю его своим наследником, он будет править всею моею землею и может всех обратить в свою веру, пусть он только поможет мне». Тогда раб упал к его ногам и промолвил: «Царь, не от меня зависит исполнить твою волю. Тот, которого ты ищешь, убит Пилатом».

Молодая женщина проснулась в этот день очень поздно; она сидела пасмурная и молчаливая, пока рабыни одевали ее, и наконец спросила, где ее

муж. Услышав, что он творит теперь суд над разбойниками, молодая женщина очень испугалась и послала своему мужу записку. Но его самого она увидела только за столом и то в присутствии нескольких римлян, находившихся как раз в Иерусалиме. Все присутствующие заметили скоро, как грустна и расстроена хозяйка дома, и стали ее расспрашивать, что с ней. Тогда Пилат рассмеялся и рассказал про записку, полученную им утром от нее, и прибавил, смеясь:

— Неужели ты думаешь, что я могу руководиться твоими снами в деле правосудия?

Но она еще больше опечалилась и сказала, что это вещий сон и что он должен послушаться ее и отложить по крайней мере казнь этого человека, чтобы не случилось какого-нибудь несчастья. Но Пилат только засмеялся ей в ответ. В это время один из гостей с удивлением заметил:

— Что это такое? Разве мы так долго сидим за столом, что уже стало темно?

И действительно все только теперь заметили, что внезапно наступили сумерки и все предметы кругом приняли сероватый оттенок. Лица присутствующих побледнели, так как темнота с каждой минутой заметно сгущалась. Молодая женщина воскликнула с мольбою, обращаясь к своему мужу:

— Мой друг, разве ты не видишь теперь сам, что бессмертные боги предупреждают нас о грядущем несчастье? Они разгневаны тем, что ты осудил на смерть ни в чем не повинного. Я уверена, что хотя, может быть, он уже приговорен к кресту, но он не успел еще умереть. Пусть его снимут с креста... я сама обмою его раны и перевяжу их... позволь мне вернуть его к жизни.

Но Пилат только рассмеялся и сказал:

— Напрасно ты думаешь, что боги заботятся о судьбе какого-то иудейского проповедника.

Он не кончил начатой фразы, как наступила такая темнота, что пришлось зажечь светильники. Все гости притихли, и Пилат, чтобы развлечь их, предложил жене рассказать свой сон. По мере того как она рассказывала его, лица присутствующих становились все серьезнее, и наконец, когда она кончила, один из них сказал:

— Сон твой в руку, госпожа, так как сегодня я видел старую Фаустину, кор-

милицу Тиберия, здесь, в Иерусалиме. Говорят, что царь болен ужасною болезнью, от которой никто уже не может его вылечить. Очень вероятно, что она приехала сюда по поручению царя, чтобы просить этого иудейского пророка помочь ему, — и, обращаясь к Понтию Пилату, он добавил: — Мне кажется, ты должен сейчас же послать гонца, чтобы спасти, если еще можно, этого человека. Ведь если царь действительно прислал за ним, тебе и нам придется плохо, если он узнает, что ты велел казнить его.

— Я вижу, что под влиянием этой темноты вы стали так же пугливы, как моя жена, — заметил Пилат, улыбаясь. — Что скажет обо мне народ, если узнает, что я руководствуюсь в своих действиях снами моей жены. Не беспокойтесь, я знаю, что делаю. И всю ответственность за смерть этого человека я беру на себя. Ведь если бы это был действительно пророк, посланный Богом, он не позволил бы моим слугам так унижать себя, как этот человек.

В эту минуту раздался страшный удар, похожий на раскат грома, и вся земля точно вздрогнула. Дворец Пилата остался неприкосновенным, но кругом множество домов рушилось и провалилось до основания. Когда волнение, вызванное этим происшествием, немного улеглось, Понтий Пилат призвал одного из слуг и велел ему скорее бежать на Голгофу и снять с креста человека, именовавшего себя пророком из Назарета.

Через несколько времени посланный вернулся и сказал:

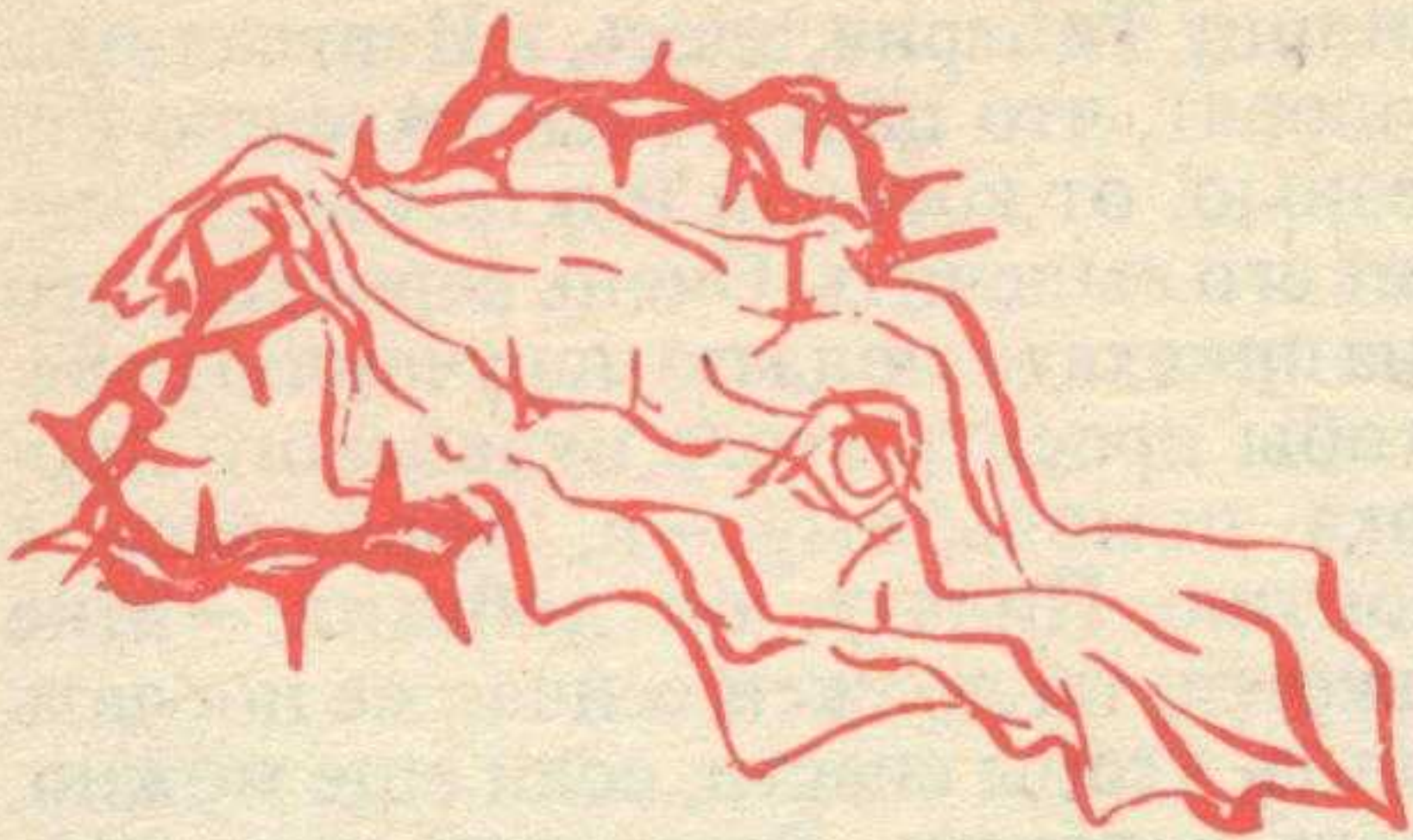
— Господин, землетрясение произошло в ту минуту, как человек этот испустил дух.

Не успел он произнести этих слов, как в дверях показался другой слуга и произнес:

— Господин мой, сюда идет Фаустина, кормилица царя Тиберия; она пришла просить тебя помочь ей найти пророка из Назарета.

Гости Пилата переглянулись между собою, и минуту спустя их уже не было больше в комнате. Пилат увидел, что друзья покинули его потому, что на него должно было обрушиться несчастье.

Старая Фаустина вернулась из своего путешествия и снова приехала на Капри и тотчас же отправилась к царю,

чтобы рассказать ему все. При виде его она чуть не вскрикнула, так изменился он за то время, что она не видела его.

«Если бы боги имели хоть каплю сострадания, они не допустили бы меня до того, чтобы отнять последнюю надежду у этого несчастного», — подумала она. Но, к ее удивлению, Тиберий выслушал ее рассказ совершенно равнодушно.

— Неужели вся жизнь, проведенная в Риме, не могла искоренить в тебе веру в чудеса, которую ты всосала с молоком матери в своих Сабинских горах? — спросил он.

— Но зачем же ты допустил меня совершить это долгое и утомительное путешествие, если ты думал, что оно будет напрасно? — сказала Фаустина с горечью.

— Ты мой единственный друг, — ответил ей Тиберий, — зачем же я буду отказывать тебе в просьбе, которую я еще в состоянии исполнить?

— Значит, ты хитрил со мной, — воскликнула она с гневом. — Эту черту я всегда ненавидела в тебе, — прибавила она, рыдая.

— Тебе не следовало возвращаться ко мне, — сказал Тиберий, — оставалась бы ты лучше в своих горах!

— Этот человек действительно пророк, — проговорила Фаустина. — Я ведь видела его, и, когда глаза наши встретились, мне показалось, что я вижу Бога. Я простить себе не могу, что, несмотря на это, я все же допустила, что его повели на казнь.

— Я очень рад, что ты не остановила этой казни, — проговорил Тиберий. — Это был человек, выдававший себя за царя; он только мучил народ и восстанавливал его против меня.

— Я говорила со многими из его друзей в Иерусалиме, и все они утверждали, что он ничего подобного не делал.

— Ах, если не это, то он виноват в чем-нибудь другом, — сказал царь усталым голосом. — Верь мне, нет на свете

человека, который тысячу раз не заслужил бы смерти.

— Ну хорошо, — сказала Фаустина, решаясь наконец испробовать то средство, которое она откладывала до последней минуты, — я покажу тебе платок, которым я вытерла пот и кровь с его лица, — посмотри-ка его хорошенько!

Она развернула платок перед царем, и тот увидел на платке слабый отпечаток человеческого лица.

Голос старухи дрожал, когда она прибавила:

— Этот человек видел, что я полюбила его всем сердцем. Я не знаю, каким это образом случилось, но он оставил мне на память отпечаток своего лица, и глаза мои наполняются слезами при взгляде на него.

Царь наклонился и внимательно всматривался в это лицо, обрисованное из пыли, грязи и каплей крови. Он ясно видел эти капли крови от тернового венца, он видел волосы, слипшиеся от крови и пота, он видел рот с губами, подернутыми страданиями. Он все ниже наклонялся к этому лицу, оно все яснее выступало перед ним. Он ясно различил теперь глаза, полные бесконечной скорби, но и полные достоинства и душевной чистоты. Он лежал на своем ложе и, казалось, не мог оторваться от этого лица.

— Неужели это человек? — спросил он тихо. — Неужели это человек?

И вдруг из глаз его потекли слезы, и он еще тише промолвил:

— Я оплакиваю твою смерть, о неизвестный! Фаустина, — воскликнул он вдруг, — зачем ты допустила смерть этого человека? Он исцелил бы меня!

И снова царь погрузился в созерцание этого лица.

И вдруг он воскликнул:

— Если ты и не можешь исцелить меня, то я по крайней мере могу отомстить за твою смерть. И я отмщу за нее.

И снова он полежал немного молча и вдруг прошептал:

— Да, ты один — человек! Ты тот, которого я никогда не надеялся увидеть! Мы все, — при этом он указал на свое лицо, на свои изъеденные болезнью руки и ноги, — мы все — дикие звери и чудовища, и только ты один — человек! Сжался надо мной, — продолжал он, и тихие слезы потекли из глаз его. — Ведь если бы ты был жив, я знаю, один взгляд твоих глаз исцелил бы меня.

Бедная Фаустина испугалась при виде слез царя; она оттого и не хотела так

долго показывать платка, чтобы еще больше не растравить его горя. И, чтобы покончить с этой тяжелой сценою, она вырвала платок из рук царя. Царь поднял голову. И вдруг — о чудо! — лицо его оказалось таким, каким оно было до болезни. Быть может, болезнь его находила себе питание в ненависти и в презрении, которое он чувствовал к людям, и она исчезла в ту минуту, как он впервые почувствовал сострадание и любовь...

На следующее утро Тиберий послал трех гонцов. Первый гонец отправился в Рим с приказанием сенату произвести следствие о деятельности правителя Иудеи с целью выяснить степень его виновности в деле присуждения невинных людей к казни. Второй гонец поехал в Сабинские горы и разыскал там молодых супругов, давших такой удачный совет старой Фаустине и когда-то приютивших ее. Он должен был рассказать им все подробно и отвезти большую сумму денег в награду за оказанные услуги. Третий гонец поехал в Палестину и привез оттуда на Капри несколько учеников Иисуса, которые и стали распространять там учение Христа.

Когда апостолы прибыли на остров Капри, старая Фаустина лежала уже на смертном одре. Но перед смертью она приняла христианство, и при крещении ей дали имя Вероники¹, так как ей суждено было сохранить истинное изображение Христа для потомства.

Публикация Дмитрия РУНГЕ.

Художник Татьяна ПЕТРОВА.

¹ Имя Вероника происходит от слова *veraison* — подлинный образ.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

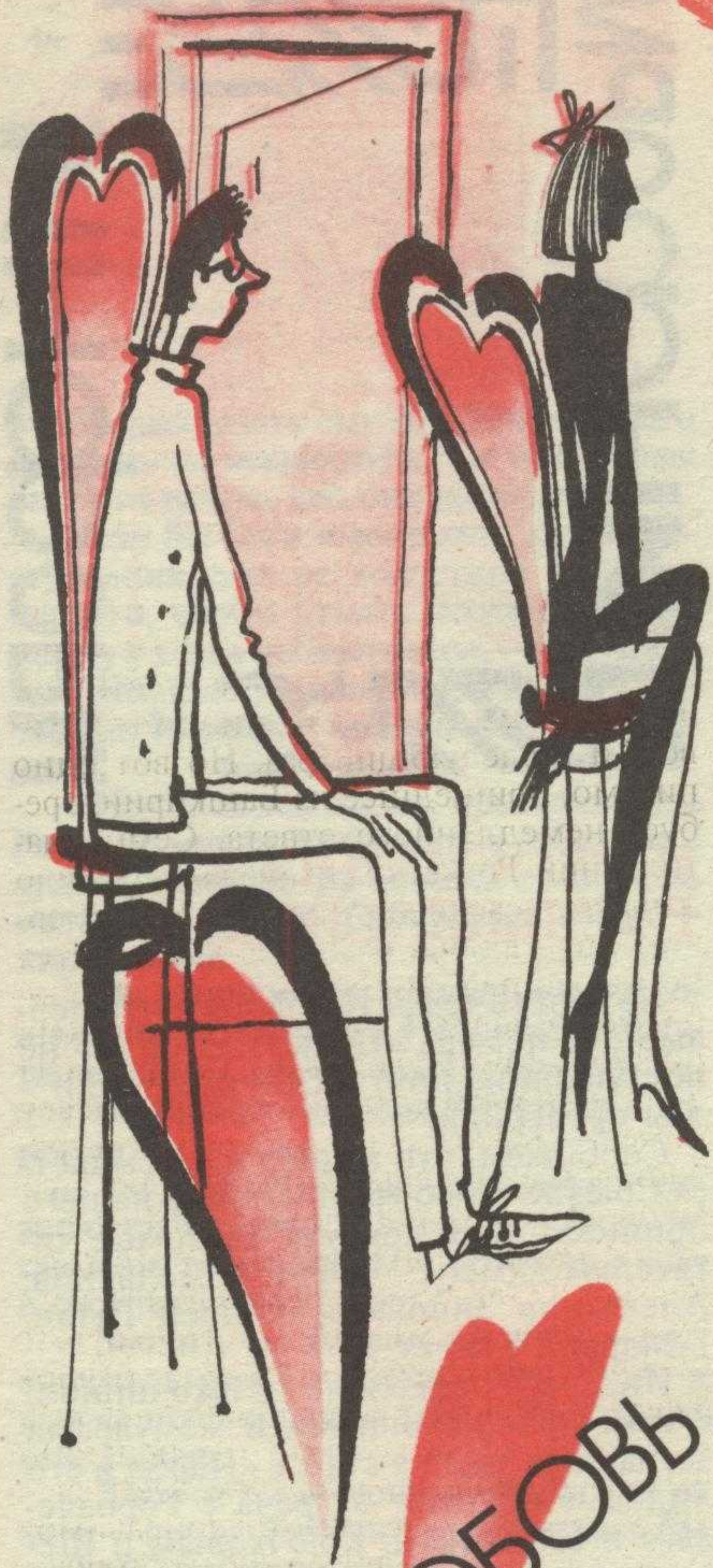
Не верьте тем, кто говорит, что первые два номера «Пульс-Информ» не поступали на почту. Они поступали — мы проверили.

Сообщаем, что вышел и рассылается Союзпечатью третий номер нашего приложения. В нем уже знакомые читателям имена: Юрий Емельянов, Александр Зиновьев, Андрей Разин, Г.Марвин Смолл...

Интересующихся не только шпионскими приключениями и мемуарами эстрадных звезд в статье «Народ и его лидеры» ожидает встреча с Горбачевым и Ельциным, Крючковым и Шеварднадзе, Бакатиным и Назарбаевым. Чьи кумиры эти политики, интересы какого народа они представляют (и представляют ли?) — читайте в «Пульс-Информе».

Читайте и размышляйте. О чем? О том, что пора готовиться к подписке на следующий год. Что ожидает вас на страницах «Пульс-Информ»-92? Увлекательные приключения и загадочные встречи в Индии, новые и абсолютно забытые художественные произведения известных «наших и не наших» писателей и... многое другое.

Помните! Хорошая книга сегодня стоит очень дорого, а «Пульс-Информ» — единственный журнал, который не подорожает! Цена подписки на 1992 год прежняя — 6 рублей. Индекс — 70444.

Сегодня мы постараемся ответить хотя бы на часть вопросов, которые вы задаете ведущим рубрики. Вот лейтмотив многих писем, которые написаны девушками «Любимый ушел, потому что я не согласилась доказать ему свою любовь. Жизнь кончена, что делать?» Разумеется, не накладывать на себя руки — это во-первых. Жизнь продолжается, а любовь еще и не начиналась. Поскольку какой же любящий человек захочет причинить боль своей девушке, причем не только моральную, но и физическую? Если парень на второй день знакомства принуждает вас забраться к нему в постель, не верьте его уверениям в любви к вам. В лучшем случае им движет увлечение, страсть, которая, как правило, сходит на нет, когда предмет страсти завоеван. Мы опять возвращаемся к урокам психологии, особенностям женского и мужского поведения («Пульс» № 17, 1990). Девушке для того, чтобы решиться на близость с любимым человеком, особенно в первый раз, нужны не только его уверения в любви. Ей нужно привыкнуть к манерам любимого и к самой мысли о близости с ним. У юношей же в силу их психофизических особенностей нет потребности в длительной подготовке. Пожалуй, наиболее ярко эти чувства описаны у Л.Н.Толстого. Помните, в «Воскресении»: «...В душе у Нехлюдова была буря... Тот животный человек, который жил в нем, не только поднял теперь голову, но и затоптал себе под ноги того духовного человека, которым он был в первый свой приезд. Он вошел к ней (к Катюше. — Н.В.) в комнату, на минуту остановился. Тут еще была возможность борьбы. Хоть слабо, но еще слышен был голос истинной любви, который говорил ему об НЕЙ, о чувствах, об ЕЕ жизни. Другой же голос говорил: смотри, пропустишь СВОЕ наслаждение, СВОЕ счастье. И этот второй голос заглушил первый. Он решительно подошел к ней. И страшное, неудержимое, животное чувство овладело им...»

Впрочем, «неудержимое животное чувство» овладевает порой и девушками. 17-летняя Наташа из Рязанской области, пытаясь разобраться в происшедшем с ней, пишет: «Познакомилась с ним на дискотеке. Потом он пригласил к себе домой выпить кофе. Все было очень спокойно и красиво, он не угро-

ПРО ЛЮБОВЬ
ПРО КРОВЬ
И ПРО СЧАСТЬЕ
В ЛИЧНОЙ
ЖИЗНИ

жал, ничего не требовал, нежно целовал и гладил колени. Сама не пойму, как все случилось. Его обвинять, конечно, глупо». Да, обвинениями теперь вряд ли поможешь, тем более что Наташа оказалась беременной. О том, чтобы оставить ребенка, речь не идет. Случайный знакомый, с которым девушка не собирается связывать свою жизнь. В сложившейся ситуации надо, видимо, попробовать поговорить с ним, без обвинений, без претензий. Поскольку девушка обрекает себя на физические страдания, долг молодого человека, который хочет считать себя мужчиной, помочь ей хотя бы морально. Скорбеть о крушении всей жизни, думается, не стоит. Ведь это не любовь посетила ваши души, а всего лишь страсть, пусть даже и взаимная.

16-летняя Светлана из Тамбовской области написала в редакцию вроде бы о любви, вроде бы о взаимной, но все равно несчастливой. «Мы с моим любимым учимся в одном классе. Собирались пожениться, но не сейчас, конечно, а как поступим в институт. Но не выдержали и провели одну ночь. И вот теперь я беременная. Что надо делать?» Надо быстрее бежать к врачу. Если срок еще небольшой, то можно будет избежать этого страшного слова «аборт». Страшна-то, впрочем, не сама операция, а ее последствия, тем более для таких юных девушек. Врачи-гинекологи настоятельно рекомендуют девушкам, заподозрившим у себя признаки нежелательной беременности, немедленно идти к врачу. Потому что при задержке до 20 дней ситуацию можно будет исправить при помощи мини-аборта. Преимущества этой операции перед обычным абортом в том, что она менее разрушительно действует на женские половые органы, практически не дает никаких последствий.

Вообще писем на тему неожиданной беременности по-прежнему приходит в редакцию много. Наши советы («Пульс» № 3, 1991), видимо, не идут на пользу. «Часто смотрим зарубежные фильмы, — написала Н. из Ашхабада, — а там молодая пара, как говорится, трахается (так в письме. — Ред.) каждый день — и ничего. А потом они говорят друг другу — давай, мол, заведем ребеночка. И тут они один раз трахнутся — и раз, она уже беременная. Объясните, как это может быть?»

Это может быть вследствие использования методов предупреждения беременности. Самым простым и рацио-

нальным является физиологический метод.

Если продолжительность цикла 30 дней и, предположительно, менструация началась 1 сентября, тогда первый период, когда можно не бояться забеременеть — с 1 по 11 сентября. Следующие восемь дней — с 12-го по 19-е — наиболее благоприятны для зачатия, то есть в этот период нужно избегать половых контактов или пользоваться контрацептивами. Затем наступает второй период, когда зачатие невозможно. Для страховки можно сократить неблагоприятные для зачатия периоды еще на два дня.

Так получилось, что сегодня мы отвечаем лишь на письма девушек. Не меньше проблем накопилось и у мужской части наших читателей, о них мы поговорим в следующий раз. Но вот одно письмо, пришедшее из Башкирии, требует немедленного ответа. Семнадцатилетний Роман очень нежно и тепло написал о своей девушке. Пережив первую ночь любви, которая, как кажется Роме, прошла удачно, он попросил любимую о новой близости. Но эта ночь ничего, кроме боли и слез, не принесла ей. «От чего эти боли? — спрашивает Роман. — Как избавить ее и себя от страданий? Она теперь боится близости со мной. А я так люблю ее». Это не болезнь, как предполагает автор письма, но, увы, не такое уж редкое явление, когда девушка, испытав незначительную и непродолжительную боль при дефлорации — разрыве девственной плевы, — не может избавиться от этих неприятных ощущений и со страхом ждет следующей близости. Но это поправимо, если мужчина будет бережно и осторожно приучать любимую к половой жизни. Девушке, особенно в начале ее сексуальной жизни, гораздо важнее и приятнее не сам половой акт, а ласки, поцелуи любимого, его нежные слова. Как бы ни хотелось мужчине немедленно приступить к «главному», он должен дождаться, пока любимая не испытает ответного сильного желания. Не забывайте, дорогие мальчики-мужчины, что даже у современных, эмансипированных девчонок, самоуверенных и вполне самостоятельных, потребность в ласке, в желании нравиться, вызывать восхищение почти безгранична.

Наталия ВЛАДИНА.

Не надо бояться самих себя

В связи с обрушившимся на редакцию шквалом звонков и писем от разгневанных родителей и других представителей старшего поколения по поводу публикаций в нашей рубрике («Уроки Ольги и Татьяны»), подкрепленных к тому же Указом Президента, нам пришлось срочно вызывать Главного психолога Минздрава СССР доктора психологических наук В.В.ГУЛЬДАНА.

— Виктор Викторович, помогите разобраться нашим читателям, чем же отличается эротика от порнографии? И насколько верны обвинения некоторых читателей, что мы развращаем молодежь ненужными знаниями?

— Во-первых, знаниями развратить нельзя. Развратить, сбить с пути истинного можно только незнанием. Если быть точным, эротика — это поэзия любви, это прежде всего искусство, гармония в отношениях мужчины и женщины. Порнография — это изображение полового акта, половых органов, сделанное с разной степенью непристойности в нарушение морально-этических норм. Вот для того, чтобы отличать одно от другого, чтобы избежать возможных нарушений сексуального поведения, и необходимо половое воспитание.

— Как, по-вашему, связываются понятия цивилизованности и сексуальной культуры, насколько они отвечают представлениям, бытующим в нашей стране?

— Лично мне, например, вообще трудно говорить о цивилизованности в применении ко многим аспектам нашей жизни. Мы постоянно повторяем путь, давно пройденный другими народами, пытаемся найти какие-то свои решения, причем не всегда удачно. Это касается и вопросов сексуальной культуры. На ее формирование, вернее на ее отсутствие, наложила свой отпечаток прежде всего православная религия с ее бесконечными запретами на плотскую любовь. А с другой стороны, безусловно, сыграла свою роль «новая религия» — коммунистическая идеология, которая изначально носила пуританский характер. Иногда складывалось впечатление, что мы строим бесполое общество.

— Если говорить о сексуальном воспитании, то с какого возраста, по-вашему,

следует его начинать?

— Самое главное — оно не должно быть отдано в руки сомнительных людей. С какого возраста? Думаю, это процесс поэтапный, тесно связанный с формированием общей культуры подростка, его личности. Поскольку наше общество долгое время оставалось закрытым, произошло отставание в решении этих вопросов. Долгое время закрывали глаза на проблемы сексуального бескультурья, наркомании, насилия, считая, что их как бы нет в нашей стране. А они были, росли и размножались! И вот теперь мы в ужасе хватаемся за голову, виним в развращающем влиянии Запад, нашу «разнузданную печать», Бог знает кого еще, только не самих себя. А ведь это мы виноваты в том, что наши дети употребляют наркотики, вступают в половую близость еще в школе, беременеют, подхватывают венерические заболевания. Мы не смогли вовремя дать им исчерпывающую информацию. Они во всем видят только удовольствие, у них отсутствует сознательный момент выбора, принятия решения. Если бы подросток имел возможность получить открытую, полную информацию о предмете, интересующем его, он смог бы избежать многих драматических последствий. Да, вот есть наркотики, и они действительно дают сильные эмоциональные впечатления, «кайф». Но подросток также должен знать, что произойдет с ним через неделю, через месяц, через год — зависимость от наркотика, раннее постарение, тяжелые психические заболевания. Или: девочка любит мальчика, уже ходит к нему ночевать. Любовь прекрасна, но знает ли девочка, что может возникнуть нежелательная беременность, и если она не хочет иметь ребенка, то придется делать аборт. Знает ли она, что ранний аборт — это реальная угроза дальнейшего бесплодия, предпосылка к заболеванию женских органов, это, в конце концов, разрушение организма. Информация подобного рода у нас до сих пор не поступает должным образом к молодым людям. А она необходима им как воздух.

— Долгое время мы говорили о морали советского человека, внушив самим себе, что у нас какая-то особая мораль, подразумевающая изначально чистоту помыслов и действий наших людей. Что там, на Западе, действительно другие люди, другая мораль?

— Люди везде одинаковы. Проблемы сексуального воспитания, сексуальной культуры существуют во всем мире. На их разрешение накладывают свой отпечаток общая культура, социальный, интеллектуальный контроль и самоконтроль населения. Ведь интимные отношения мужчины и женщины — это неотъемлемая часть общественных взаимоотношений. Да, во Франции на Пляс Пигаль — нескольких улицах в центре города — продается самая разнообразная сексуальная продукция — от порножурналов на любой вкус до сексуальных игрушек. Но это вовсе не означает, что все французы поголовно озабочены сексуальными проблемами. В секс-шопах не так уж много посетителей. И никогда там не увидишь подростков. За продажу секс-продукции лицам, не достигшим определенного возраста, владельца магазина сурово наказывают. Секс-шопы существуют практически в каждой развитой стране. Они, наверное, давно бы прогорели, если бы их существование не было необходимо обществу. Зачем они нужны в цивилизованном обществе? Попробую пояснить на конкретном примере.

Когда-то при проведении экспертизы мне пришлось встретиться с пациентом с диагнозом некрофилия. Он был хорошим производственным, ничем особенным не выделялся. Поймали его случайно. Обследуя этого молодого человека, я выяснил, что в детстве он перенес тяжелую психическую травму: пьяный отчим на его глазах избивал и насиловал мать. Повзрослев, он никак не мог найти себе девушку, женщины его беспричинно раздражали. У этого пациента был нарушен коммуникативный аспект взаимоотношения между полами. И он нашел оптимальный вариант для себя. Это было не во Франции, у нас. А сколько весной на наших улицах появляется эксгибиционистов, которые не могут решить свои проблемы обычным путем и наносят моральные травмы детям и женщинам. И если мы сравним количество изнасилований, других преступлений на сексуальной почве в нашей стране и во Франции, увы, сравнение будет не в нашу пользу. Во всех странах есть определенные группы людей с нарушенной психикой, с сексуальными отклонениями. Но в западном мире эти люди могут найти возможность удовлетворить свои извра-

щенные потребности заменителями — секс-игрушками. У нас же в качестве объекта они вынуждены выбирать живых людей. Фактически мы провоцируем и поощряем подобные преступления. В нашей стране нет ни разветвленной сети служб психотерапевтической помощи, куда могли бы обратиться эти люди, ни необходимых им сексуальных эрзацев. В результате разыгрываются трагедии. Ради того, чтобы уберечь хотя бы одну жертву из десяти, чтобы хотя бы один из сексуальных маньяков смог прийти в магазин и там купить нужный ему «удовлетворитель» своих потребностей, я готов открыть в Москве несколько секс-шопов. Безусловно, они должны быть локализованы. Не в многочисленных подземных переходах и не на Красной площади должна распространяться эта продукция. То, что происходит сейчас на бесчисленных рынках, в подземных переходах, где на одном лотке продается Библия и самые непристойные сексуальные картинки, иначе, как размыванием всех мыслимых моральных норм, и не назовешь. Как хотите, но это говорит о дальнейшем продвижении нашего общества к анимализации, то есть скатыванию на животный уровень.

— Видимо, как раз против таких уродливых проявлений сексуального воспитания и направлен Указ Президента о борьбе за нравственность и недавнее Постановление ВС СССР на ту же тему?

— Я хотел, чтобы это было так. Но боюсь, что суровые кары посыплются не на те головы. От Указа я, например, жду неграмотности в реализации, готовности все прикрыть скопом, усиления цензуры и, конечно, коррупции. Потому что в России все попытки либерализации ведут к воровству и порнографии, а наведение порядка к террору и беспределу. Один из главных вопросов, который определит судьбу Указа, — по какому принципу будут составляться экспертные комиссии. Необходимо требовать, вплоть до обращения в суд, чтобы в эти комиссии входили только профессионалы — искусствоведы, киноведы, психологи, сексопатологи. Никаких советских и партийных работников, никаких передовиков производства и ветеранов войны.

**Беседовала Валерия
ЦВЕТКОВА.**

Мы хотим предложить вам две анкеты, разработанные специалистами из Института гигиены детей и подростков. Вопросы первой анкеты адресованы основным нашим читателям — подросткам. А на вторую мы просим ответить их родителей, ответить, по возможности, на все вопросы. Анкеты анонимные. Дорогие мамы и папы, поверьте, ваше мнение очень важно для дальнейшего проведения исследовательских работ в этом направлении.

ИНТИМ-АНКЕТА

1. Ваш пол.
2. Возраст.
3. Согласны ли вы с мнением видных зарубежных и отечественных ученых, что подросток к моменту полового созревания должен быть осведомлен о вопросах пола?
 - а) Согласен.
 - б) Не согласен.
 - в) Затрудняюсь ответить.
4. Считаете ли вы, что ко времени вступления в половую близость молодой человек должен знать не только о нормах, но и о сексуальных отклонениях, чтобы быть защищенным от возможных ошибок?
 - а) Полностью согласен.
 - б) Это только развращает.
 - в) Затрудняюсь ответить.
5. Где вы получаете информацию об интимных вопросах?
 - а) От знакомых.
 - б) Из литературы, продающейся в кооперативных ларьках на улице.
 - в) Из переводных книг в библиотеках.
 - г) Из статей психологов, медиков, публикуемых в различных журналах.
 - д) От родителей.
6. С кем вы откровенно поделитесь интимными переживаниями, проблемами в половой жизни?
 - а) С родителями.
 - б) С друзьями.
 - в) С нашим журналом.
7. Согласны ли вы с утверждением, что «секс без любви невозможен»?
 - а) Да, это одно целое.
 - в) Это разные вещи, которые не обязательно совпадают.
 - в) Затрудняюсь ответить.
8. Какой возраст вы считаете приемлемым для:
 - а) Заключения брака.
 - б) Для начала интимных отношений.

ИНТИМ-АНКЕТА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

1. Ваш пол.
 2. Возраст.
 3. Считают ли родители, что информация о вопросах пола для подростков должна поступать:
 - а) От специалистов (лекции, службы психологической помощи).
 - б) Из книг.
 - в) Достаточно родительского опыта и рассказов.
 - г) Другие варианты.
 4. Как часто вы ведете откровенные разговоры на интимные темы с вашими детьми:
 - а) Регулярно обсуждаем все интересующие ребенка вопросы.
 - б) Только когда этого требуют обстоятельства.
 - в) В нашем доме не принято говорить на эти темы.
 5. Разрешаете ли вы детям выезжать на дачу с приятелями, оставаться ночевать у знакомых, возвращаться домой после девяти вечера?
 - а) Очень редко.
 - б) Совершенно исключаю эти варианты.
 - в) Это личное дело моего ребенка.
 6. Какова будет ваша реакция, если вы найдете в портфеле у сына презерватив, а у дочери противозачаточные таблетки?
 - а) Постараюсь откровенно поговорить.
 - б) Подниму на ноги школу и всех знакомых.
 - в) Выгоню из дома.
 7. Считаете ли вы свою личную интимную жизнь счастливой?
 - а) У меня никогда не было проблем в интимном плане.
 - б) Не все сложилось так, как хотелось.
 - в) Не приходилось об этом задумываться.
- Спасибо всем, кто нашел время ответить на все наши вопросы и прислал их в редакцию с пометкой на конверте «Интим-анкета».

Художник
Марина ПЕРФИЛЬЕВА.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ РОК — ЭТО

Так думают многие, утверждая, что эта музыка олицетворяет подростковый нигилизм.

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ...

«Убе-е-ей!» — визжат разгоряченные молодые фанаты металлической группы «Overkill». Действие происходит в чикагском зале «Медуза», где сцена больше напоминает адскую дыру, чем самое себя. В воздухе, похоже, носятся флюиды насилия и преступления, а уж никак не безобидного развлечения рокеров.

«Убе-е-ей! Потрясно!» — вопли завешенных децибелами подростков порой перекрывают эти самые децибелы. Сложенные в виде дьявольской головы с рожками пальцы трясутся над толпой в ритм бухающего лидера. Солист «Overkill» Бобби «Блитц» Элсворт бросает в ответ на кровожадные вопли не менее убийственное: «Мне чихать, что вы там орете!» Это вполне удовлетворяет юную публику, ведь в песне, кажется, что-то говорилось о взрослых и родителях. А с ними, как известно, разговор короткий!

Обычно в «Медузу» набивается человек двести. Все с длинными, чуть подкрашенными волосами, как две капли воды похожими на прически их кумиров — музыкантов хэви. Те же

длинные лохмы глядят на вас с маек фанатов, проступая сквозь массу уже ставших знаменитыми железяк. Металлисты — обычные ребята, родители которых принадлежат к среднему классу, и в эту когорту входят в основном мальчишки. Это и не удивительно, ведь если ты металлист, то должен ходить на свои группы, где тебе в течение часа, а то и двух по башке бьют, как по наковальне: вверх — вниз, вверх — вниз, с диким скрежетом и невероятным ритмом. Не каждый парень такое выдержит, а что говорить о девчонках...

Ушедшие в себя ребята продолжают шаманить, повторяя движения прыгающих по сцене музыкантов. А мы

ПРИОТКРОЕМ ЗАНАВЕС

Итак, добро пожаловать в мир спид-метала, пользующегося наибольшим успехом у поклонников хэви вот уже почти шесть лет. Спид-метал напоминает вселенский центр грохота, широко использующий театральные формы, декорации и пирозффекты.

Это физическое ядро музыки хэви, которая — а уж поклонникам это известно лучше нас — умышленно какофонична, перегружена гитарными риффами, выводятся с турбореактивной скоростью и с непредсказуемым ритмом ударных. Ну, почти как у ставших уже классикой «Sex Pistols». А это, поверьте, надо не только слышать, но и видеть.

Не каждый подросток поначалу мог высидеть на концертах, где выступали «Metallica» или «Megadeth» в то время, когда вряд ли кто смог бы предположить, что через пару лет эти команды будут пользоваться бешеным успехом во всем мире. Плохо ли или хорошо, но, несмотря на все препоны и запреты родителей, разгромные статьи критиков, металлическая субкультура пустила сильные корни, доросла уже до 90-х годов и прекрасно себя чувствует.

Словарик металлиста:

Дэз-метал — темы песен связаны со смертью и разрушениями. Представители: «Слэйер», «Поссед».

Хард кор — использование музыкальных форм и классических тем панков. Представители: «Кро-Мегс», «Дед Кеннедиз».

Претти-метал — ансамбли, представляющие большую часть музыки хэви. Участники групп на первое место ставят привлекательную внешность. Представители: «Бон Джови», «Пойзон». Сюда же можно отнести группы глэм-рока и глиттер-рока.

Мош — «ритуальные» телодвижения подростков, в основном мальчишек, копирующих действия музыкантов. Напоминают повадки драчунов.

Спид-метал — так же известен как треш и пауэр. Забойный ритм, скоростная игра, короткие песни. Представители: «Металлика», «Мегадет».

Трейшерз — группы фанатов, которые тащатся от спид-метала.

ШРАМ НА ЛИЦЕ БУРЖУАЗИИ

Многие полагают, и среди них немало металлистов, что хэви-метал есть последний шрам на музыкальной культуре буржуев. К слову, он мало чем отличается от шоковых ударов рок-н-ролла 50-х, британского вторжения 60-х, арт-рока 70-х. Но Элвиса Пресли и «Лед Зеппелин» ни в коем случае нельзя ставить на одну доску с металлистами. Почему? Да хотя бы потому, что вдохновение гранды рока черпали не в сатанинских иллюзиях; потому, что в их песнях не было эффективных методов физических пыток и не давались подробные инструкции, как распотрошить человеческие внутренности.

Не щадят металлисты и слух своих поклонников, извергая на них потоки нецензурщины. Кроме того, стараются умышленно вызвать у слушателя чувство отвращения, как, например, в припеве известной песенки группы «Slayer» «Некрофил»: «Разорви на части, рассеки живую плоть, выдави глаза и отдели конечности...» Ничего? Как? Впечатляет?

Успех спид-метала в лице «Металлики» и «Мегадета», еще на заре своего отрочества продавших более 500 тысяч альбомов, составляет лишь часть феноменальной популярности большинства ансамблей, играющих музыку хэви. Не последнее место в этом ряду занимает группа из Нью-Джерси «Бон Джови». О ней писали достаточно много, и мы не будем повторяться. Отметим лишь, что альбом «Slippery When Wet» разошелся в количестве 12,5 миллиона экземпляров.

Пожалуй, главное, что объединяло и объединяет все ансамбли хэви, так это тема подросткового нигилизма, полная яростной сексуальности и выбора между жизнью и смертью. Учащенное сердцебиение подростков «нарезалось» на граммофонные дорожки. «В пятницу я подрался, потому что мне нужна драка», — пели «Мотли Крю» на ударном альбоме «Девчонки...» и продолжали: «У меня есть мотоцикл и выкидной нож, но мне все же хочется крепче прижимать к себе девчонок».

Говоря о хэви, как о явлении, надо

отметить, что металл — это нечто большее, чем просто музыкальная форма. Как писал в «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт» Джон Подхоретц — хэви прежде всего субкультура тинэйджеров. Как для панков 70-х, так и для фанатов металла (возраст которых обычно от 12 до 21 года) характерно выражать себя в особом поведении, одежде и прическах. Это для них вся жизнь, имидж, без которого их просто не заметят.

Девиз металлистов: главное — музыка, а слова — не самое главное.

МЕТАЛЛ ПРАВИТ МИРОМ

Примерно так можно охарактеризовать жизненную позицию фанатов. И, добавим, слова с делом у них не расходятся. Внешняя атрибутика металлистов окрашена в мрачные готические тона — дьявол не любит светлые краски. Читают они только ежемесячник «Сёкез», где ищут материалы об интимной и концертной жизни своих кумиров. На широкую ногу поставлено производство открыток, постеров, шмоток, миллионные прибыли от которых идут правда тем, кого металл интересует не больше, чем Северный полюс.

Живут металлисты сплоченно, дружно, объединяемые любовью к тому или иному идолу. А последних достаточно, так что всем хватает. Металл изменил в меру своих возможностей и окружающий его мир. Так, после всплеска металлической волны, популярный телеканал «MTV» стал уделять хэви гораздо больше места, чем раньше. Менеджер канала Ли Мастерз признавался, что это было непростое решение для него. С одной стороны, хэви популярен, а значит, должен приносить доход. С другой — зрители оценивают работу «MTV» по качеству видеоклипов, а клипы металлистов высокохудожественностью не отличаются, хоть зарежь. Здесь все упрощено и подогнано под простенькие вкусы фанатов. Главное — помрачней и пострашней. Главное — шокировать, пусть за грохотом и не услышать не менее шокирующие слова. «Это очень агрессивная музыка, в которой слова уходят на второй план», — резюмировал сотруд-

ник фирмы грамзаписи «Электра» Майкл Алаго.

Понятно, что эффект от появления хэви был разным. Некоторые говорили, что это версия нового поколения старых увлечений их родителей, сходящих с ума от Синатры и битлов. Короче, очередное увлечение и не больше. Другие же на правовом, медицинском, научном уровнях доказывали, что хэви вовсе не безобиден. Что песни, где есть самоубийства и разрушения, отрицательно влияют на подростков, какофония просто убивает мозги...

ЗАЛОЖНИКИ МУЖСКОЙ ЯРОСТИ

Так обозвал металлистов уже упоминавшийся Джон Подхоретц. Такое определение можно оспаривать, но то, что группы спид-метала каждый раз выплескивают порцию ярости на своих не менее раздухарившихся слушателей — это факт. Для примера, снова вернемся в «Медузу», где накал страстей растет прямо пропорционально дикарским выходкам музыкантов.

Самые заводные подростки привлекают внимание эксцентричными выходками, вошедшими в металлический ритуал под названием «концертное шаманство». Они по очереди пытаются взобраться на вершину сценической площадки, чтобы затем броситься вниз на море поднятых рук и лохматых голов.

Кстати, одной из тех, кто поставил себе целью вывести металл на чистую воду и обуздать растущий успех хэви, стала жена сенатора и претендента на президентских выборах 1988 года Альберта Гора — Типпер Гор. Она же была активной участницей Родительского Центра по музыкальным развлечениям. Что можно было от нее ждать — понятно. Ее версия строилась с дальним прицелом: страх перед ядерной войной породил движение, направленное на разрушение семейных традиций и против власть имущих. Теория понравилась многим и стала инструкцией для ретивых родителей, которые считали, что обязаны знать о своих оболтусах все, в том числе и то, что те слушают. Впрочем, сделать это было проще пареной репы — много-

ваттные стереосистемы трудно не услышать в собственном доме.

Но пока родители боролись или делали вид, что сражаются за чистоту помыслов и вкусов своих отпрысков, хэви успел проникнуть во все уголки че-

ловеческого бытия, бизнеса, да, в общем-то, и мира...

По материалам журнала «Ньюсуик» подготовил Сергей ЛЕБЕДЕВ.

Художник Надежда КОЛЮБИНА.

ХИТ-ПАРАД

«Ура! Заработало!!» — эту реплику кота по фамилии Матроскин можно с успехом применить сегодня. Действительно, наконец-то появился наш «Хит-парад». Ну зато теперь он будет выходить на редкость регулярно, ибо «главное — начать».

Вступительное слово закончено. Теперь, что касается самого парада:

Особых неожиданностей не случилось. Лидера колонки «Рок» можно было назвать не глядя — да, «Кино» ее бесспорный, абсолютный, единоличный лидер, даже близко к которому из остальных команд никто не подошел. Спасибо всем, кому дорога память этой группы и ее лидера... Разрыв между остальными очень и очень незначителен.

С «попсой» интереснее. Мы были уверены, что соревнование за первенство будет между «Л.М.» и «Сталкером». Не вышло. Несколько раз проверяли — все верно, ваши голоса делятся именно так, как это отображено в хит-параде. И с ходу отмечаем упреки в «подыгрывании» нашему музредактору — все определили вы сами.

В положении других групп огромную роль играет телевидение. Кому интересно, может сам попробовать проследить зависимость частоты показа тех или иных песен по всесоюзному телевидению с местами в хит-параде. И наоборот. Продолжаем делать парад дальше! Небольшое уточнение — при заполнении талона в верхней графе указывайте название больше всего понравившейся вам песни, а во второй — того, кто ЭТУ ПЕСНЮ исполняет. Вот и все.

Наташа ЧЕРКАСОВА.

ПОП

«Первые цветы» Андрей Державин
«Ради тебя» «Мама»
«Атас» «Любэ»
«Мои девчонки» Рома Жуков
«Московская прописка» «Комбинация»

«Лондон, гудбай» «Кар-мэн»
«Ну и что» «Русские»
«Закрой за мной дверь» «Ласковый май»
«Странные игры» «Технология»
«Ты уйдешь» «Комиссар»

РОК

«Звезда по имени Солнце» «Кино»
«Солнце мое» «Кино»
«Лодка» «Алиса»
«Раскачаем этот мир» «Ария»
«Троянский конь» Александр Кутиков
«Частица Вселенной» «Рондо»

«Возле дома твоего» «Сектор Газа»
«Падший ангел» Вячеслав Бутусов
«Все идет по плану» «Гражданская оборона»
«Шестой лесничий» «Алиса»
«Палачи» «Мастер»

ПЛАСТИНКА/МАГНИТОАЛЬБОМ

«Черный альбом» «Кино»
«Мы будем жить теперь по-новому» «Любэ»
«Блок Ада» «Алиса»

По материалам зарубежной печати подготовил Михаил Мачук (Польша).

KERRY KING (SLAYER)

Светлая и темная стороны «Слэйер»

«Seasons In The Abyss», новый диск «Слэйер», встретит нас действительно ман говорит: Что касается нового альбома... Джефф Ханнеман говорит:

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

Скажем откровенно — они повели себя нехорошо. Они обмочили одну лондонскую студию и к этому еще засморкали все полотенца в туалете.

Все это случилось во время записи нового диска, названного «Not A Pretty Sight». Этот альбом, реализованный при помощи Энди Тейлора, стал дебютом американской группы «Скин & Боунз».

— Мы такие, — объясняет вокалист Джонни Вамп. — Энди дал нам денег,

чтобы мы кое-что вышили и отдохнули. В эту ночь мы сделали наилучшие записи и поэтому немножко сошли с ума.

«Скин & Боунз» одеты, как положено среди металлистов. Но уверяют всех, что они серьезно относятся к тому, что делают: «Некоторые группы покупают свои шмотки до того, как научатся играть на гитаре! Мы умеем играть на наших инструментах, серьезно относимся к музыке и концертам. Мы не какая-то там группа из Лос-Анджелеса...»

— Мы, наверно, не относимся к своей работе слишком серьезно, — добавляет Джонни, — насколько серьезным может быть рок?

SKIN AND BONES

НОВЫЙ «НАПАЛМ»

С новым вокалистом Марком Гринвай группой «Напалм Деф» оживилась. Недавно выпущенный диск «Napalm Death» оказался поворотным моментом в ее жизни.

«Напалм Деф» когда-то называли самой быстрой рок-группой Великобритании. И не без причины: на их диске «Scum» (1987) находится 28 номеров.

Уход вокалиста Ли Дориана, которого многие считали душой группы, был вызван серьезной проблемой. Бунтарский «Напалм Деф» не мог больше терпеть этого бунтаря. Шейн

встречи...
опенили многих музыкаль-
ных журналов и новы-
шенный интерес публики
к этому ансамблю — де-
где грэш-металла.

Корреспондент журнала
«Керранг!» попытался уз-
нать, правда ли, что музы-
канты ненавидят друг
друга с момента выпуска
пластинки «South Of Hea-
ven».

— Об этом говорится
прежде всего в англий-
ской печати, — объясняет
Том Арайа. — Они выис-
кивают какую-то ерунду и
болтают. Все это фанта-
зия! Мы говорим друг дру-
гу вещи, которые приво-
дят нас в бешенство, но
это остается между на-
ми...

ман говорит:

— Мне он нравится...
мы сделали что-то новое.
А Тома и меня не интере-
сует, что об этом думают
другие.

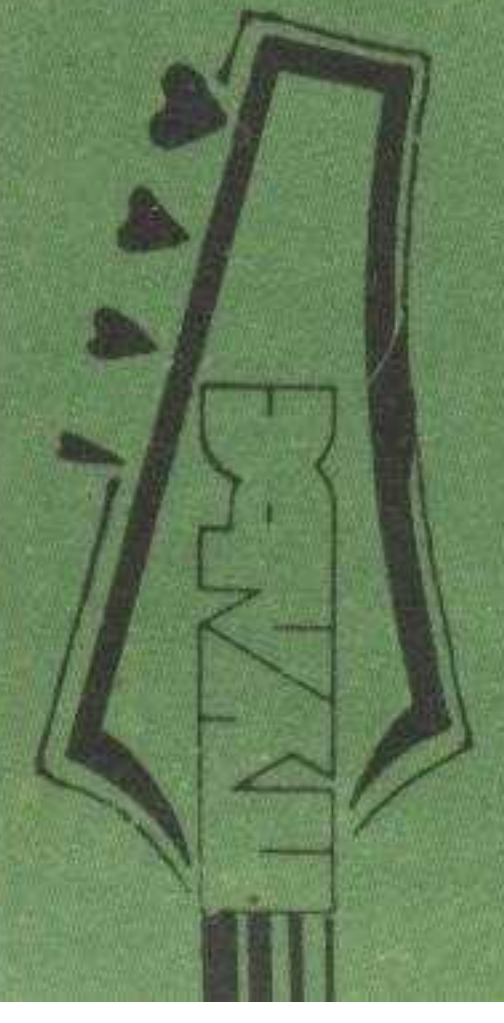
Тексты песен чаще все-
го касаются психических
отклонений и насилия.

— Мы всегда писали
тексты о темной, отрица-
тельной стороне жизни, —
сказал Арайа и сразу же
начал критиковать Аме-
рику: — Многие здесь не
хотят думать о действительности. Они не хотят
слушать, что в других
странах люди голодают,
убивают друг друга... Все,
что их интересует, — это
машина и в какой цвет по-
красить свои ногти. Они
хотят видеть мир в розо-
вом цвете, но это невоз-
можно. Каждый в какой-
то день умрет.

Однако у Арайа — он по-
происхождению латиноа-
мериканец — есть чувство
юмора. Он рассказывает,
что когда на улице незна-
комые кричат ему: «При-
вет, Том!», он отвечает: «Я
не Том!», и ему очень сме-
шно, когда перед ним из-
виняются и уверяют его,
что он похож на мужика
из «Слэйер»...

шол группы, был вызван серьезной проблемой. Дугтарский
«Напалм Деф» не мог больше терпеть этого буйтаря. Шейн
Эмбурри рассказывает: «Ли выходил на сцену, чтобы пора-
довать своих подруг. Мы хотели развиваться и записывать
песни подлиннее. Он хотел, чтобы репертуар был в безум-
ном стиле «Напалм», а мы хотели идти дальше...»

791

ОЗЗИ ОСБОРН

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ, или КАВАЛЕР ОРДЕНА ЛЕНИНА С ПРАВОМ УБИЙСТВА

Элегантный высокий красавец мужчина останавливается напротив вас, усмехается, прищутив глаза, а затем молниеносно выхватывает из-за пазухи небольшой пистолет и нажимает на курок, целя прямо в лицо. Экран заливается кровью — так вот уже почти тридцать лет начинаются фильмы киносериала об агенте британской секретной службы под номером 007 Джеймсе Бонде. Скоро этот знаменитый шпион отметит сразу два юбилея: в конце 1951 года английский журналист и писатель (а в прошлом — разведчик) Ян Флеминг в своем особняке на Ямайке начал работу над книгой «Казино «Рояль», где впервые появился непобедимый Бонд, ставший через год мировой знаменитостью. А в 1962 году Бонд впервые появился на экране — именно тогда осуществился проект давнего почитателя романов Флеминга, голливудского продюсера Элберта Брокколи, и зрители увидели фильм «Доктор Ноу» с неподражаемым Шоном Коннори в главной роли. К слову, актер и его герой очень помогли друг другу: никому еще не удавалось исполнить роль 007 лучше, чем Коннори, и в то же время именно образ Бонда принес молодому шотландцу известность, да какую! — на сегодняшний день Шон Коннори самый высокооплачиваемый киноактер в мире.

Лиха беда — начало. Вдохновленный успехом «Казино...», Флеминг до своей смерти в

1964 году успел написать еще двенадцать романов и цикл рассказов о похождениях «бесстрашного защитника бастионов демократии»; не отставали и киношники — картель Брокколи до сих пор продолжает выпускать серии «Бондианы». В один ряд уже выстроились шестнадцать картин (я не считаю фильмы «левых» студий), и, похоже, это не предел. За прошедшие три десятка лет неоднократно менялись исполнители роли Бонда, и соответственно менялся он сам, его характер: если Шон Коннори изображал изящного интеллектуала, тонкого шутника и джентльмена, то Бонд Роджера Мура гораздо забавнее, но и примитивнее — это просто стандартный супермен с глуповатой физиономией и манерами донжуана. Другой актер — Тимоти Далтон — настолько серьезно отнесся к своим обязанностям шпиона экстра-класса, что порой это выглядит неестественно и смешно.

(«Джеймсами Бондами» в разное время еще выступали — и их стоит упомянуть — Д.Лэйзенби, Б.Нельсон и Д.Нойвен.)

Супергерой для огромной аудитории заданных зрителей, для советской официальной прессы агент 007 стал удобной мишенью с самого момента своего появления: «антисоветчик, мерзавец и развратник». Образ врага в свое время раздувался настолько активно, что невольно вызвал любопытство у наших зрителей. Времена изменились, тут-то и выяснилось, что если Джеймс Бонд для кого и враг, так только для людей с полным отсутствием чувства юмора. Любой думающий человек, видевший хоть одну ленту про 007, поймет, что борьба коварного британца с СССР в лице генералов Гоголя и Пушкина — просто игра, забавная игра для взрослых, желающих приятно провести время в кинотеатре. Причем не забывайте, Бонд — англичанин, работающий только на себя, своего начальника М и Ее Величество королеву. Так что порой он весьма досаждаст своим союзникам по НАТО и получает от «советских»... орден Ленина.

Позволю себе позаимствовать удачный прием Юлиана Семенова. Итак:

«Информация к размышлению. Бонд, Джеймс. Один из лучших секретных агентов британской военной разведки. Бывший морской офицер, участник второй мировой войны. В агентурной сети имеет номер «007», где два ноля означают разрешение на убийство в ходе операций. Высок, строен, сложен атлетически. Правильные черты лица, темные волосы, особых примет не имеет. В совершенстве владеет всеми известными видами оружия и рукопашного боя. Участвовал в разведывательных и боевых операциях на земле и под землей, на воде и под водой, в воздухе и в космосе(!). Любит комфорт, изысканную пищу, а также красивых женщин, у которых имеет успех».

Вот, пожалуй, и все. Ничего портретик? Да, осталось добавить про обаяние агента,

которое не способна отразить официальная сводка.

Фильмы бондовской серии один кинокритик довольно удачно назвал кичем самого высокого сорта. Это, в общем, верно — действительно, кич, но — созданный авторами фильма совершенно сознательно. Не просто масштабный и яркий шпионский боевик, а самопародия и гротеск на весь мир, хохма (для наших ортодоксов следовало в начале фильмов ставить титр: «все, показанное далее, НЕСЕРЬЕЗНО»). Поиграть в эту игру с удовольствием соглашались такие знаменитые актеры, как Орсон Уэллс, Вуди Аллен, Кристофер Ли, Курт Юргенс, Кристофер Уокен, Терри Савалас и не менее известные, но вдобавок просто очаровательные кинодивы — Урсула Андресс, Барбара Бах, Лана Вуд, Джейн Сеймур, Ким Бессинджер, Мириам Д'Або и другие. А это о чем-то да говорит.

Вообще надо сказать, что, как это ни странно, образцом настоящего кича является первоисточник — сами романы Флеминга, которым не хватает присутствующей в киноверсиях самоиронии, где все всерьез — и размышления о патриотизме, и коварные русские

из СМЕРШа. Просто удивительно, как столь посредственные произведения, намного уступающие книгам того же Джона Ле Карре или других мастеров шпионской литературы, смогли стать основой для почти классики коммерческого кино. Но никуда не деться — Джеймс Бонд давно и прочно удерживает одно из ведущих мест в списке любимых киноперсонажей у зрителей всех континентов наряду со спилберговским Индианой Джонсом. Выход каждой новой серии головокружительных приключений 007 — большое событие в западном мире, предваряемое солидной рекламой. Тысячи и тысячи зрителей ждут с нетерпением новой встречи со своим кумиром, носящим под мышкой «беретту» 25-го калибра. Жду ее и я. А тем, кому еще не доводилось познакомиться с агентом 007, настоятельно рекомендую это сделать. Благородные мужчины и очаровательные женщины, путешествия по всему свету, схватки со злодеями... Что может быть интереснее?

Максим ПИРУС.

Художник Марина ПЕРФИЛЬЕВА.

КОЛОНКА МУЗЫКАЛЬНОГО РЕДАКТОРА

Всем привет! Меня попросили что-то рассказать о литературной деятельности музыкантов — не секрет, что многими в последнее время овладела тяга к сочинительству. «Пульс» знает о том, что уже готовятся к выходу и мои со «Сталкером» жизнеописания, так что через какое-то время наш журнал, может быть, это и опубликует. Пока идет шлифовка уже написанного. Может, когда и получится. Так вот, пока она идет... мы тут решили — только для читателей «Пульса»! — во втором

полугодии начать печатать главы из книги руководителя группы «Комбинация» Саши Шишинина: «Комбинация» — без вымыслов и мифов». Помоему, почитать это вам будет интересно. Она еще нигде не издавалась, так что для многих это будет приятным сюрпризом.

Ребята, давайте жить дружно! Редакция по ряду причин не смогла выполнить ваши многочисленные просьбы и «перебросить» книгу Разина «Зима в стране «Ласкового мая» из «Пульс-Информ» в «Пульс», зато читатели нашего с вами журнала будут первыми, кто прочтет историю «Комбинации».

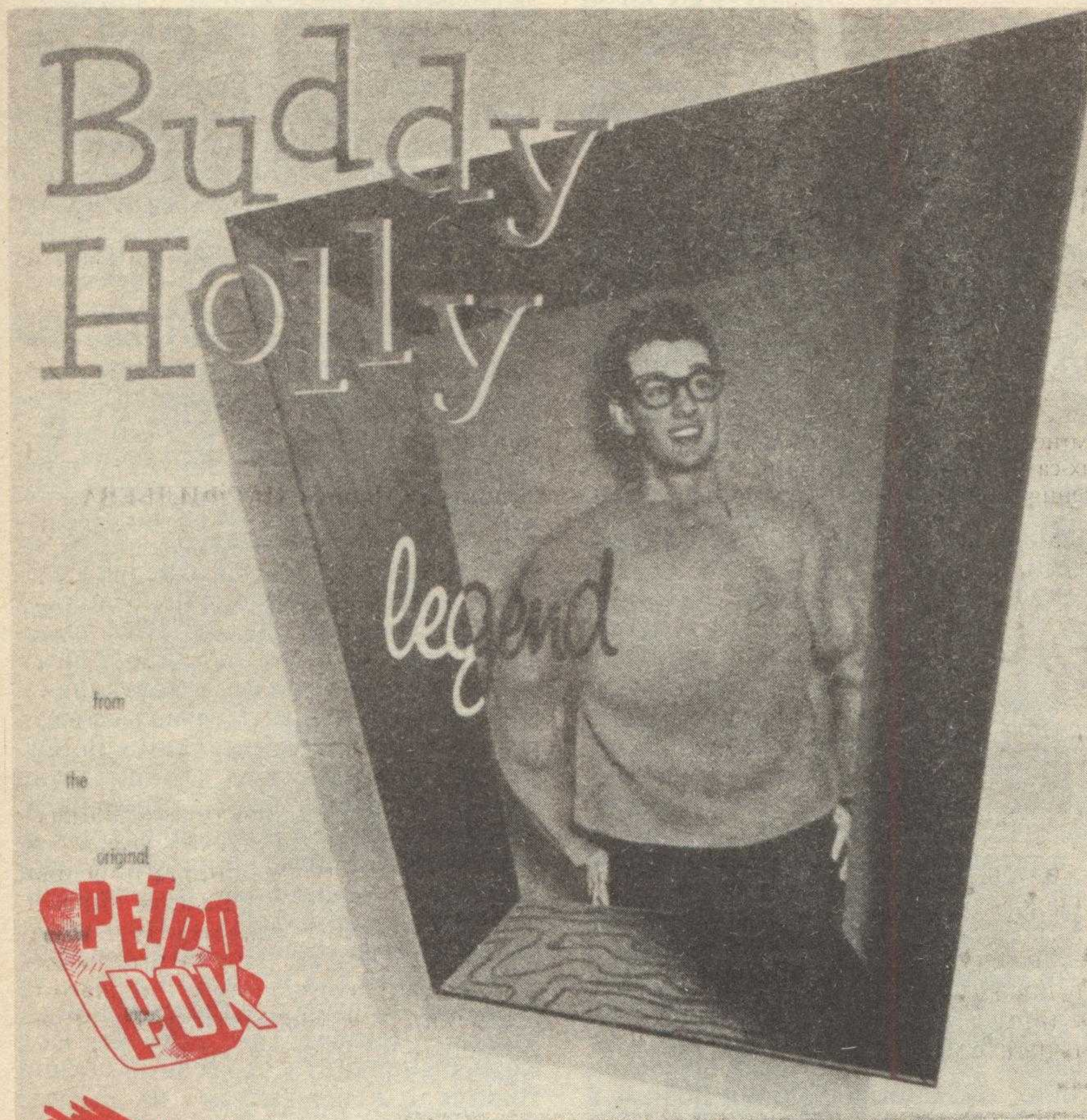
Следите за «Пульсом»!

ПАРАД • ХИТ • ПАРАД • ХИТ •

ПЕСНЯ	POP	ROCK
1		
ГРУППА		
2		
ДИСК		
3		

И. Верина

БУХГАЛТЕР С ГИТАРОЙ

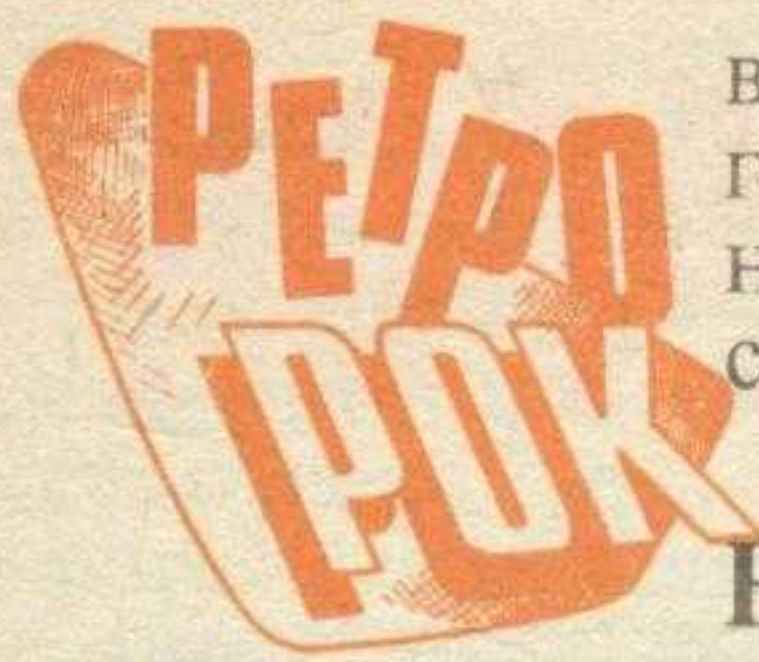

сть люди, которые по сей день плачут при воспоминании о таланте, чья звезда погасла в ненастный снежный день в феврале 1959 года.

Бадди Холли был одним из гигантов раннего рока, настолько серьезной фигурой в истории популярной музыки, что сегодня невозможно услышать хитовую песню, которая не была бы чем-то обязана высокому худому очкастому рокеру из Техаса. Как и многие, начав с кантри-н-вестерн, он написал десятки рок-песен, ставших клас-

сикой. Скорее чем другие певцы того времени, он возвращает нас во времена, когда музыка — это было весело, когда рок — это было здорово, и никто не пытался протолкнуть его как художественную форму, когда важна была только природная энергия — вот что котировалось. О музыке люди знали немного, они знали лишь, что она им нравится. Когда он пел, невозможно было не танцевать, не кайфовать.

Как только его музыка «пошла», он стал одним из крупных поставщиков хитов. Стоит только их послушать, чтобы понять, откуда и что появилось у ранних «Битлз» и «Бич Бойз», не го-

вора уже о сотнях других групп, которые без него просто бы не состоялись.

НЕ ТЕРЯЙТЕ ЭТОГО ПАРНЯ

Умопомрачительные затраты «Ар-Си-Эй» и их наполеоновские планы продажи Элвиса имели два прямых следствия, повлиявших на всю индустрию грамзаписи. Во-первых, это был признак того, что крупная фирма нашла рок-певца с потенциалом стать таким же известным, как Перри Комо и Фрэнк Синатра, и что она намерена вкладывать средства в такую личность. Во-вторых, целое поколение молодых исполнителей с кантри-основой и интересом к ритм-н-блюзу поняли, что у них есть шанс быть услышанными.

«По вине» Элвиса кантри-музыка по большому счету раскололась на рокабилли (rockabilly) и просто кантри (straight country). Название «рокабилли» впоследствии применили к мутанту — роковой разновидности хиллбилли-музыки. Рокбиллы в синих замшевых ботинках бодро топали тропой Элвиса и Перкинза, «простаки» же не думали снимать ковбойские сапоги, придерживаясь курса Хэнка Уильямза и других классических исполнителей. Ясное дело, я тут здорово упрощаю: посередине было достаточно оттенков серого.

Например кантри-н-вестерновая мутация, которую играл Бадди Холли в дуэте «Бадди и Боб», напрочь отличалась от того, до чего доигрались чуваки из Мемфиса. Из того, что можно слышать сейчас на ужасных переналожениях, сделанных «Бадди и Бобом» в Уичитта-Фоллз и Лаббоке в 1954 — 1955 годах, их гитарная работа состояла из квадратного 4-тактного кантри-ковыряния с небольшими озарениями и изрядной долей жесткой аккордовой игры. Помогал им в этом скрипач с типичной «вестерновой» манерой по имени Сонни Кёртис. Дуэт, как водится, пел в терцию, где Бадди делал ведущие вокалы. Лаббокским подросткам они нравились. Техасский городок был абсолютным захолустьем, местом настолько заурядным, что он мог находиться где угодно. Вот это-то качество — «кто угодно неважно откуда» — и было той изюминкой, из-за которой «Бадди и Боб» ценились в шоу-бизнесе.

«...ДАВАЙ ИДИ!»

«Бадди и Боба» обнаружил в Лаббоке охотник за талантами фирмы «Декка» Эдди Крэндэлл. Было это 14 октября 1955 года, когда дуэт гастролировал вместе с Биллом Хэйли и Хэнком Сноу; позже к турне присоединился Пресли. Шоу, которое увидел Крэндэлл, представляло собой рок-н-ролльный набор с небольшим отклонением Боба в кантри-звучание. Две недели спустя, когда подопечный Крэндэлла, известный тогда певец Марти Роббинз, выступал в Лаббоке, они снова встретились. Едва вся тусовка отправилась на ночь «джемовать» в «Коттон», Крэндэлл сел в уголке и безо всякого шума прослушал дуэт. В декабре, вернувшись в Нэшвилл, он написал владельцу радиостанции KDAV Дэвиу Стоуну: «Я вполне уверен, что смогу сделать для Бадди Холли контракт на запись. Не на большой, но, может быть, на маленькой фирме он был бы выгоден тому, кто верит в удачу». (Тогда же Крэндэлл неправильно написал фамилию Бадди (Holly вместо Holley) — с этим Бадди придется свыкнуться.) За сим последовала телеграмма, просившая Стоуна нарезать четыре демо-песни на станции. Вооруженный демозаписями, Крэндэлл стал биться в двери фирм грамзаписи, имевших офисы в Нэшвилле. «Ар-Си-Эй» была вне игры — она занималась Элвисом; «Коламбия» сосредоточилась на «мэйнстриме» — основном течении кантри-музыки, артистах типа Лефти Фризелла и Карла Смита — ее смущали «левые» предложения; оставалась «Декка». Там работал Пол Коэн, он прикинул, что если 30-летний толстяк с «завлекалкой» на лысине смог продать два миллиона пластинок, то, вероятно, 18-летний очкарик сможет тоже. Через короткое время у Бадди в квартире раздался телефонный звонок — звонил Джим Денни из «Опри», которому Крэндэлл поручил все переговоры. Разговор оставил у Холли противоречивые чувства, потому что, когда Бадди осведомился о Бобе, Денни ответил: «Ну, ты можешь его привести, если хочешь, но он не будет петь на пластинках. Нам нужен один певец, а не два». В конце концов он выяснил отношения с Бобом, который, по словам матери Бадди Холли, сказал: «У тебя есть шанс — давай иди!»

Итак, в январе Бадди уехал в Нью-Швилл и 26-го числа нарезал четыре темы в студиях «Декки» со своей группой «Three Tunes» (Три напева) в составе: басист Дон Гесс, барабанщик Джерри Эллисон и Сонни Кёртис на второй гитаре. Одна из вещей называлась «Midnight Shift» (Полуночная смена)—и это была откровенно рокабилльная песня, хотя до широкого употребления термина оставался еще год. Напрашивается вывод, что границы, разделяющие поп, кантри и ритм-н-блюз, размазались, и музыкальная индустрия пыталась разгадать эту загадку.

ВОТ ЭТО БУДЕТ ДЕНЬ!

...Что на самом деле не хватало лету 57-го, так это нового лица да новой яркой песни для его «засветки». Новое лицо появилось. Трогательное отсутствие уверенности в сочетании с псевдорезкими текстами придавало Холли обаяние нерешительного мальчика. Это еще более подчеркивалось его внешним видом: очки в роговой оправе превращали его в рассеянного и робкого студента, а строгий костюм сильно отличался от украшенных блестками шелковых и парчовых одеяний или ковбойских рубашек и замшевых курток с бахромой его соперников. С одной стороны, мил и застенчив, с другой — уверен в своих силах и смел с женщинами.

И вот песня, по которой летом тосковала вся Америка, появилась в конце августа. «That'll Be the Day» (То-то будет день). Холли еще в 1956 году записал ее в кантри-варианте для «Декки». Но теперь ее играли «Cricketts» (Сверчки), и вышла она в то время, когда отношения Бадди с фирмой уже разваливались. В конце года Бадди получил от «Декки» «вольную» и осознал, что надо как-то зарабатывать на жизнь. Для этого ему пришлось набирать рабочую группу. С Кёртисом они не ладили, и тот ушел. Остался только барабанщик Джерри Эллисон. Но в Лаббоке было довольно музыкантов, и, будучи почти звездой вестерн-н-бопа, Бадди без труда смог найти басиста Джо Б.Молдина и ритм-гитариста Никки Салливэна.

Дальше нужны были новые пластинки. Бадди видел, что «Декка» не реализовала его потенциал, и, может быть, поэтому он обратил свой взор не на Восток, а на Запад. Точнее, на горо-

док Кловис, штат Нью-Мексико, родину продюсера Нормана Петти.

25 февраля 1957 года «Крикетс» уже настраивали инструменты в студии Петти. Они по новой сделали «That'll Be the Day», вместе с другой темой, написанной Бадди «I'm Lookin' For Someone To Love» (Ищу ту, которую люблю). В переписанной вещи было гораздо больше перца, чем в декковском варианте. Тогда же у группы появилась возможность прослушаться для шоу Артура Годфри «Искатели Талантов» в Эмэрилло. Но, как рассказывал Джо Молдин, «искатель талантов» уставился на них в изумлении, пробормотав: «Боже, и куда же музыка катится!» После чего Бадди обратился к Петти и попросил его съездить в Нью-Йорк, дабы тот использовал свои связи и раздобыл им контракт.

Петти встретился с Бобом Тилом, шефом репертуарного отдела «Корэл Рекордз», подразделением «Декки». Тилу песни понравились, но на пластинках с коралловой этикеткой, где обычно писались кантри-исполнители, такую группу, как «Крикетс», продать было бы сложно. У Тила появилась идея. «Корэл» контролировала старую фирму «Брунсуик», используя ее как свалку для своих оригиналов. Он предложил «Крикетс» сделку с «Брунсуик» и подготовил «That'll Be the Day».

Решив отпечатать всего тысячу со-рокапятков, воспрянувший духом Петти вернулся из Нью-Йорка с брунсуикским контрактом. «Крикетс» отметили это событие записью еще 15 песен. Тут позвонил Тил и сказал, что сделал отдельный контракт для Бадди на «Корэл». На первый взгляд все кажется слишком запутанным, но от этого было легче Норману Петти и «Сверчкам», так как они могли контролировать поток записей, сами принимали все решения художественного плана и переправляли законченные дубли на пленке Бобу Тилу. Сейчас это обычная практика, но Бадди Холли и «Крикетс» одними из первых заключили сделку с подобной степенью независимости для артистов.

Пластинка неожиданно получила новый заказ, потом была вновь переказана, потом еще и еще. В августе белые «Крикетс» заняли вторую строчку в ритм-н-блюзовом хит-параде, попутно не выходя из графа в поп-таблицах. «That'll Be the Day» пополнил ряд клас-

сических произведений рок-н-ролла, не уступая любому из них и по тексту.

То-то будет день, когда ты скажешь прощай

То-то будет день, когда я из-за этого заплачу

Скажешь, что ты уходишь, ну это вранье

То-то будет день, когда я умру

Для ясности скажу, что идиома «That'll Be the Day» (То-то будет день) на самом деле имеет значение «черта с два», «держи карман шире», «когда рак на горе свистнет», «не дождешься» и тому подобное.

Затем вышли «Oh Boy!» (Вот это да!) и «Peggy Sue» под собственным именем Бадди. По крайней мере, «Корэл» в профессиональной рекламе «Пегги Сью» потрудились выделить Холли из всего состава «Крикетс». Эта песня определила звучание группы: высокий голос Бадди легко перепрыгивал на фальцет и обратно, опираясь на громовые раскаты барабанов Джерри Эллисона. Замечу кстати, что Пегги Сью — это реальная личность. Бадди сначала назвал песню «Синди Лу», но Джерри Эллисон посчитал, что лучше подойдет имя его подруги. Бадди, недолго думая, согласился. Так родился еще один классический рок.

ВЛЮБИТЬСЯ ТАК ЛЕГКО

Молодого рокера заметили. Элэн Фрид представлял Бадди Холли в своем телешоу с «Пегги Сью». «Крикетс» вышли в традиционных костюмах-тройках, с контрабасом и новинкой — гитарами фирмы «Фендер». Бадди в таком прикиде выглядел вылитым бухгалтером, соседским парнем — имидж беспроектный. В телепрограмме Холли упомянул о своем новом турне. Правда, закончил интервью словами, от которых, в свете дальнейших событий, бросает в дрожь. Так, в ответ на фразу Фрида, вспоминая свое последнее сборное турне, куда он включал «Крикетс»: «Бадди, мы неплохо провели время, и мы много летали на всевозможных самолетах», — Холли засмеялся и, изображив рукой вращательные движения кувыркающегося самолета, проорчал:

— «Умп-умп-умп». Вот это да!

Бадди после летнего отдыха решил жениться на девушке по имени Мария

Элена Сантьяго, которая работала секретаршей в издательстве «Пир-Сазерн Мюзик». Холли познакомился с ней во время ленча, когда приехал в Нью-Йорк, и тут же за столом сделал ей предложение. Никто всерьез тогда его не воспринял, особенно Мария Элена. Затем Бадди пригласил ее на обед, из-за которого Мария развязала долгую войну со своей консервативной теткой. Та сомневалась, стоит ли ходить к артисту на свидания, пусть даже и в ресторан на обед. В тот вечер Холли вновь стал серьезным, и Мария Элена дала согласие.

Они провели медовый месяц в Акапулько вместе с Джерри Эллисоном и Пегги Сью. Как откровенничала песня с последней сорокапятки Бадди, «влюбиться так легко» (It's So Easy To Fall In Love).

Постепенно Бадди Холли взрослел, как, впрочем, и весь рок-н-ролл. На следующей маленькой пластинке были представлены песни «Heartbeat/Well Alright» (Сердцебиение/Ну хорошо) — оба рока были мягкими. Ободренный Норман Петти стал подумывать, что Бадди и «Крикетс» плюс артисты, которые в них раскрылись, — Джерри Эллисон и Уэйлон Дженнингз (новый басист Бадди и сам будущий кантри-певец) — могли бы приносить ему постоянный доход. И в октябре, когда его контракт с «Колампией» истек, он не возобновил его, рассчитывая сыграть на выпуске пластинок этого трио на фирме «Нор-Ва-Джак».

К этому времени Бадди Холли получил предложение записать с группой струнных «It Doesn't Matter Anymore» (Теперь это неважно), и Нормана очень заинтересовал результат. Бадди становился поп-артистом, первым рок-н-ролльщиком, который совершал прыжок в «мэйнстрим».

Но Бадди стал понимать, что он со «Сверчками» в Нормане больше не нуждаются. Они ведь часто гастролировали без него, и сами научились выбивать деньги из несговорчивых импресарио. Бадди даже носил пистолет — обычная предосторожность в те дни. Итак, вернувшись с Марией Эленой в Лаббок они встретились с Петти, потребовав от того выработать условия ухода. Норман протестовал, но молодая чета держалась твердо. Тем временем «Крикетс» — Джерри Эллисон и Джо Молдин — сидели в Кловисе в ожидании записи.

Получив возможность самим решать свою судьбу, они выбрали путь с Норманом Петти, а Бадди вернулся с женой в Нью-Йорк. Время было на исходе, говорил Холли, надо добиваться успеха, пока он еще молод. Ведь до сих пор под своим именем у него была только одна хитовая пластинка — «Пегги Сью».

ПЛАЧУ, ЖДУ, НАДЕЮСЬ

Жизнь Холли стабилизировалась: он брал уроки актерского мастерства в профессиональной театральной студии, Мария Элена ожидала ребенка. Бадди втайне лелеял надежду, что, прождав сколько надо, он воссоединится с «Крикетс», ибо ему нужны были деньги.

Первым делом Бадди Холли необходимо было собрать бэнд. Томми Оллсэп сидел наготове с гитарой, а друг Холли диск-жокей Уэйлон Дженнингз рвался в бой с басом наперевес. Бадди несколько раз звонил Никки Салливэну, надеясь, что он усилит гитары. Но не застал его дома, и его место занял Чарли Банч.

Последовали две недели гастролей по северным районам Среднего Запада в обшарпанных и плохо отапливаемых автобусах. Однажды автобус сломался, и стало так холодно, что Чарли Банч отморозил пальцы на ногах, и его пришлось госпитализировать; продолжать турне надо было без него. 1 февраля 1959 года они отыграли в штате Висконсин в двух местах — днем в Эпплтоне, вечером в Грин-Бэй. Затем все погрузились в автобус и покрыли еще 350 миль по замерзшим автострадам. Бадди рассчитывал, что раз он звезда, то сможет улучшить положение, и обещал своему ансамблю, что после концерта в Клир-Лэйк в следующий город (Мурхед, штат Миннесота) они закажут самолет. Томми и Уэйлон согласились, и менеджер танцзала в Клир-Лэйк позвонил в «Дуайер Флайинг Сервис», местное отделение службы чартерных рейсов.

Молодой летчик Роджер Питерсон согласился доставить их из аэропорта Мэйсон-Сити в Фарго, что в штате Северная Дакота, а Фарго и Мурхед разделяет только река. Естественно, слух об этом просочился, ибо Бадди Холли и его бэнд были не единственными, кому эти испытания оказались не по силам. Дж.П.Ричардсон обратился к Уэйлону, говоря, что с его размерами в

автобусах трудно поместиться, и к тому же у него простуда. Не будет ли он так любезен отдать свое место в самолете? Уэйлон великодушно согласился. Ричи Вэлленз попросил о том же Томми Оллсэпа. Ричи не слезал с него до тех пор, пока тот не согласился бросить с Вэллензом монетку: проигравший едет в автобусе. Томми выпал жребий остаться.

В 0.40 Бадди, Ричи и Дж.П. прибыли в аэропорт. Роджер Питерсон был счастлив иметь пассажиров-суперзвезд, а Бадди настоял, что сядет вперед, чтобы смотреть, как пилот будет вести красный 4-местный «Бичкрафт Бонанза». Он любил самолеты и тайком от жены брал уроки пилотажа.

Почти сразу после взлета Питерсону пришлось переключиться на приборы, и он немедленно потерял ориентировку, потому что гироскоп был установлен в противоположной стороне от той, к которой он привык. Пилот так растерялся, что забыл заполнить окончательный план полета, и диспетчерам «Дуайер» могло показаться, что самолет ведет себя довольно странно. Питерсон взялся за радио, но ответа не было. Позже он предпринял еще одну попытку, опять безрезультатно, а аэропорт Фарго сообщал, что не видит самолета. Незадолго до рассвета подняли тревогу. «Бичкрафт» пропал.

Как Дуайер позже рассказывал расследовавшим катастрофу: «Я просто не мог сидеть и решил слетать и попробовать проследовать тем же курсом, который, по-моему, взял бы Роджер. Приблизительно в 8 милях от взлетной полосы я заметил обломки». Они были на кукурузном поле, разбитые об ограду. Правое крыло коснулось земли и оторвалось, а самолет ударился о землю и пропахал борозду длиной 150 метров, прежде чем забор остановил его. Ричардсона выкинуло за забор на 15 метров, Бадди и Ричи разбросало в разные стороны, а Питерсон лежал среди обломков. При ударе погибли все».

Как выразился один из известных американских музыкантов Дон Маклин, 3 февраля стал «днем, когда умерла музыка». Есть люди, которые по сей день плачут, вспоминая день, когда погасла звезда Бадди Холли, погасла надежда и легенда рок-н-ролла.

Олег УСМАНОВ.

представление НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ ...

♥ Вы когда-нибудь задумывались над значением слова «технология»? «Что-то связанное с производственным процессом», — скажут одни. «Представления не имею», — другие просто недоуменно пожмут плечами. Ну а те, кто периодически тусуется на столичных поп-дискотеках Игорька Селиверстова в Лужниках, сразу вспомнят крутую команду, при одном упоминании которой с шумом взрывается зал. И моментально собирается у сцены толпа навороченных фанатов. Так вот, это и есть та самая «Технология», о которой пойдет речь, которая воплощает мечты многочисленных любителей техно-попа, отличающаяся высоким уровнем современных композиций, умными текстами, а главное, оригинальностью.

— Клевые ребята! — сообщила стоявшая на концерте рядом со мной девчонка своей подружке.

— Точно, таких не встретишь даже на самой крутой тусовке «депешников» у Макдоналдса, — откликнулась та.

В последнее время композиции группы проникли во многие хит-парады страны (в том числе и «Пульса»), звучали по волнам различных музыкальных радиостанций. И все равно у поклонников всегда есть вопросы к своим кумирам. Приходится отвечать... Так что знакомьтесь, ребята:

«Технология» — это...

Владимир Нечитайло, в группе — вокал, клавиши. Козерог, рожденный в год Козы в городе Берлине. В свободное время питает страсть к нашим четвероногим друзьям — дома у него четыре собаки, из них две — бладжаунды.

Роман Рябцев — вокал, клавишные, гитара. Раньше играл в дуэте «Прощай, молодость», сейчас с успехом пи-

шет музыку, сочиняет тексты песен. Очень любит все красивое (а кто не любит?). Дома среди кассет с записями любимых групп бродит кошка по имени Ушки и бегают прирученная крыса.

Леонид Величковский — бэк-вокал, клавишные, гитара. Музыкальную свою карьеру начал строить еще в восьмом классе школы вместе с Володей. В итоговом хит-параде «Звуковой дорожки» газеты «Московский комсомолец» Леня вошел в пятерку лучших клавишников прошлого года. Когда есть время, пишет песни для таких групп, как «Звезды», «Комиссар», и Игоря Селиверстова.

Андрей Кохаев — клавиши и ударные инструменты, партии на компьютере и железная перкуссия. Очень большой любитель путешествовать, не так давно вернулся из Африки.

Еще с группой работают звукооператор Вадим Фишман, администраторы Александр Мовер и Андрей Черкасов. Вот и весь состав технологии. А продюсер группы — Юрий Айзеншпис, известный по группе «Кино». А на наши вопросы отвечали солисты группы Володя и Рома.

— Ребята, расскажите об истории создания команды.

— В принципе «Технология» как таковая трансформировалась из некогда популярной среди фанов группы «Биоконструктор», в которой работали Александр Яковлев, Леонид Величковский и Андрей Кохаев. Весной 1990 года Саша ушел и стал основателем «Био». А мы с Володей решили попробовать себя в качестве солистов и с оставшимися музыкантами вместе организовали «Технологию».

— А название...

— Если по поводу какого-то смысла, то хотелось бы держать это в секрете.

Каждый волен трактовать его по-своему. Обычно отталкиваются от стиля, а мы, как известно, играем техно-романтику, то есть гармоничное соединение технологической и романтической музыки.

— Ваш стиль весьма и весьма нетрадиционен. Чем объяснить выбор именно его?

— Свообразием. А оно, пожалуй, в необычности выбора выразительных средств. Во-первых, это обильное применение семплов, компьютеров, синтезаторов... Во-вторых, мы используем бытовые звуки: визг пилы, щелканье ножниц, удары по наковальне... Причем все эти мелодические комбинации созданы при помощи компьютера и хранятся в его памяти.

Техно-романтику мы начали играть, когда моды на нее еще и в помине не было. Частично это продолжение творческих идей «Биоконструктора», какое-то влияние оказало наше техническое образование. Вова — выпускник МВТУ, Леня — МИРЭА, и это наверняка отразилось на мировоззрении и отношении к жизни.

— То, что вы довольно быстро взлетели на вершины хит-парадов — это результат чего?

— Прежде всего — частых выступлений. Наш дебют на Центральном телевидении состоялся осенью прошлого года в передаче «Марафон-15», и композиция «Странные танцы» продержалась 8 недель в хит-параде программы «Топ-секрет». Сейчас мы регулярно принимаем участие в московских концертах, в том числе в популярных фестивалях «Звуковой дорожки» и поп-программах Игоря Селиверстова.

Может быть, стоит сказать, что «Технология» сейчас, очень вероятно, единственная группа в Союзе, играющая техно-романтику. Если мы и стали популярными, то скорее всего за счет именно оригинальности. Еще раньше в техно-стиле играла прибалтийская группа «Юмправа», но сейчас о ней что-то давно не слышно.

— Тем не менее вас часто сравнивают с «Био». Иногда просто путают, называют близнецами. Вы с этим согласны? Считаете «Био» своим конкурентом?

— О соперничестве с «Био» не может быть и речи. У нас разные пути в творчестве, к тому же «Био», на наш взгляд, играет совершенно иную музыку.

— У вашего стиля, как у любого, есть

противники. Как строятся ваши отношения с ними?

— Вообще-то я таких не встречал. Иногда, конечно, приходится слышать критику от друзей, не больше того.

— В вашей группе есть лидер?

— Нет, и это — к счастью. Мы считаем, что, если в коллективе появляется ярко выраженный лидер, есть опасность превращения группы в аккомпанирующий состав.

— Вас также часто называют отечественным вариантом «Depeche Mode». Что вы можете сказать по этому поводу?

— Конечно, такое сравнение нам льстит, но все же... Наверно, какое-то сходство есть. В строгой, без украшений, одежде. В использовании одних и тех же музыкальных средств. Ну, и, наверно, в сочетании жесткого и энергичного голоса одного солиста с мягкостью другого. Последнее, кстати, возникло случайно.

Вообще советская музыка всегда была подвержена влиянию Запада. И любая группа, играющая в техно-стиле, будет похожа на «Д.М.», так как именно они были и являются законодателями моды в этой области. Но все равно наша техно-романтика отличается от музыки, которую играет «Д.М.».

— А как вы относитесь к фанам, которых с каждой тусовкой становится все больше и больше?

— Если честно, внимание фанатов приятно удивляет и радует. Нас хорошо принимают, сейчас начали узнавать на улицах и в метро. Пожалуй, с поклонниками сложились отношения взаимной благодарности. Посмотрим, что будет дальше, будущее непредсказуемо, а пока надо работать.

В последних числах июня «Технология» закончила работу над своим первым альбомом. На очереди выход альбома на виниле. Группа работает. А нам остается слушать уже готовые и ждать новые песни. Все это будет, и тогда тусовки снова закачаются от восторга, и наступит полный восторг! А сейчас «Технологии» — наши пожелания успехов. Пусть удача и дальше делит с этой группой почетную миссию «звезд»...

Анастасия ШИРИНА.

СТРАННЫЕ

ТАНЦЫ Слова и музыка Романа РЯБЦЕВА

Недопетый мотив я услышу во сне,
До утра не сомкну я глаз.
До конца не простив все прошедшее мне,
Ты не спишь, как и я сейчас.

В полуночном метро, в хороводе огней
Мне опять снится твоя тень,
Сумасшедшая ночь, проведенная с ней,
И опять наступает день.

А когда мы увидимся вновь,
Тихо ветер ночной будет петь о своем,
И на миг позабыв, что такое любовь,
Мы с тобою начнем

ПРИПЕВ: Танцы вдвоем —
Странные танцы.
День переждем,
И будем прощаться.
А ночью начнем
Странные танцы.
Танцуй под дождем
В переходах подземных станций...

Ты забудешь вопрос,
Но я помню ответ:
«Друг без друга мы не умрем...»
Светом утренних звезд
Наш последний рассвет
Позовет нас, и мы начнем

ПРИПЕВ. 2 раза

Не - до - петый мотив я у -
слышу во сне, до утра не сомкну я глаз. До конца не про -
стив всё прошед - ше - е мне, ты не спишь, как и я сейчас. В по - лу -
ноч - ная с ней, и опять на - сту - пает день. А когда мы у -
видимся вновь, тихо ветер ночной будет петь о своём. И на миг по - за -
быв, что такое любовь, мы с тобою начнём танцы вдвоем - стран - ны - е
танцы. / День переждем и будем прощаться. А ночью начнём в пе - ре -
ходах подземных станций... Ты за - / вёт нас и мы начнём /
Танцы вдвоем -
странные тан - цы...

ПОРАБОТАЕМ В... ГЕРМАНИИ?

Нам не нужны кандидаты наук и даже доктора. Нам нужны столяры, кузнецы, слесари, пекари, сельскохозяйственные рабочие, бетонщики, модельщики, механики, резчики по дереву, садовники, повара и даже настройщики пианино.

В киевскую фирму «Майстры» обратились деловые партнеры из объединенной Германии с конкретными предложениями по стажировке специалистов на немецких предприятиях.

Планируемый срок стажировки — от 3 до 18 месяцев.

Вам обеспечены за счет немецкой стороны:

- проживание в комфортабельных гостиницах;
- превосходное питание;
- медицинское страхование;
- и, естественно, — месячная зарплата в 600 марок.

Ваш путь на немецкий рынок труда по конкурсному отбору несложен: нужно заполнить анкету, затем будет сформирован компьютерный банк данных, затем — предварительный анкетный отбор претендентов и, наконец, — конкурс и определение отъезжающих

на стажировку и оформление выездных документов.

Вы заинтересовались? Тогда заполните и вышлите прилагаемую ниже анкету с указанием даты и номера почтового перевода по адресу: 252109, Киев, 109, а/я № 284/9, для фирмы «Майстры». Очередной тур-набор — с 1 сентября по 31 декабря.

Оплата услуг только в рублях. Почтовый перевод на сумму 49 руб. 35 коп. (президентский налог учтен!) высылайте на наш р/с 161002/345026, Демосбанк в Киевском облуправлении Госбанка СССР, МФО 321024.

Подобный конкурсный набор проводится впервые. Но уже ведутся переговоры с деловыми людьми в Германии и других странах о наборе на работу по самым различным специальностям. Фирма «Майстры» будет проводить конкурсы регулярно. Что касается нынешнего, то все его участники получат письменные ответы, результаты конкурса будут объявлены в прессе, по радио и телевидению.

Все вопросы вы можете уточнить по киевскому телефону 224-69-92 /с 15.00 до 18.00/.

**АНКЕТА
специалиста, желающего выехать в Германию
на стажировку**

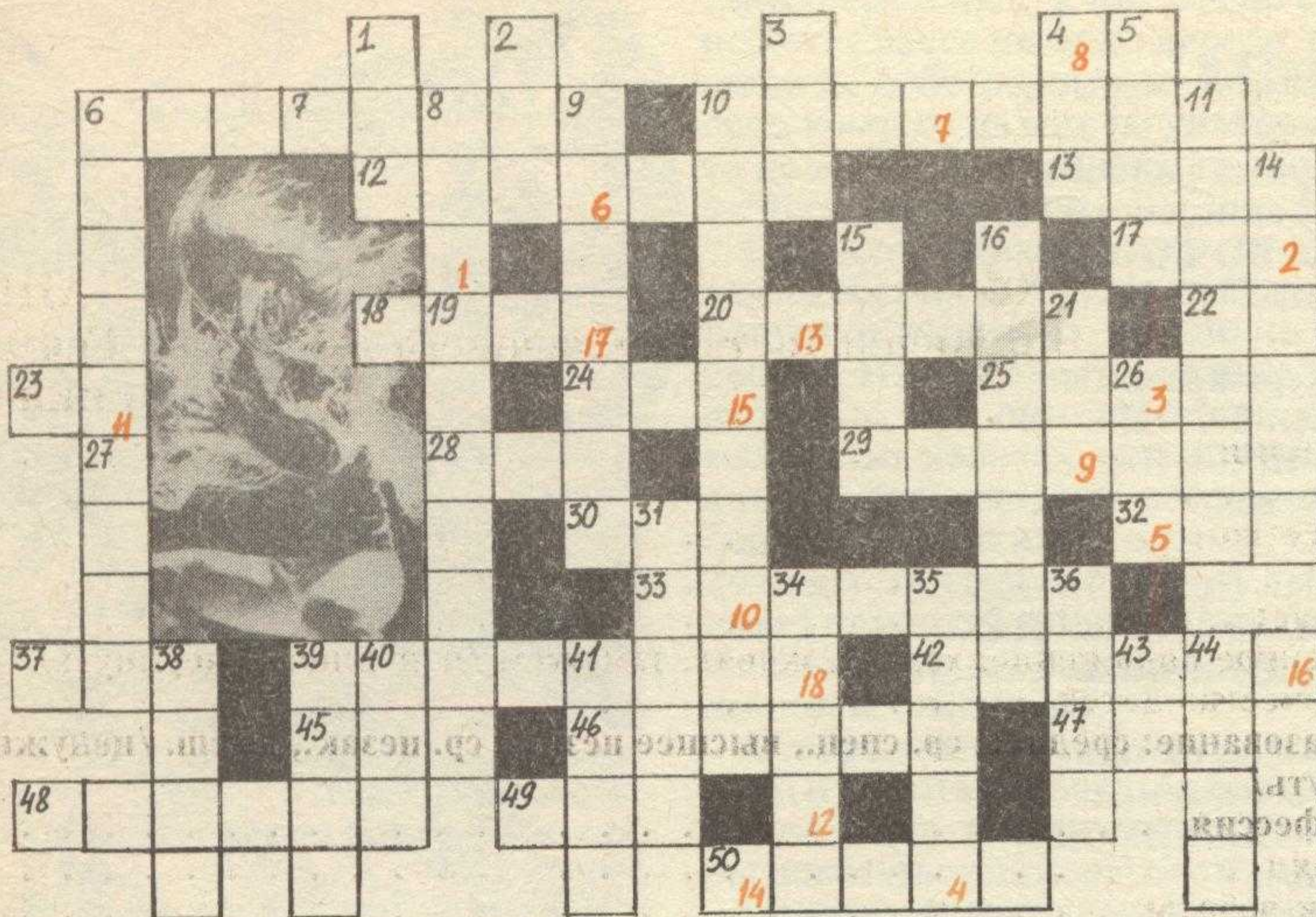
Фамилия
 Имя
 Отчество
 Пол
 Возраст
 Семейное положение: холост, женат, замужем /ненужное зачеркнуть/
 Количество детей
 Образование: среднее, ср. спец., высшее незак., ср. незак., высш. /ненужное за-
 черкнуть/
 Профессия
 Разряд
 Стаж работы
 Адрес
 Телефон
 Почтовый перевод на сумму 49 руб. 35 коп. отправлен на р/с 161002/345026 в Де-
 мосбанк в Киевском облуправлении Госбанка СССР, МФО 321024.
 №.

дата
Убедительная просьба писать разборчиво.

Фирма «Майстры».

КРОССВОРД

с секретом

Разгадывая кроссворд, обращайте внимание только на черные числа в верхнем левом углу клеток. Когда ответите на все вопросы, выпишите буквы, помеченные цветными числами в нижнем правом углу клеточек. То, что получится, напишите на открытке и пришлите в редакцию. Открытки будут участвовать в лотерее, победитель получит приз.

Приз за кроссворд из номера 4 — рок-энциклопедия — выслан Алексею Сладкову в совхоз «Побединский» Славского района Калининградской области.

По горизонтали: 6,7 /два слова/. Английская группа, играющая в стиле техно-поп. 10. Песня группы «ДДТ». 12. У Платона — творческое начало мироздания. 13. Отрезок времени. 17. Приток Волги. 18. Город в Крыму. 20. Колдун из романа «Янки при дворе короля Артура». 22. Протокитайское племя. 23. Древнекитайский музыкальный инструмент типа флейты. 24. Канадская писательница, автор романа «Счастье по случаю». 25. Имя д'Артаньяна. 28. 16 килограммов. 29. Минерал, применяющийся в производстве карандашей. 30. Число. 32. Баскетбольная команда, в которой играла Ульяна Семенова. 33. Персонаж романа Ч. Диккенса, давший название известной рок-группе. 37. Насекомое. 39. Американская хард-группа. 42. Французский писатель-коммунист. 45. В славянской мифологии — дух предков, покровитель семьи. 46. Город в штате Флорида. 47. Повесть Н. Гоголя. 48. Надрез на дереве, металле. 49. Звук определенной высоты. 50. Большой любитель музыки.

По вертикали: 1. Английская мера длины. 2. Польский писатель-фантаст. 3. Порода собак. 4. По-немецки — лед. 5. Ноль. 6, 27 /два слова/. Бас-гитарист группы «Мотли Крю». 8, 19 /два слова/. Группа, играющая софт-метал. 9. Гитарист «Роллинг Стоунз». 10. Молодая отечественная группа /хит — «Харе Кришна»/. 11. Дуэт из Швеции. 14. Народ, живущий на юго-востоке Бирмы. 15. Напиток из рома и кипятка с сахаром. 16. Кавалерист из тяжелой кавалерии. 21. Часть интерьера, ограниченная рядом колонн. 26. Старое название единицы яркости. 31. Явление природы. 34. Остров — родина Одиссея. 35. Лидер группы «Гейн». 36. Жанр рок-музыки. 38. Опера Д. Верди. 39. Отечественная металлическая группа. 40. В греческой мифологии — повелитель ветров. 41. Дракон — символ Кракова. 43. Древняя игра в шашки. 44. Сорняк.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 6.

По горизонтали: 4. Шварценеггер. 8. Ар. 10. Распэ. 12. «Волки». 14. Пейдж. 15. Эрг. 16. Митя. 18. «...МУ». 19. Рави. 20. Сак. 21. Карма. 25. «Боинг». 26. Газават. 27. Ли. 28. Икс. 29. Каса. 30. «Оза». 33, 34. «Черный кофе».

По вертикали: 1. Ней. 2. Державин. 3. Каприс. 4. Шевчук. 5. Аллегрова. 6. Гейбриэл. 7. «Ра». 9. Рэгтайм. 11. Сэм. «Иоланта». 17. Як. 22. Абакан. 23. Миасс. 24. Диксон. 30. Эйр. 31. «Зеп».

«Дым над водой».

ЮМОР

Опечатки

Северные надбавки.
Симфонищенский оркестр.
Игорь КОЧАНКОВ.
Арзамас.

Конкурс крысоты.
Пошел в ООН.
Юля ШАГИНА.
Астрахань.

Бравый солдат Шейк.
Анатолий ПАСТЕРНАК.
Боярка, Киевская область.

Телегады съезда.
Место — имение.
Лена ШЕСТИКОВА.
Москва.

Знаете ли вы...

...что на смену словам «ура» и «да здравствует» пришло слово «караул»?
...почему у нас ничего нет? Потому что все существовало только на бумаге.

...почему, если не в деньгах счастье, их все-таки выпускают?
Иосиф ТЕПЛИЦКИЙ.
г. Могилев-Подольский.

Что бы это значило?

Сталлоне (*итал.*) — человек с талоном.
Олег ЮРГИН.
Торжок, Тверская область.

Короче!

Бракодел у нас — тот, кто работает еще хуже, чем вся страна.
Владимир КУЗЕМКО.
Днепропетровск.

Неправда, что у нас все очень дорого, например, у нас очень дешевая рабочая сила.
Александр ПЕРЛЮК.
Кировоград.

ПУЛЬС

Ежемесячный общественно-политический иллюстрированный журнал для молодежи

Учредители: редакционная коллегия журнала «Пульс», ЦК ВЛКСМ, ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Главный редактор — Игорь ШЕСТОПАЛОВ.
Редакционная коллегия: Алексей АНАНИН (заместитель главного редактора), Андрей БЕЛЯКОВ (редактор отдела социальных проблем молодежи), Александр ЖЕРЕБЦОВ (главный художник), Анатолий ЛОЖКИН (заместитель главного редактора), Тамара МАРАКУЛИНА (ответственный секретарь), Дмитрий РУНГЕ (редактор отдела политики и молодежных движений).
Заведующий отделом музыки, спорта — Юрий РЯЖСКИЙ.

Музыкальный редактор — Андрей ДЕРЖАВИН.

Технический редактор — Зифа АХМЕТОВА.

Учредителей в журнале представляют Дмитрий ГЛАВАТСКИХ (зав. отделом политики и культуры ЦК ВЛКСМ), Александр ПОТАПОВ (зав. редакцией ИПО «Молодая гвардия»).

Мнения авторов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Поступающую почту редакция использует по собственному усмотрению.
Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.

Телефон для справок: 285-07-41
Реклама в «Пульсе» и «Пульс-Информе» — 285-37-78
Связаться с музыкальным редактором вам помогут по телефону: 285-80-47.

Обнаружив полиграфический брак, обращайтесь в типографию-изготовитель по адресу, указанному ниже.

Сдано в набор 14.05.91. Подп. в печать 30.05.90. Формат 60x90 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 2. Усл. печ. л. 4+0,25 вкл. Усл. кр.-отт. 10,0. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 545 000 экз. Заказ 2090. Цена 40 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 125015, Москва, Новодмитровская, 5а.
«Пульс», 1991, № 7

Спрашивал Герман Ковалик и о том, откуда взялся у баудов жестокий обычай. Как говорят древние легенды, на Свиной лужайке, в месте, где сегодня не хочет расти ни одно дерево, они поставили себе огромную виселицу, и, если кому-то из них не удалось какое-то дело, тот сам вешался там со злости на весь белый свет.

Создали ли после ухода готов оставшиеся барты и бауды какую-нибудь новую племенную общность — неизвестно. Из сообщений разных купцов вытекало, что они перестали убивать маленьких девочек, но торговали ими, а также принуждали к распутству, особенно с приезжими гостями. Об этом должны свидетельствовать, по мнению Германа Ковалика, многочисленные находки куфических монет абашидов и саманидов.

Отгороженные от других племен лесами и болотами, бауды и барты, однако, не жили так спокойно, как могло бы показаться на первый взгляд. На основании многочисленных скандинавских саг, как, например, сага о мореплавателе Вульфстане, надо заключить, что не раз заглядывали в эти края и викинги — а что они выделывали,

**Збигнев
НЕНАЦКИ**

РАЗ В ГОД В СКИРОЛАВКАХ

Раскапывая старые курганы тех лет, задумывался Ковалик, кому, например, приписать культ Ржаной Бабы — готам, баудам или бартам? Найденная возле поселения Барты каменная фигура женщины с маленькой головой, короткими руками, но зато с большими грудями, огромным животом и выдающимися половыми органами, была названа учеными «Венерой из Барт», и одни из них сочли ее связанной с пребыванием здесь германских вандалов, а другие — с визитами славянских венедов.

От кого же была позаимствована и распространена история об удивительной птице по имени Клубук, которая шла на службу к людям за миску яичницы, а что отнимала у одного, то дарила другому? Была она творением бартов или баудов? А может, готов?

Продолжение. Начало в № 1—6.

нетрудно догадаться. На бартов и баудов совершали набеги и племена с юга и востока. Поэтому чем дальше углублялся Герман Ковалик в историю этих двух племен, одновременно изучая историю других народов, тем отчетливее вырисовывалась в его воображении история человечества как картина постоянного влезания различных мужчин на различных женщин, неустанного смешения крови и семени. История человечества, утверждал Ковалик, совсем не напоминает тигель, в котором смешиваются различные крошки и вытапливается однородный металл. Она — как похожая на женское влагалище ступка, в которой неустанно движется пестик, похожий на мужской член. Нарисовал Ковалик эту ступку и этот пестик, показал на своем рисунке их многовековую работу, результат которой был очевиден, стоило проехать через Скиролавки, Трумейки или съездить в Барты. Один имел монгольские черты и раскосые глаза, другой напоминал внешностью цыгана, тот — худого и светловолосого гота, еще кто-то мог бы без всяких трудностей пойти паломником в Мекку или Медину. Такой результат дала неустанная работа ступки и пестика.

Продолжая исследовательскую работу, связанную со своим трудом, Герман Ковалик наткнулся на кладбищах в Скиролавках, а также в Трумейках на старые надгробные камни с крестом, имеющим странную форму. Идя по этому следу, Ковалик вскоре пришел к открытию, сделанному еще раньше иезуитом Богушем: что в XII веке земли бартов и баудов завоевали мальтийские кавалеры. Подтверждали этот факт не только мальтийские кресты на надгробных камнях, но и возведенные рыцарями замки из красного кирпича, и происходящие со времен, когда были сломаны обеты чистоты и бедности, многочисленные дворцы и усадьбы, а кроме этого — титулы мальтийских кавалеров, которые гордо носили владельцы тех дворцов.

Мальтийские кавалеры (а надо их отличать от настоящих мальтийских рыцарей, которые до сегодняшнего дня имеют свой центр в Риме, на Виа Кондуитти) не были родом, племенем, народностью или народом. Они обладали чем-то большим, чем принадлежность к тому или иному народу — то есть Мыслью и Идеей. Они говорили, что обычай сжигания останков противоречит правам природы, потому что то, что было сотворено Богом в определенном виде, в таком самом виде должно к нему вернуться. Наиважнейшей была для них, однако, их идея, которая приводила к ним многих сторонников. Идея эта заключалась в том, что в каждом человеке скрывается зло, а значит, лучше всего бороться со злом, убивая человека.

Как говорит легенда, сначала только три мальтийских рыцаря свили себе удобное гнездо в кроне старого вяза. Четыре года спустя, когда прибыли еще пять рыцарей, они выступили в большой поход и выигрывали битву за битвой, пока спустя полвека, уже в значительно большем количестве, не овладели целиком землями бартов, баудов, а также других местных племен. Они были немногочисленны, но зато превосходно вооружены и отлично организованы. Барты и бауды не имели, как мы знаем, никакой организации, отличались отвращением ко всяким вождям и королям. И потому покорились лучшему вооружению и лучшей организации. А поскольку мальтийские рыцари приняли обет чистоты и бедности, а кроме того, решительно брезговали телосожжением, то в отличие от готов они и не думали использовать здешних женщин. Всех баудов и бартов они вырезали мечами, невзирая на пол и достаток. С тех пор долгое время пустотой веяло из лесов и с берегов озер. Кто-то однако должен был кормить мальтийских рыцарей, строить для них замки и дворцы. Тогда они согнали на эту пустошь не то голландцев, не то немцев, не то славян и создали на этих землях совершенно новый народ. Время шло, ступка и пестик работали без передышки, все сильнее и усерднее, потому что мальтийские рыцари, отказавшись от обета чистоты, вскоре тоже стали пользоваться своими пестиками. Приезжий люд мальтийские кавалеры снова называли баудами и бартами, наверное, для того, чтобы его по-прежнему обирать, облагать данью, гнать на работу. С тех пор снова вошло в обычай, что тот или другой подданный кривился только половиной лица и половиной лица улыбался, чтобы дать доказательство своего своеобразия и независимости. Новые барты и бауды, сознавая, что причиной поражения давних племен было отсутствие короля, впали в «комплекс короля», и каждый из них мечтал о том, чтобы стать королем. Но бауды хотели одного короля, а барты — другого, и никогда никакого короля они не выбрали, но все носились с этим намере-

нием, то кривясь половиной лица, то половиной лица улыбаясь. Тем не менее в Трумейках из поколения в поколение все правил в своем дворце князь Ройсс, прапращур которого в годах 1469-1470, то есть в течение года, был даже Великим Магистром мальтийских рыцарей.

На этом кончалось историческое исследование Германа Ковалика, известное людям только по манускриптам. На одном из экземпляров этой рукописной работы была, видимо, собственноручно выполненная Коваликом приписка: мол, что касается украденных у него с пастбища двух лошадей, то он, Герман Ковалик, свидетельствует, что имеет большее доверие к цыганам, чем к таким, которые кривятся одной половиной лица, и только половиной лица улыбаются...

В военной завирухе уцелел только один экземпляр труда Германа Ковалика, учителя из школки в Трумейках. Он находится в воеводском государственном архиве и помечен номером ОНУ/703. Прежде чем он попал в архив, чья-то знакомая с готикой рука написала на нем зелеными чернилами: «Сто лет спустя после смерти Германа Ковалика наступил период второго великого переселения народов. Бауды и барты, согласно решению своей совести, могли выбрать: уйти или остаться. Леса около Барт и берега озера Бауды стали почти пустыней».

Ненадолго, однако, — это может отметить посторонний наблюдатель. И как бы кто ни оценивал факты, содержащиеся в труде Германа Ковалика, одно утверждение в его работе выглядит бесспорным: в каждом месте на земле, в любые времена, различные пестики упорно и без усталости трудятся в различных ступках. Эта деятельность, отличающаяся неправдоподобной неутомимостью и большой самоотдачей, чаще всего безымянна, но не лишена черт тихого героизма. Великое коллективное усилие народа — неизвестно только, действительно ли оно необходимо...

О том, как плотник Севрук одолеет начальника Гвяду

Плотник Франчишек Севрук принадлежал к людям, которым быстро надоедает то, что они сами делают, и очень интересно то, что делает кто-то другой. Если он брался поставить кому-нибудь сарай или перекрыть крышу, а на другом конце деревни или даже в соседнем селе кто-то другой именно в эту пору начинал копать колодец, можно было быть уверенным, что плотник Севрук бросит свою работу и пойдет туда. Сначала усядется возле, на выкопанной земле, потом начнет делать более или менее меткие замечания и, наконец, попробует помогать, совершенно бескорыстно, если отбросить подозрение, что он сделает это за участие в небольших посиделках, которыми обычно увенчивается всякое серьезное дело. Начатое же плотником Севруком обычно должен был заканчивать кто-то другой, и этот кто-то тоже брал плату за всю работу, хоть Севрук выполнял большую ее часть и довольствовался только скромным задатком. Не было силы, которая могла бы заставить Севрука вернуться к делу, которое ему уже надоело. А так как наиболее скучной казалась ему профессия плотника вообще, поскольку другие занимались сельским хозяйством, работой в лесу или рыболовецким промыслом, то он выпросил себе 15 гектаров земли и занялся сельским хозяйством. А когда оно ему надоедало, он брался за работу в лесу или за рыболовство. Как плотник, он мог стать богачейшим человеком в селе, потому что во всей гмине Трумейки не было другого плотника, однако он почти ничего не зарабатывал своей собственной специальностью, но зато был наихудшим крестьянином в селе, наименьшую зарплату приносил из лесу и еще меньшую — за рыболовецкий промысел. По правде говоря, единственным занятием, которое плотник Севрук выполнял быстро, охотно и без скуки, оставалось копание могил на кладбище в Скиролавках, но люди в этой деревушке умирали редко, хоть и не реже, чем в других местах. Кроме этого, у Севрука был в этой отрасли мощный конкурент, некий Шчепан Жарын, который тоже любил копать могилы, поскольку платили за это сразу. Между плотником Франчишком Севруком и Шчепаном Жарыном доходило по этой причине до основательного спора, потому что Жарын говорил: мол, Севрук копает могилы слишком мелкие и они слишком тесные, а Севрук, в свою очередь, обвинял Жарына, что в сделанных им могилах собирается

вода. А так как заинтересованные лица не высказывались, слишком ли им тесно в могилах Севрука и слишком ли влажно в могилах Жарына, такие споры не могли дожидаться справедливого суда. Сам плотник Севрук был, впрочем, личностью неоднозначной, и ничего удивительного, что чудным должно было быть все, что находилось в какой-нибудь связи с его особой. Так, например, доктор Ян Крыстьян Неглович упорно твердил, что плотник Севрук обладает слишком большим воображением и поэтому, когда получает задаток за сооружение крыши, он в один момент переживает в воображении строительство этой крыши, а потом его начинает вгонять в тоску тот факт, что действительность не поспевает за фантазией. Зато писатель Непомуцен Мария Любиньски, у которого Севрук когда-то взял задаток за строительство крыльца, но этого крыльца не сделал, придерживался мнения, что Севрук вообще лишен воображения. Если бы кто-то — по мнению писателя — пообещал Севруку работу даже за сто тысяч злотых, но с выплатой на следующий день, а тем временем у Севрука появился бы кто-то другой с одной лишь бутылкой водки в руках и попросил бы о мелкой услуге, то можно было бы быть уверенным, что Севрук бросит работу за сто тысяч, но с выплатой на следующий день, и охотно возьмется за мелкую услугу, но с немедленным вознаграждением в виде бутылки водки. Спор о характере плотника Севрука между писателем и доктором продолжался и тоже не приводил к однозначному решению, и это доказывает, что даже когда мы имеем дело с теми из заинтересованных лиц, которые могут говорить, справедливую оценку дать нелегко. Плотник Севрук переселился в Скиролавки пятнадцать лет тому назад, а путь его лежал через различные деревни и малые поселки, где после него остались незаконченные сараи и недостроенные веранды, хлевы, деревянные стропила жилищ и тому подобные работы, которые со временем заканчивали другие люди. Гминные власти в Трумейках, ошарашенные перспективой иметь плотника, отдали Севруку большой деревянный дом в Скиролавках, покинутый неким Клаусом Германом, который отправился на тот свет. Делом рук плотника Севрука стал сруб колбасной фабрички в Трумейках, а также сруб и крыша для хлева Отто Шульца. И на этом Севрук остановился, решив посвятить себя сельскому хозяйству. Выпросил землю, потом — сто тысяч ссуды на покупку овец, сто тысяч на покупку коров и пятьдесят тысяч злотых на покупку трактора. Строительства хлева он не закончил, поэтому не мог держать много коров и овец, а поскольку трактор у него разбился через месяц после покупки, то нельзя было требовать от него, чтобы он вовремя выполнял агротехнические мероприятия на своем поле, тем более что время от времени его влекла работа в лесу или на озере. В последнее время у плотника Севрука были только две коровы и четыреста тысяч злотых долга государству. Удивительно, но факт: Шчепан Жарын тоже был в подобной ситуации, с той только разницей, что его долг государству составлял сто тысяч злотых, и то исключительно потому, что Жарын в то время, когда было легко со ссудами, находился в местах лишения свободы, то есть в тюрьме. Как говорили — за избыток патриотизма. Он, вспомнив, что в последние дни войны какая-то фанатичка-учительница стреляла по входящим в село солдатам из дома недалеко от лесничества Блеса, в минуту патриотического подъема принес бидон с бензином, облил стены дома и поджег. Так Шчепан Жарын пошел в тюрьму, и это для некоторых людей стало наглядным доказательством, что патриотические чувства надо проявлять сдержанно — прежде всего, в дни государственных праздников и на собраниях, созванных с этой целью. В тюрьме Шчепан Жарын дал себя татуировать, и на его груди можно было увидеть хвост змеи сине-голубого цвета; продолжение змеи пряталось в брюках, и Жарын мужчинам за поллитра водки, а женщинам задарма предлагал показать это пресмыкающееся целиком, а также его голову, которая находилась там же, где головка мужского члена. «Этот змей соблазнил Еву», — часто говаривал Шчепан Жарын, дефилируя летом перед магазином с обнаженной грудью. Кроме своего змея, Жарын, впрочем, не обладал ничем, за что мог бы кому-нибудь понравиться. Он был маленький, хилый, слабого здоровья, с лысой головкой, глазками пьяницы и вечно влажным носом. Трех дочерям Жарына, невысоким, но удивительно развитым в области грудной клетки, в Скиролавках предсказали, что они выйдут замуж за трех сыновей плотника Севрука, потому что все были одного возраста и жили по соседству. Владельцы автомобилей могут искать себе женщин даже в отдаленных краях, но простые люди хорошо знают, что незачем искать далеко то, что на-

ходится близко. Три дочери Жарына, стало быть, были как бы заняты тремя сыновьями Севрука, что вовсе не значит, что те ими занимались. Они считались девушками целомудренными, а из-за своих слишком выпуклых бюстов относились, как говорили, к девчатам «на любителя», что значит — находили любителей на свои прелести даже в соседних деревнях. Но сыновья Севрука дружно, всей тройкой, на каждой гулянке в Скиролавках били этих любителей жердями, вырванными из огораживающего кладбище забора. Что же касается выпуклостей, которые на грудных клетках дочерей Жарына появлялись уже на тринадцатом году от роду, а на пятнадцатом становились огромными и твердыми холмами, то они часто были предметом разговоров между доктором Негловичем и писателем Любиньским. Потому что дочери Жарына носили свои огромные бюсты, как продавец носит фрукты на блюде, до половины обнаженными, особенно летом, что возмущало дачниц, которым казалось несправедливым, что судьба так щедро оделяет только некоторых женщин. Чтобы выяснить природу этого удивительного явления, доктор однажды выбрался к Жарыну домой и взял с собой толстый блокнот. Выспросил подробно, что Жарынова ела во время беременности, чем кормила своих дочерей после родов и позже, а также какой бюст имели ее мать, бабка и прабабка. Что касается Жарына, то его о таких делах даже не стоило спрашивать, потому что грудная клетка у него была скорее впалая, чем выпуклая, и из такого, по-видимому, он происходил рода. У Жарыновой не было больших грудей, что она и продемонстрировала доктору, а согласно ее сообщению такие же маленькие титьки были и у ее матери, и у прабабки. Откуда эти большие бюсты взялись у ее дочерей — Жарынова не смогла объяснить, хоть, как она признавалась, ей самой было удивительно смотреть, когда дочки раздевались для мытья. Когда-то она думала, что у них какая-то болезнь, или что бюсты выросли у них сверх меры за счет ума, потому что ни одна не училась как следует, а хуже всего у них было с чтением и счетом. «Не подлежит сомнению, что это явление обусловлено генетически», — утверждал доктор Неглович. Но это не было достаточным объяснением для писателя Любиньского, который в свое время интересовался генетикой. Действительно, как на том настаивал доктор, фенотип представляет собой результат взаимодействия генотипа и окружающей среды, однако в этой же окружающей среде росли и другие девушки, но таких бюстов у них не было. Может быть, дочери Жарына в таком случае представляли собой своеобразную мутацию — и такую гипотезу выдвигал писатель Любиньски. У живых организмов возможность мутации какого-нибудь гена бывает порядка 10^{-5} — 10^{-7} на поколение клеток, а у человека одна гамета на миллион имеет шансы перейти в зиготу следующего поколения мутации, которой не получила от родителей. Просто удивительно было, что нечто настолько исключительное случилось в небольшой деревушке под названием Скиролавки.

Вернемся, однако, к существу дела, то есть к особе Севрука, а также к личности Щепана Жарына, его конкурента в копании могил на кладбище в Скиролавках. Оба эти человека отличались друг от друга не только взглядами на способ копать могилы, на их ширину и глубину, но и размерами долгов государству. Жарын, как упоминалось, был маленький, лысый и хилый, он кружил по деревне, как линияльный пес, тихо и сторонкой; Севрук же был больше двух метров ростом, весил больше ста килограммов, длинные руки безвольно висели у него по бокам, отягощенные кулаками, похожими на два огромных камня. Его большая голова напоминала закопченный котел, из-за плоскостопия он двигался медленно и с достоинством. Даже в далеком воеводском городе, как говорили, не нашлось в универмаге подходящей одежды для Севрука, и потому летом и зимой он должен был ходить в засаленной куртке, наброшенной на расстегнутую на груди рубаху без воротничка; не было нигде и ботинок на его огромные ноги, и он носил что-то вроде лаптей, сшитых из старого брезента и старого мешка. Если правда, что Бог сотворил человека из грязи и ила по своему образу и подобию, то плотник Севрук представлял собой исключение, потому что выглядел он так, будто дети в детсаду сделали его из большого количества грязноватого пластилина. Сначала долго раскатывали туловище, потом чуть меньшие валики стали руками и ногами, а огромный пластилиновый шар был прилеплен сразу к плечам, без заботы о такой вещи, как шея. Потом они прилепили к голове плоский нос, палочкой сделали дырки для рта и глаз. Об ушах забыли. Севрук и так носил кожаную пилотку летом и зимой, а когда время от времени стаскивал ее с целью выра-

зить кому-то уважение, смоляные патлы старательно скрывали его органы слуха. Сыновья Севрука не унаследовали от отца ни его роста, ни внешнего вида, они были несколько мельче и более изысканных форм, но, как и отец, имели склонность к напиткам, более крепким, чем вода. Так или иначе, плотник Севрук был тайной не только для интересующихся антропологией, но представлял собой загадку и для педагогов. Образ мыслей и жизнь плотника Севрука противоречили всем существующим в этой науке взглядам и убеждениям. В противоположность Шчепану Жарыну, который любой женщине был готов продемонстрировать целиком своего сине-голубого змея, плотник Севрук всю свою супружескую жизнь оставался верным одной худой, невысокой женщине с огромным, красным от пьянства носом, которую называл «мамуська». Именно эта мамуська чувствовала непобедимое отвращение к использованию веника, а также к стирке постельного белья, а ее отвращение перешло к мужу и троим сыновьям. Плотник Севрук, несмотря на то, что никогда не бывал вполне трезвым, всегда оказывал должное уважение своей супруге, а также троим сыновьям. И таким самым уважением пользовался у вышеупомянутых особ. Качаясь на ногах, тихим голосом он отдавал приказы дома и во дворе, а жена и сыновья без возражений выполняли все его, даже наиболее бестолковые, поручения, не кривились, когда он пропивал не только собственные, но и их заработки. Никого из них никогда он не ударил, голоса не повысил. На гулянья, организованные кружком любителей танца (а Жарын и Севрук были членами этого кружка), — он топал всегда в своей чудной обуви, бережно ведя под руку свою мамуську, а когда та уже не могла держаться на ногах из-за слишком большого количества выпитого алкоголя, с такой же бережностью вел ее домой. Даже наиболее бестолковое пьяное высказывание Севрука вызывало у мамуськи и ее сыновей огромный энтузиазм, радость и восхищение. А когда плотник Севрук однажды зимой разбил о дерево свой новехонький трактор, мамуська и три ее сына несколько часов тряслись от смеха, рассказывая о замечательном полете, который совершил Севрук с тракторного седла в сугроб. Севрук и его сыновья пользовались в Скиролавках репутацией людей небывало честных, таких, к чьим рукам никогда ничего не пристало. Они не были склонны к скандалам, разве что ради защиты добродетелей дочерей Жарына, и можно, стало быть, смело сказать, что особа Севрука могла служить примером другим, таким, кто не пропивал денег, не имел долгов, работал с утра до ночи, а все же бил свою жену и изменял ей, ссорился со своими детьми, по разным пустякам устраивал скандалы. Ни один из Севруков не попадал в милицейские протоколы, а ведь нельзя было сказать этого ни об одном из сыновей старого Шульца, человека работающего и набожного. Или о сыне старого Галембки, тоже работающего, хоть менее набожного. К сожалению, плотник Севрук не смог никому объяснить своих воспитательных приемов, методов науки хорошим манерам, уважению к другим людям — хоть его об этом не раз спрашивала пани Халинка. Писатель Любиньски упрямо твердил, что плотник Севрук обладает чем-то таким, как «харизма отцовства». По мнению писателя — внимательного наблюдателя общественной жизни — воспитание молодого поколения в отдельных семьях вообще не зависит от того, пьют ли водку отец и мать, таскаются ли или служат детям хорошим примером, потому что есть много случаев, что пьяницами и ворами становились дети абстинентов и не бывших под судом и следствием, а дети пьяниц и бездельников достигали даже доцентуры и преподавали в высших учебных заведениях. Существо дела заключалось в том, обладал ли кто-то харизмой родительской власти, или ему ее недоставало, а такая харизма, как известно, происходит из сфер идеальных. Плотник Севрук вскоре притопал в своих тряпичных чеботах к писателю Любиньскому и вежливо спросил его, действительно ли он обладает чем-то таким, как харизма, поскольку он уже продал плотницкие долота, скобель и дисковую пилу, а в глотке так пересохло, что он готов сбить свою харизму. К сожалению, писателю Любиньскому не было нужно что-то подобное, а начальник Гвязда не оказал уважения к харизме плотника и со всей строгостью решил взыскать с него хотя бы часть огромного долга государству. С тех пор два раза в год появлялся у Севрука судебный исполнитель и согласно постановлению забирал у него то, что можно было забрать — корову, свиней, овец, мешки с зерном, сельскохозяйственные машины. С каждым годом этих вещей было все меньше, но это свидетельствовало о недостатке воображения у начальника Гвязды. Он ошибался, когда думал, что, забирая у Севрука ко-

рову, овец, свиней или какое-нибудь сельскохозяйственное орудие, он обречет его на голод и холод и заставит работать. Человек, который является плотником и имеет троих сыновей, все-таки всегда заработает на хлеб и мясные консервы, а также на бутылку водки, хотя бы на одних задатках за строительство чьего-нибудь сарая или за обещание отремонтировать хлев, на случайных приработках в лесу или в рыболовецкой бригаде.

В начале марта судебный исполнитель забрал у Севрука одну из его двух коров, а перед магазином в Скиролавках все меньше было таких, кто хотел до бесконечности дискутировать о выборе способа смерти, которую из-за огромных долгов решил принять плотник Севрук. И пришла та страшная минута, когда плотник Севрук решил утопиться, и выбрал он для этого дела день солнечный, безветренный, но морозный — столбик ртути на школьном термометре упал до минус девяти градусов.

С раннего утра трое сыновей Севрука рубили топорами лед вблизи рыбацких сараев, в месте относительно мелком, но именно там легче всего было сделать прорубь, не опасаясь принудительной купели. Отзвук рубки льда раздавался чуть ли не во всех уголках Скиролавок, а туда, где его слышно не было, донесли весть услужливые люди, чтобы никто не почувствовал себя обиженным из-за отсутствия информации о замечательном зрелище. В первую очередь уведомили, ясное дело, доктора Негловича, у которого в тот день был выходной, потому что только три раза в неделю он принимал больных в поликлинике в Трумейках. Доктор обещал прибыть на место события, и это никого не удивило, потому что, как врач, он был обязан выдать свидетельство о том, что кончина совершилась по правилам, без участия вторых или третьих лиц. Художник Порваш грубо прогнал молодого Галембку, который пришел пригласить его на «Севруково утопление», лесничий Турлей отвертелся от участия в зрелище, говоря, что ему надо подготовить ведомость на зарплату лесорубам, а писатель Любиньски не только сам не захотел пойти на озеро, но и собственной жене, пани Басеньке, идти запретил, утверждая, что участие в зрелище такого рода противоречит достоинству писателя и писательской жены. Почему «Севруково утопление» должно было унижить достоинство писателя Любиньского — никто в Скиролавках не понимал, разве что именно таким образом писатель Любиньски хотел отомстить Севруку за то, что тот ему крыльцо не построил, хотя и взял задаток.

Тем временем сыновья Севрука закончили рубить лед на достаточно большом пространстве, потому что отец их был человеком рослым. «Иди, Зенек, быстрее за папой, а то вода снова замерзнет», — приказал старший сын плотника своему младшему брату. Людей тогда на берегу было уже много, человек пятьдесят, и они с удовлетворением восприняли слова старшего сына плотника, потому что мороз всех донимал. Шчепан Жарын, которого сопровождали жена и три дочери, похвалялся, что еще сегодня выкопает для плотника могилу соответствующей глубины, хоть это и не будет легко, потому что земля промерзла как минимум на полметра. Другие все громче выражали свое недовольство тем, что Севрука все еще не видно. Или, может быть, часто приходится наблюдать, как кто-то топится по собственному желанию из-за долгов? Громче всех ругались, глядя в сторону дома Севрука, женщины, потому что любопытство оторвало их от кухни, кастрюль и сопливых детишек.

— Идет, — крикнул кто-то пронзительно.

Действительно, из деревянной халупы вышел плотник Севрук в обществе своей супруги. Он шагал солидно и с достоинством, а мамуська семенила возле него, гордая, что не только на ее мужа, но и на нее обращены взгляды всей деревни. Шел плотник Севрук, громко скрипя по замерзшему снегу, с головой, огромной, как котел, а над ним голубело небо и светило февральское солнышко. На голове плотника Севрука была кожаная пилотка, на ногах сшитые из брезентовой тряпки удобные бахилы. Не смотрел Севрук ни вправо, ни влево, а только прямо перед собой, на другой берег заснеженного озера. Собравшаяся на берегу толпа расступилась перед ним, чтобы ему легче было подойти к месту, где лежали груды вырубленного льда и, как бы зеленоватой эмалью подернутая, поблескивала незамерзшая вода. Толпа затихла, даже Шчепан Жарын перестал рассказывать, какую он яму выкопает для гроба Севрука. Потому что прекрасный и захватывающий вид явился перед его глазами.

На краю зеленоватой проруби встал высокий, как большое старое дерево,

плотник Севрук в своих тряпичных башмаках и засаленной куртке, с лицом, полным серьезности, небритым и почерневшим от ветра, как большой котел бывает почерневшим от огня. Похожие на обломки базальтовых глыб, его кулаки тяжело свисали по бокам на руках длинных и сильных. С опухших толстых губ Севрука срывалась струйка белого пара, которая улетала вверх, в чистое небо. Собравшиеся на берегу озера люди затаили дыхание: им показалось, что они почти видят, как в могучей голове Севрука кипят пугающие мысли о смерти в проруби. Казалось им, что видят они и большой долг государству, который лежал на могучих плечах плотника, но все же ни на миг не согнул его, потому что Севрук стоял прямо, как старый дуб. А когда великая жалость стиснула людские сердца, из уст Севрука, как из старого дупла, выплыли горькие и глухо звучащие слова, полные упрека, обращенные к сыновьям: «А не могли вы больше места сделать в этом озере?» Опечалились юноши, минуту молчали, пока не отважились ответить: «Руки у нас, татко, мерзли».

Не ответил плотник Севрук на эти слова, только еще один шаг сделал по направлению к проруби. Именно в этот момент с громким скрипом снега под шинами «газика» подъехал доктор Неглович. Остановил машину, вышел из нее и скромно втиснулся в толпу, которая с радостью встретила его приезд. Ведь доктор дал этим доказательство, что он, как и его отец, хорунжий Неглович, не возносится в деревне над другими. Но все же приезд доктора не ушел от внимания Севрука, который, как обычно, решил оказать доктору надлежащее почтение. Отвернулся Севрук от проруби, снял кожаную пилотку и поклонился доктору, а тот поклонился ему с таким же большим уважением, сняв свою шапку из барсучка. Потом плотник Севрук снова надел на голову кожаную пилотку и переступил с ноги на ногу. Чем-то бестактным показалось ему уйти с этого света без слова, потому что он участвовал во многих похоронных торжествах, и всегда кто-нибудь какие-нибудь хорошие слова в это время говорил. А поскольку никто не спешил это сделать, плотник Севрук сказал своим низким, рокошущим голосом:

— Я топлюсь, потому что начальник Гвезда забрал у меня корову за долги.

После этих слов посмотрел плотник Севрук на свою жену, которая в этот момент должна была, по его мнению, громко заплакать. Глянул на сыновей, которые также должны были зарыдать. Но мамуське было слишком любопытно, каким образом ее муж утопится в такой маленькой проруби и в таком мелком месте, и она даже выказывала нетерпение, что муж так долго тянет, говоря очевидные вещи — ведь всем давно было известно, что он будет топиться не почему-либо, а именно из-за долгов. А сыновьям Севрука не до плача было, они хотели домой, потому что ноги у них начали мерзнуть.

Почувствовал, похоже, Севрук нетерпение собственной семьи, а также толпы, собравшейся у озера. Тогда он очень медленно наклонился к проруби и, как это привыкли делать люди перед купанием, сунул в воду свой указательный палец, чтобы узнать, какая там температура. Ни его самого, ни кого-то из присутствующих не удивил этот жест, хоть будущему утопленнику должно быть все равно, в какой воде он утопится: теплой, холодной или ледяной. Потом плотник Севрук слегка присел и, по обычаю сельских парней, которые собираются нырять, зажал двумя пальцами себе нос, чтобы ему в нос вода не затекла. Почему? Об этом тоже никто не подумал, но всем было ясно, что наступила последняя минута, когда они видят живого Севрука, потому что в следующую он оттолкнется пятками ото льда и исчезнет в зеленоватой пучине проруби.

— Ох, — застонала толпа на берегу озера.

Севрук выпрямился, отнял пальцы от носа. Не бросится он в пучину, а войдет в озеро постепенно, с достоинством — об этом говорила людям его новая поза. И даже кое-кто пришел к выводу, что и в самом деле так он поступит правильнее и серьезнее. Зачем же при утоплении производить неприятный плеск, разбрызгивать ледяную воду во все стороны (а было очевидным, что огромное тело плотника, если бы он бросился в прорубь, должно было вызвать много брызг), если гораздо лучше уходить со света в тишине и сосредоточенности. Шаг за шагом погружаться в воду, сначала до лодыжек, потом до колен, потом до пояса, до подмышек и наконец исчезнуть в озере вместе с головой, покрытой кожаной пилоткой. Только не жалко ли прекрасной пилотки?

То же самое, видимо, пришло в голову Севруку. Он снял пилотку и подал ее мамуське. Пилотку тотчас же вырвал у матери старший сын плотника, потому

что он давно завидовал отцу, имевшему такой прекрасный головной убор. Это не понравилось Севруку, наверное, он тоже был сильно привязан к своей пилотке. Он отобрал ее у сына и снова натянул на голову, и это было признаком того, что он решил умереть в пилотке.

Вдруг Севрук зарокотал своим низким голосом:

— Топлюсь, потому что начальник Гвязда забрал у меня коров за долги.

Удивили всех слова Севрука не о корове, а о коровах. Не помешалось ли у Севрука в голове от страха перед смертью?

— Он забрал у тебя только одну корову. Вторая еще осталась, — напомнил Шчепан Жарын. — А о могиле не беспокойся, я тебе ее выкопаю даром. Место я уже выбрал. Это будет возле старого Ендрыщака.

— Не согласен, — загремел Севрук. — Ты, Шчепан, ямы копаешь слишком глубокие, и весной вода подземная туда подходит. Возле Ендрыщака я тоже лежать не хочу.

— А где ты хотел бы лежать?

— Не знаю, — загремел плотник Севрук. — Не знаю, где я хотел бы лежать. А что ты сделаешь, мамуська, со второй коровой?

— Завтра ее продам, — отвечала она. — Кормовой свеклы осталось немного, сена тоже мало. За свеклу и сено куплю сечки для свиньи.

— Кому продашь корову? — спросил Севрук, и никого не удивил этот вопрос, потому что человек перед смертью имеет право знать, в чьи руки попадет его собственная корова.

— Отто Шульц хотел ее купить. И Кондек спрашивал, не продадим ли мы ее. Задумался плотник Севрук.

— Надо ее продать сегодня, — сказал он, минуту подумав. — А утопиться я могу завтра или в другой раз.

Мамуська хлопнула в ладоши от восторга.

— Ну да. Как я сама об этом не подумала. Беги, Зенек, в магазин за двумя бутылками вина и принеси их домой. Пане Шульц, — выискала она в толпе седую бороду старого Шульца, — вы хотели купить нашу корову?

— Да, — сказал Шульц, выходя из толпы. — Могу ее купить, если вы не запросите слишком много.

— А я? — спросил рассерженный Кондек и рывками протиснулся через толпу. — Обо мне как-то никто не говорит? А разве не я первый говорил вам, Севрукова, что хочу купить корову?

— Сговоримся, — примирительно загремел Севрук. — Хорошие люди всегда договорятся.

И медленным шагом он двинулся в сторону своего дома. Поспешала возле него мамуська, шли за ним Шульц и Кондек, а Шчепан Жарын забежал вперед:

— Не давай себя надуть, Севрук, я тебе помогу продать корову. Две бутылки слишком мало. Я принесу третью, легче будет говорить о корове.

Обогнали их бабы, спешащие к кухням, кастрюлям и сопливым детишкам. Мужчины расходились медленней, потому что многим захотелось вина, о котором упоминала мамуська. Зенек уже готовился бежать в магазин, только никто не сунул ему в руку денег.

— Ну хорошо. Возьми, Зенек, на вино, — решился Кондек и вынул из кармана помятую купюру.

Идя к дому, плотник Севрук, как пристало человеку хорошо воспитанному, вежливо поклонился доктору, сняв перед ним свою кожаную пилотку, доктор же снял перед ним свою шапку из барсука.

— Спасибо, доктор, за то, что вы приехали на мое утопление, — сказал Севрук.

— У меня сегодня выходной в поликлинике, — вежливо объяснил доктор.

— В следующий раз утоплюсь уже взаправду, — пообещал Севрук.

— Если взаправду, то никогда не стоит топиться, — сказал Севруку доктор и сел в свой автомобиль.

А люди в Скиролавках еще больше заужали доктора, ведь он произнес святыя слова, что топиться взаправду не стоит. Никто, впрочем, не верил, что Севрук утопится в мелкой проруби, и все пришли только посмотреть на «Севруково утопление», так, как в больших городах ходят в разные места, где за деньги можно посмотреть, как один другого убивает, но не взаправду, потому что потом оба они выходят к людям и кланяются, живые и здоровые.

В гмине Трумейки всю следующую неделю громко рассказывали о том, как замечательно топился плотник Севрук, сколько людей пришло на берег озера. Узнал об этом начальник Гвязда, и страшная злость охватила его при известии, что Севрук продал свою последнюю корову. Ведь это неизбежно означало, что осенью, когда подоспеет очередная уплата кредита, ничего уже судебный исполнитель у Севрука не заберет. И понял тогда начальник Гвязда, почему его предшественники время от времени открывали Севруку небольшой кредит. Ведь чтобы забрать что-то у людей типа Севрука, сначала им надо что-то дать, иначе власть потерпит поражение. Нет ничего худшего для начальника гмины, чем человек, который не боится судебного исполнителя.

И так со временем некоторые люди поняли, насколько большой смысл таило в себе «Севруково утопление» и продажа последней коровы. Потому что с тех пор начальник Гвязда утратил последнюю власть над плотником, у которого не было ни телевизора, ни единой сельскохозяйственной машины, ни свиноматки. С того момента уже не огорчала Севрука мысль о его огромном долге, а, будучи плотником и имея троих сыновей, он не умирал с голоду.

Но нашлись и такие, которым не понравился Севруков спектакль у озера, и они твердили, что человек не имеет права играть собственной жизнью, ведь таким образом он навлекает на деревню разные несчастья. В согласии с их предсказаниями в тот же вечер чистое до сих пор небо вдруг затянулось тучами, и поднялся ветер такой сильный, что своим воем он заглушал разговоры людей. У Галембки тогда сорвало с крыши трубу, у Шульца упало с сарая аистиное гнездо, у озера Ясного в глубине леса сломалось дерево, на котором находилось одно из пяти гнезд орлана-белохвоста. А на полуострове, как мощные органы, ревели от ветра старые ели на аллее, ведущей к воротам, две овчарки Негловича то и дело громко выли, и доктор вынужден был прерывать чтение, вставать с кресла возле печи и выходить на крыльцо, чтобы успокоить собак. Читал же доктор в то время не какую попало книгу, а произведение, из которого вытекало, что с точки зрения разума на свете ценна только одна вещь, то есть добрая воля, а она бывала доброй только тогда, когда стремилась исполнить свой долг.

На дереве же у Свиной лужайки все колыхалась петля из конопляной веревки. Йонаш Вонтрух и Антони Пасемко плели байки о Сатане, который владеет Землей.

О том, как у доктора запахло мятой и полынью, а также о женщине, которая хотела иметь ребенка от Клобука

Собаки лаяли возле калитки — монотонно, не слишком усердно. Доктор Ян Крыстьян Неглович отложил на стол книжку, поднялся с кресла, в сенях надел валенки и натянул на голову шапку из барсука. На нем был толстый халат, но на крыльце ветер продул его до кожи и укусил в лицо, как дикий зверь. Светя фонариком, потому что ночь была темной, шел доктор к калитке по аллее ревуших от ветра елей и думал: кто в такую позднюю пору, в плохую погоду прибыл к нему, чтобы нарушить его покой? Может, какая-то женщина начала рожать? А может, какой-нибудь путешественник продрог по дороге домой, испортился у него автомобиль или дышло он поломал, и ищет помощи в первой попавшейся усадьбе?

За калиткой стояла женщина в черном платке на голове и плечах, она была неподвижна и казалась черным стволом, который вдруг вырос за забором.

— Кто ты и чего хочешь? — спросил он.

К пожилым женщинам он обращался на «вы», а «пани» говорил только тем, с которыми ему случалось иметь удовольствие.

— Я Юстына, — порыв ветра принес к нему слегка свистящее имя.

— Не знаю такой, — ответил доктор и движением руки успокоил собак, которые, несмотря на его присутствие, то и дело лаяли на чужую женщину.

— За Дымитра Васильчука я вышла замуж и живу по соседству.

Старого Васильчука доктор хорошо знал, потому что его дом соседствовал с усадьбой Макуховой. Сам он был издалека и имел трех сыновей, которые работали в лесничестве. После смерти старого два сына уехали на работу в шахте и

вскоре заработали себе на машины. Третий, Дымитр, остался в Скиролавках в небольшом хозяйстве, понемногу браконьерствовал в лесу и на озере, понемногу работал на вырубках. Два года назад он привез молодую девушку, но никому ее не показывал, даже в магазин за покупками не отпускал. Доктор время от времени видел какую-то женщину, которая крутилась между домом и небольшим огородиком, но так как летом и зимой у нее был платок на голове, лица ее он не запомнил.

— Чего ты хочешь от меня, Юстына?

— Ребенка у меня нет, — ответила она. — Два года живем, а ребенка не ношу.

— Это ничего. Надо ждать еще год. А может, и второй год.

— Дымитр меня бьет. Говорит, что я как сухое дерево, которое надо срубить.

— Приди завтра в поликлинику в Трумейках. Я тебе дам направление к врачу в город.

Но молодая женщина стояла перед воротами, как ствол дерева, который неожиданно вырос за один вечер.

— Вы тоже доктор, — сказала она чуть громче, потому что снова загудели ели.

— Есть разные доктора, Юстына, — объяснил он мягко. — Такие, которые лечат зубную боль и головную боль. Боль в пояснице и детей. Я дам тебе направление в город, и там тебя обследуют.

Но она стояла, как ствол дерева.

— В город меня Дымитр не пустит, а сегодня он лежит дома пьяный. Вы тоже доктор. До утра буду так стоять, пока вы меня не осмотрите и не скажете, заслуживаю ли я смерти. Яичек я принесла вам целую корзинку. И потрошеного петуха.

Она говорила медленно и певуче. И может быть, это ветер в елях виноват, а может — одиночество в доме, потому что ее голос показался доктору сладким и обезволивающим. Тогда он вставил ключ в замок калитки и открыл ее перед Юстыной, а потом повел ее на крыльцо и впустил в сени. Он и не думал ее осматривать, так как медицинская наука говорила ему, что два года без ребенка еще не дают повода для беспокойства. Но слова утешения и надежды нужны каждому, а ему тоже мило было слушать певучий говор.

Под платком в правой руке она держала корзинку с яйцами и потрошеным петухом. Он велел ей занести корзинку в кухню, а потом впустил женщину в свой кабинет, в котором старая Макухова каждый день топила печь, так, как он ей когда-то велел, потому что у врача всегда, во всякое время дня и ночи, могут быть пациенты.

Был этот кабинет гордостью доктора и как бы источником его скрытой силы, откуда он черпал веру в человеческий разум и в свой собственный талант. Среди белизны стен, ширмы, стола и шкафчиков, блестящих прозрачными стеклами, он очищал свои мысли и погружался в тайны других людей. Здесь у него было то пристанище, где его прекрасное прошлое становилось настоящим и будущим одновременно, как будто бы время для него вдруг остановилось. Несмотря на то, что роль такого, как он, сельского врача обычно сводилась к решению, куда и к какому специалисту направить больного, он все же не хотел, как другие, ограничить свой лекарский инструментарий стетоскопом и блокнотиком с рецептами: ему казалось, что он уподобился бы тогда плотнику Севруку, который продал свое долото, скобель и даже топор. У него в кабинете была и кушетка, покрытая чистой простыней, и гинекологическое кресло, капельница, шкафчик с хирургическими инструментами, аппарат для стерилизации шприцев и игл, кварцевая лампа, зеркала, зеркальце для ларингологических осмотров, а также много других приспособлений — разнообразные клещи, сверкающие никелем пинцеты и ножницы. И хотя, по правде говоря, он их никогда не использовал, все же они радовали его глаз и укрепляли веру в себя, так же, как укрепляли ее врачебные книги, переплетенные в кожу и ровненько установленные на полке. У доктора были и медицинские весы, и весы для грудных детей, а также закрытый на ключ шкафчик, полный лекарств. Когда он обследовал кого-нибудь приватно, он любил сам вручить лекарство и проследить, чтобы больной принимал то, что ему прописано. На стене кабинета висела подсвеченная лампочкой стеклянная таблица для проверки зрения, на столе возвышался аппарат для измерения давления и лежала переплетенная в красное толстая книга, в которую, как говорили, доктор записывал даже сны своих пациентов. Все эти предметы Макухова долж-

на была ежедневно вытирать от пыли очень старательно, и доктор сердился, если находил хоть немного пыли в белой эмалированной плевательнице. Над Негловичем немного подсмеивались некоторые сельские врачи, хотя бы Иоланта Курась, педиатр, которая как терапевт работала в Трумейках по очереди с Негловичем, а в своем доме вообще никакого кабинета не держала. Другие, однако, считали, что настоящего кузнеца можно узнать по кузнице, сапожника по мастерской, а врача — по кабинету. И что тут много говорить: если кто-то в окрестности действительно заболел, то он предпочитал запрячь дрожки и ехать в Скиролавки, чем идти к пани Курась и лечиться в ее квартире на старую кушетку. Когда-то, когда четырнадцать лет тому назад доктор поселился в доме своего отца, хорунжего Негловича, некоторых людей огорчали его советы и предписания. Говорили, что жене Юзефа Зентека, лесоруба, которая после пятого ребенка была плохо зашита и орган имела ужасно большой, из-за чего мужу с ней было спать невозможно, доктор сказал: «У женщины есть еще и другие отверстия, которые могут доставить удовольствие мужчине». Что конкретно он имел в виду — этого никто не мог у Зентековой узнать, и из-за этого огорчение стало еще большим. А раз уж большим оно быть уже не могло, то стало уменьшаться и наконец исчезло вообще. Потому что если кто-то давал себе труд задуматься над этими вещами, то оказывалось, что, по сути дела, у хорошей хозяйки не должно ничего пропадать, а лесоруб Юзеф Зентек не должен был оставаться несчастным только потому, что его жену какой-то плохой врач неудачно зашил после родов. Со временем в Скиролавках начали хвалить своего врача и разносить его славу по окрестности. Писатель Любиньски рассказывал под большим секретом, что много лет назад молодой Неглович был известен в столице как многообещающий гинеколог, который был у женщин нарасхват. Но он влюбился в некую Ханну Радек, женщину необычайной красоты, которая так его ревновала, что запретила ему вообще встречаться с другими женщинами, и это вынудило Негловича приобрести квалификацию врача по внутренним болезням. Доктор, однако, высмеивал легенды такого рода, утверждая, что, когда после трагической смерти жены решил вернуться в Скиролавки и стать сельским врачом, его гинекологическая специализация оказалась малопригодной, и поэтому он пять лет два раза в неделю ездил в клинику в воеводский город, пока не сдал экзамен первой степени. Однако люди в Скиролавках предпочитали верить в рассказ писателя Любиньского, и это было еще одним доказательством, что художественная правда всегда побеждает. Те, впрочем, кому когда-то удалось один-единственный раз увидеть в Скиролавках живую Ханну Радек (потому что потом многие видели уже только алебастровую урну на кладбище), подтверждали, что она была необычайно красива, а ради подобного существа даже такой мужчина, как доктор Ян Крыстьян Неглович, мог отказаться от заглядывания в промежность другим женщинам, хоть и имел к этому талант и соответствующую квалификацию.

— Сними с себя платок и повесь его на вешалку, — сказал доктор Неглович Юстыне, когда она оказалась в его кабинете. — Потом садись поудобнее на этот маленький вертящийся табурет, который стоит перед моим столом.

Увидел доктор перед собой молоденькую женщину с белой кожей в чуть заметных веснушках и, что было удивительно при такой светлой коже, — с темными изгибами бровей и черными ресницами вокруг черных грустных глаз. Были ли они действительно грустными или такими доктору показались, этого он не знал. Но он чувствовал, что есть в них что-то необычное, будто бы эта женщина смотрела не на него, а всматривалась в какой-то печальный пейзаж в никому не знакомой стране. Лицо ее отличалось выступающими скулами, мягко закругленными подбородком и большими губами, шершавыми от ветра. Губы были слегка раскрыты в слабой улыбке, которая спорила с грустью глаз, там поблескивала полоска слюны и белые зубы с заметной щелью между верхними резцами. Удивил доктора блеск, бьющий от ее волос, на первый взгляд темных, но бросающих вокруг красноватый отсвет. Они пушились над ушами и надо лбом, завиваясь в локоны. Доктору показалось, что это не волосы, а какая-то лохматая шапка, с рыжей или красной ниткой, которая поблескивает оттенками меди и золота. Мочки маленьких ушей просвечивали розово, как полости нежных раковин, к плоскому и невысокому лбу прильнули три похожие на полумесяцы прядки, почти прикасаясь к полоскам густых бровей. Белая шея высывалась из рубахи, которая была еще белее тела. Рубаха была вышита крестиком, каким-то непо-

нятным узором, так как остатки его скрывала серая, расстегивающаяся спереди кофта из толстой шерсти. Под глазами женщины доктор заметил глубокие синеватые тени, которые не только сообщили ему о ее усталости, заботах или недосыпании, но и пронизали его какой-то огромной нежностью, будто бы ее страдание было для него необычайно близким и давно знакомым. Он смотрел на нее и не видел в ней ничего красивого, и в то же время она казалась ему необычайно прекрасной. Его охватил душевный непокой, с необычайной силой ему захотелось пойти за ее взглядом в ту неизвестную страну печали.

Еще раз он бросил на нее взгляд и удивился, что ее лицо и шея казались ему до сих пор белыми, потому что, когда ему в глаза ударил красноватый блеск ее волос, лицо и шея стали розоватыми, как уши.

Он перелистал страницы своей красной книги и взял авторучку. Он спрашивал и записывал ответы, с этого момента не глядя на нее и думая, не должен ли он ограничиться направлением в городскую больницу. Два года жизни с женщиной — этого, однако, было слишком мало, чтобы там захотели заняться ею всерьез. Но так или иначе, общий осмотр казался обязательным.

Ей было девятнадцать лет, уже два года она жила с мужем. Менструации были регулярными с тринадцати лет, она хорошо чувствовала овуляции. Не перенесла никаких заразных болезней, мать ее погибла, когда ей было три года. До замужества она воспитывалась у тетки. Ее мать убил топором отец, потому что много лет она не могла забеременеть, а когда наконец родилась Юстына, отец вбил себе в голову, что мать понесла от дьявола. Он повесился в больнице для психических больных.

— Дымитр говорит, что я такая же, как мать. Не рожу от него, разве только и меня дьявол оплодотворит своим семенем. Но меня оплодотворит Клобук. Мне снится каждую ночь, что сидит он на балке в хлеву, а потом падает на меня утром, когда иду в хлев доить нашу корову. Я боюсь его, но хочу, чтобы это произошло.

Она говорила медленно, певуче, спокойно, будто бы рассказывала о делах обычных и естественных. Выражение ее глаз не изменилось, она не стыдилась признаний и даже вроде бы чувствовала какое-то облегчение, что может поверить кому-то свои желания. В раскрытых губах теперь читалось что-то вызывающее и бесстыдное.

— А что тебе еще снится?

— Самолет. Часто мне снится летящий по небу самолет. Я вижу его, как он серебрится, слышу его рокот, а потом вдруг он начинает падать на нашу усадьбу, на меня.

— Это страх, Юстына. Это боязнь, что ты так же, как мать, не забеременеешь, и Дымитр тебя убьет, как твой отец убил твою мать. Но ведь ты знаешь, что дьявол не может оплодотворить женщину, и не может этого сделать Клобук.

— Знаю, — она кивнула головой. — Но очень хочу ребенка. Поэтому я сюда пришла.

Без тени сомнения или стыда она рассказала ему, что первым и единственным мужчиной, который в нее вошел, был Дымитр. Ей нравилось то, что он с ней делал, но только вначале, может, год. Потом он сказал ей, что она — как пустое дупло, в которое можно лить семя, а в ней никогда ничего не завяжется. И с тех пор она каждую ночь ждала, когда он наполнит ее семенем, хотела его в себе задержать, но оно из нее вытекало. Год уже так с ней происходит; она подавляет свое наслаждение, потому что иначе что-то в ней корчится и выпихивает семя; и она только лежит и ждет, чтобы в ней что-нибудь осталось и начало завязываться. Каждую ночь у нее мокрые бедра, и она видит сны о Клобуке на балке в хлеву. Позавчера она увидела там собственного петуха. Зарубила его, выпотрошила и принесла доктору вместе с корзинкой, полной яиц. И сейчас просит, чтобы он помог ей задержать в себе семя.

— Этого нельзя сделать, — объяснил он. — У семени есть маленькие ножки, и оно само проходит в глубь женщины.

— А почему оно не проходит в меня?

— Не знаю. И выяснить это нелегко.

— Ну, загляните в меня. Может, там какие-нибудь ворота есть, закрытые, — она обеими руками схватила руку доктора, в которой он держал авторучку, нацеленную на страницу красной книги. А потом склонилась и шершавыми от

ветра губами прильнула к его пальцам.

— Успокойся, Юстына, — ответил он мягко и отнял у нее свою руку.

Она начала раздеваться, поспешно расстегивая пуговицы кофты.

— Подожди минуту, — сказал он.

Сначала он измерил у нее давление, которое оказалось как нельзя более нормальным. Пульс у нее был ровный, 72 удара в минуту. Он осмотрел ее ногти на руках, потом заглянул в глаза. Реакция Штелльвага была нормальной, так же, как и реакция Грефа и Мебиуса. Он поставил стул за ней и сзади обхватил пальцами ее шею, велел ей сделать глубокий вдох. Присмотрелся и к ее зубам, заглянул в горло, натянул кожу на щеках, отметив чуть ослабленную упругость. А когда он стоял близко к ней, его вдруг овеял запах ее тела и волос — аромат шалфея, полыни и мяты. Еще раз он склонил лицо к ее волосам, чтобы убедиться в том, не обманывает ли его обоняние, но он слишком хорошо знал аромат сушеных целебных трав.

— Ты пахнешь лугом, — сказал он удивленно.

— Вчера, как он меня начал бить, я убежала из дому и спала на сене в хлеву. А наше сено — с того луга возле вас, в нем полно трав.

— Шалфей, мята, полынь, — поддакнул он.

— А больше всего мятлика и хвоща, — она подняла к доктору свое лицо, в глазах уже не было печали, только удивление, что доктор так хорошо знает их луг возле озера. И она вздохнула с облегчением, потому что раз доктор знает луг, то, может быть, изучит ее тело так же подробно.

Она аккуратно укладывала свои вещи на вертящемся табуретике. Кофту, рубашку, вышитую крестиком, широкую и длинную юбку из черной шерстяной материи, зеленые, вязанные крючком колготки, которые заменяли ей и трусики. Тело у нее было розоватое, с золотыми веснушками на полных плечах, грудная клетка высокая, груди большие, немного обвисшие от своей тяжести, соски маленькие, с узким кружком со слабой пигментацией, как это обычно бывает у женщин, которые еще не рожали. Диафрагмо-реберный угол был близок к прямому, плечи широкие, а когда она взошла на весы, стали заметны большие, выпуклые ягодицы. Даже на глазок ширина бедер была большей, чем ширина плеч, и это означало, что она может родить ребенка без всяких трудностей. Волосы на лоне были черными и густыми, а волос вокруг сосков, на груди и на животе он не увидел.

— Ты вешишь на три килограмма больше, чем надо, — сказал он, делая вид, что не замечает на ее спине длинных, почти черных кровоподтеков. Это было обычное дело в этих краях, у других были синяки на грудях, на шее, на животе.

Небольшой излишек веса он определил по системе Лоренца, но не скрывал от себя, что предпочитает женщин полных, и для собственного употребления принимал систему Брокка. Он не велел ей сразу сойти с весов, а отступил на шаг и еще минутку любовался ее задом, глубоким врезом талии и формой таза. Удивлялся нежному закруглению низа ягодиц и удивительно худым бедрам, сужающимся до коленных суставов, лодыжкам, не слишком выступающим, и тонким голеним над большими, с заметно обозначенным подъемом, стопами. Ее волосы снова красновато поблескивали, и часть своего блеска отдавали спине, выделяя круглые ямки над ягодицами, пронизывая тело чудесным розовым оттенком. Такое тело было у его жены, Ханны Радек, но он подумал об этом только мельком, потому что за долгие годы привык во время осмотра уместить свои мысли в русло врачебной рутины.

Он указал ей на кожаный топчан, чтобы она села. Она не прикрыла руками лона, как иногда делали у него другие молодые женщины. Ее собственная нагота, казалось, была любопытна для нее самой. Впрочем, она смотрела не на доктора, а только на свои груди, живот и лono, будто бы в первый раз в блеске электрического света видела свое нагое тело и верила, что через минуту она найдет в себе перегородку, которая закрывает в ней путь для семени.

Выстукивая ее согнутым пальцем, он определил границы прилегания легких к грудной клетке, потом приложил ухо к ее спине, чтобы послушать шум дыхания. Она задрожала, когда он коснулся ее своей целодневной щетиной, но дрожь тотчас же прошла. Она послушно дышала, то легче, то глубже, кашлянула несколько раз. Теперь он велел ей лечь на простыню кушетки. Установил границы приглушения относительного и безусловного, исследовал тоны сердца, громкость,

ритмичность, звучность, соотношение промежутков между ударами. Немного дольше, чем это было необходимо, прижимал щекой приплюснутую, но по-прежнему выпуклую левую грудь, бессознательно получая удовольствие от тепла ее тела и аромата кожи, едва уловимого запаха пота и овечьей шерсти, который перенесся с ее кофты и будто бы впитался в тело.

У него были холодные кончики пальцев, и она снова вздрогнула, когда он начал ощупывать ее девический твердый живот. Желудок, печень, область желчного пузыря, поджелудочной железы, толстой кишки — нигде ни малейшей болезненности или увеличения.

Его ладони и пальцы путешествовали по все тем лекарским дорогам, углублялись в них, чувствуя упругость молодого тела и чудную гладкость кожи, без малейшего изъяна, родинки или нароста. Концы его пальцев разогрелись, и он внезапно почувствовал тепло где-то внутри себя, будто бы в самом сердце.

— У тебя красивое тело, Юстына, — сказал он тихо, перемещая свою ладонь с шершавого от волос лона на небольшую выпуклость живота и задерживая ее возле глубокой ямки небрежно отрезанной пуповины.

Она приподняла голову с маленькой подушки и посмотрела на свой живот, на ладонь доктора с длинными, немного раздвинутыми в эту минуту пальцами, похожую на белую звезду.

— Мало у кого из женщин такое красивое, гладкое, розовое тело, как у тебя. Дымитр не должен тебя бить. Ты сотворена для ласк.

Голова ее упала на подушку. Она смотрела в потолок, губы ее раскрылись в улыбке, более смелой, чем до тех пор, даже блеснули крупные зубы.

— Знаю. Потому что я люблю, когда меня трогают. Дала бы заласкать себя до смерти. — Он почувствовал ладонью, что она беззвучно засмеялась.

Минуту спустя она добавила в задумчивости:

— Но любовь должна дать плод. А из меня все вытекает. Каждое утро у меня мокрые бедра.

— Ты здорова, — сухо сказал он и встал с кушетки.

Она поняла эти слова как приказ одеваться. Рывком села. Ее глаза потемнели от гнева, а рот стиснулся в узкую щелочку.

— Я принесла вам петуха и полную корзинку яиц. Все из меня вытекает. Я — как пустое дупло!

В первый раз она повысила голос. Его неприятно поразило то, что он дал себя обмануть. Она покорила его своей мягкой певучестью, а сейчас он как будто бы увидел в ней кого-то другого. Визгливую деревенскую женщину, охваченную единственным чувством — жадной материнства.

Он был зол на себя за слова о том, что она была сотворена для ласк. Если уж по правде, то ни одна женщина не сотворена для ласк. Все, что он когда-либо о них узнал, говорило, что они были прежде всего самками человеческой породы, у которых каждый орган был подчинен одной цели: оплодотворению, беременности, выкармливанию новорожденного. Если и были у них еще какие-либо функции — учить в школах, управлять, писать стихи, — все это было уже вне круга интересов гинекологии. И если даже были правы те, кто говорил, что наслаждение, переживаемое с мужчиной, отличает человеческую самку от самки обезьяны, то правдой было и то, что сперматозоид оплодотворял яйцеклетку без чьего-либо понимания, без ласк и без переживаемого наслаждения.

— Там — кресло, — он вынул из шкафа резиновые перчатки.

Неизвестно почему, но вдруг ему захотелось, чтобы она увидела в нем мужчину, застыдилась бы его хотя бы на миг, а ему пришлось бы побеждать ее женский стыд. Но она была неуправляема в стремлении открыть замкнутые ворота, ведущие внутрь. Впрочем, откуда ему было знать, сколько прошло ночных часов, прежде чем она решилась прийти к нему, хотя и знала, что должна будет раздеться и показать чужому мужчине себя изнутри. Может быть, тысячи раз переживала она свой стыд, пряча лицо в подушку от ударов Дымитрова кулака и животом прижимаясь к сеннику?

Половые органы ее были хорошо развитыми, малые срамные губы — выпуклыми, розовато-красными, и только клитор, когда он прикоснулся к нему пальцами, вызвал реакцию легкой боли. Он подумал, что тот петух на балке не был так уж невинен, как она о том рассказывала, что он являлся не только во снах, но и в мечтах, успокаивал ее страсть и тоску. Два пальца в резиновой перчатке он за-

сунул ей во влагалище, а левую руку положил на живот, над лонным сочленением. Передвинул пальцы вправо, потом влево, исследуя состояние труб и яичников, потом с помощью зеркала осмотрел шейку матки. Она была без эрозий и новообразований, матка — без загиба кзади, безболезненная, в чем он, подвигав ею, убедился.

В какое-то мгновение он почувствовал на себе взгляд Юстыны, посмотрел на нее и увидел на ее губах легкую улыбку, которая показалась ему триумфальной, будто бы она одержала над собой или над ним какую-то только ей одной известную победу. Заметив, что он посмотрел на нее, она прикрыла глаза и теперь смотрела на него из-под прищуренных ресниц, неподвижно и властно, будто бы, познав тайну ее тела, он стал одновременно ее собственностью. Но это было короткое, мимолетное впечатление, которое он отбросил.

— Одевайся. Ты здорова и можешь иметь детей, — сказал он коротко, снимая перчатку.

Он не был в состоянии проверить, проходимы ли трубы. Такого рода исследования необходимо проводить в специализированной клинике — сальпометрография, биопсия шейки матки, лепарископия и много других сложных действий, большинство которых могло быть небезопасными для здоровья, и прибегать к ним можно было только в случае необходимости. А эта только два года жила с мужчиной. Впрочем, разве не говорит статистика, что только в сорока случаях из ста вина за отсутствие ребенка лежит на женщине? Всегда, прежде чем направить женщину на долгие и мучительные исследования, необходимо было подвергнуть исследованию мужчину, что было просто и легко.

— Я не нашел у тебя ничего такого, отчего ты не могла бы иметь ребенка, — сказал, снова усаживаясь за стол. — Завтра или послезавтра пришли ко мне своего мужа. Я дам ему направление в больницу, где исследуют его семя.

Ему показалось, что она его не поняла.

— Пришли ко мне Дымитра, — повторил он.

— Дымитра? — удивилась она, застегивая пуговицы кофты.

— Я ведь тебе объясняю, что вина может быть не твоя, а его. Надо его проверить.

Снова ее взгляд отправился куда-то в известный только ей край. Но все же его слова дошли до ее сознания.

— Он не согласится прийти. Убьет меня, если скажу ему, что я тут была.

Он пожал плечами.

— Сделаешь так, как пожелаешь. Но если ты действительно хочешь ребенка, пришли ко мне своего мужа.

Она покачала головой, и вдруг доктор почувствовал, что эта молодая женщина третий раз меняется у него на глазах. Он увидел ее смеющийся взгляд, брошенный ему, как вызов.

— Значит, это не я. Это Дымитр, — ее спина затряслась от сдавленного смеха.

— Я этого не говорил. — Неглович строго сдвинул брови, хотя привык к тому, что подобные разговоры с простыми женщинами иногда бывают трудными. — Я только объяснил, что необходимо его тоже осмотреть.

— Я здорова. Вы так сказали! — Она перестала смеяться.

Он встал из-за стола, подошел к вешалке и подал Юстыне платок. А так как она все еще сидела на табуретке, он набросил платок на ее плечи, и снова от ее волос долетел запах шалфея, мяты и полыни. Она поняла, что он велит ей уходить, встала и приблизилась к доктору.

— Каждую ночь он льет в меня свое семя. Говорит, что я — как пустое дупло. Но если бы кто-то другой его в меня влил, то живот у меня вырос бы, как бочка.

— Пришли ко мне Дымитра, — повторил он твердо и почувствовал, что устал.

Она набросила на голову платок. Глаза ее смеялись, губы были приоткрыты, как для поцелуя. Но, может быть, ему только показалось, что именно так она их приоткрыла, и спустя мгновение он заметил в выражении ее лица внезапно проявившуюся страсть. Она повернулась и вышла из кабинета. Двигалась она уверенно, так, будто бы в доме доктора была много раз. Молча направилась в кухню, вынула яйца из корзинки и сложила их в таз, который стоял на шкафчике. Ощипанного петуха передвинула на столе ближе к окну и холоду.

Во дворе все гудели ели, а собаки свернулись на крыльце. Светя фонариком, доктор проводил Юстыну до калитки.

— Спасибо, — сказала на прощание своим певучим голосом.

Через мгновение она исчезла в темноте, и ветер заглушил скрип снега под ее высокими сапожками. Неглович вернулся в свой кабинет, чтобы погасить там свет, и ощутил запах шалфея, полыни и мяты.

А она шла в темноте по лесной дороге и хоть помнила, что летом здесь же, рядом, мужчина без лица задушил маленькую Ханечку, не испытывала ни капли страха. У нее было чувство, что все еще по ее обнаженному телу путешествуют пальцы доктора, что она вдыхает пропитанный табаком запах его дыхания, чувствует, как осторожно он раздвигает ее коралловый гребень и ищет внутри перегородку. Но он ее не нашел, потому что она чувствовала глубоко в себе его пальцы в перчатках, еще глубже, чем входил в нее Дымитр. Это он был во всем виноват, со своим бесплодным семенем, глупый и темный Дымитр, который каждую ночь лил в нее семя и потом бил по спине кулаком. Она пожертвовала доктору своего Клобука, который караулил ее на балке хлева. Интересно, приснится ли он ей и сейчас, придет ли в грезах, если она сама отрубила ему голову, выпотрошила, ощипала и отнесла в дом доктора.

Проходя мимо сияющих светом окон лесничества Блеса, она даже остановилась на минуту возле старой сосны, потому что дыхание у нее перехватило от неожиданного желания. Она снова почувствовала холодные и деликатные пальцы доктора на своем теле.

О том,

как много зависит от места,

на котором сидят, а также об ожидании тайного убийцы

Однажды доктор вернулся из Трумеек значительно позже, чем обычно, так как акушерка из роддома сообщила ему, что у рыжей жены агронома начались схватки. И доктор дольше пробыл в Трумейках, навестил ксендза Мизереру, у него пообедал, а потом разговаривал с ним о святом Августине и неоплатонистах, внимательно глядя при этом на телефон — не вызовут ли его на роды. Ведь согласно предостережениям великих акушеров рыжие женщины рожают труднее, чем блондинки и брюнетки, а отчего это происходит, никто на свете не знает. Медицине известны, однако, разные случаи, и жена агронома родила без больших осложнений, с помощью одной акушерки. Это, однако, не поколебало веры доктора в советы опытных акушеров, так как у всех правил есть одно общее, а именно — что они подтверждаются не во всех случаях. Только глупцы ищут правил без всяких исключений, и из-за этого у них постоянные проблемы со счастьем, с женами и даже с зажиганием в автомобилях. Умный же отдает себе отчет в том, что жизнь состоит почти из одних отступлений от различных правил. В бескрайней пустыне можно встретить реку или оазис с живительной водой, а случилось, что от жажды умирали там, где воды было вдоволь.

В Скиролавки доктор приехал уже в сумерки, и всю дорогу его сопровождал снегопад. Доктор подумал, что, может быть, это уже последний снег в этом году, потому что к вечеру сделалось гораздо теплее и внезапно будто запахло весной. Неглович улыбнулся, вспомнив весну, но и немного пожалел об уходящей зиме, потому что каждое время года, так же, как и возраст, несет с собой ценности, достойные внимания. А те, кто жалуется на зиму, обычно ругают и лето, кривятся весной и недовольны наступлением осени. А между тем хорошее есть во всем, и лучше умеренная радость, чем умеренная печаль, а если чего-то нельзя изменить, то надо это полюбить. Кое-где, как писали в газетах и показывали по телевизору, уже не было снега, люди боронили поля, но в Скиролавки весна обычно приходила на две недели позже, чем на юг, зато осень была более ранней, так же, как и зима. Но это вовсе не значило, что люди в Скиролавках чувствовали себя по этой причине худшими или лучшими, чем остальные. И доктор радовался хлопьям, которые кружились в свете фар его машины, и вспоминал минуту, когда в такую же метель вез к себе панну Юзю, девушку с ротиком лакомки. Доктор затосковал по выпуклостям женского тела, а так как он был мужчиной в расцвете сил, здоровым и хорошо упитанным, его прошила острая боль, плывущая откуда-то из глубины подбрюшья, и от нее быстрее забилось его сердце. Мысль доктора начала путешествовать по истоптанным тропинкам мужского желания —

какой женщине позвонить или письмо написать, а может быть, и с Макуховой поговорить, не упоминала ли при ней какая-нибудь женщина об одиночестве Негловича. Через минуту он вспомнил, что в последнее время пани Басенька редко к нему заглядывает, давно он не ласкал ее торчащих под свитерком дьявольских рожек. Пожалел себя доктор, что не может надолго привязаться к какой-нибудь женщине, в последнее время забросил и Ядвигу Гвязду, хотя между ее бедер лежалось как в удобной колыбельке. Но таков уж он был, что интересовали его все новые женщины, это могло быть выражением своеобразной извращенности или невроза, о чем он читал в книжках. Не исключено также, что просто тело и прелесть женщины казались ему еще одним замечательным блюдом, а как каждый гурман, он чувствовал отвращение при мысли, что должен есть одно и то же на завтрак, обед и ужин. Кроме того, доктор жалел о том времени, когда страсть к Ханне удовлетворяла все его желания. Смерть Ханны и прошедшие с тех пор годы произвели в душе доктора такое опустошение, что он и сам уже не верил, чтобы когда-нибудь его снова охватила страсть, похожая на ту. А поскольку жалость к себе бывает вступлением к отпущению грехов, то, когда он проезжал мимо усадьбы Васильчуков, перед его глазами встала Юстына, и ему показалось, что в машине он почувствовал запах сухой полыни, мяты и шалфея. Откуда бы взяться такому запаху в его старом автомобиле, он не знал, но боль прошла его еще раз, и снова быстрее забилося его сердце. Он вспомнил сны Юстыны — Клобука на балке, который падает на ее разогретое за ночь тело. Он представил себе, как она придерживает рукой свой покрасневшийся гребень, чтобы из нее не вытекла белая жидкость, а потом любовно гладит петушиный отросток, маленький, меньше наперстка. И желание ударило доктору в голову, аж в глазах у него потемнело. Только привычка подсказала ему, что он уже возле собственных ворот, и самое время нажать на тормоз.

Белые хлопья падали тихо, еле слышно шелестя на старых елях в аллейке. Падали и на разогретый капот машины и сразу же превращались в капли воды, испаряясь и шипя. Пронзенный болью желания, доктор медленно дошел до ворот, освещенных фарами автомобиля, открыл одну половинку, — и тогда раздался выстрел. Пуля просвистела возле уха доктора и стукнулась в ствол дерева за воротами.

Доктор изумился, потому что никогда ничего такого с ним не бывало. И он застыл в свете фар. Если бы тайный убийца выстрелил второй раз, доктор упал бы на снег, прошитый пулей. Но второго выстрела не было, только шелестели хлопья снега и, шипя, таяли на капоте автомобиля.

Доктор очнулся от ошолобления, пригнулся и выпрыгнул из света фар. В темноте он пробежал к дому, ворвался в спальню, вынул из шкафа свое ружье. Собаки, которые обычно бегали по двору, на этот раз, на счастье тайного убийцы, спали в кухне. Доктор свистнул псам и выбежал с ними из дому, осторожно подкрался к своему автомобилю и погасил на нем все огни. Собаки, однако, не почуяли чужого, а когда он велел им бежать в лес, где скрывался тайный убийца, восприняли это как забаву и, полные радости, скакали вокруг доктора. Если убийца убежал тотчас же после первого выстрела, то у него было достаточно времени, чтобы удалиться в лес или уйти по заснеженной дороге. Впрочем, снег валил все сильнее и тотчас же засыпал следы. Доктор пошел по дороге влево, потом по дороге вправо, потом вошел в лес и описал небольшой полукруг. Только спустя какое-то время он нашел место, откуда стреляли. И тогда страх холодной рукой охватил сердце доктора. Потому что тайный убийца стоял возле дороги, спрятавшись за дерево, не дальше, чем в тридцати метрах от ворот! Снег засыпал там желтоватую гильзу от карабина. Если он не попал с такого маленького расстояния, это означало, что либо он был плохим стрелком, либо стрелял из очень плохого оружия, из какого-нибудь обреза или самодельного самопала, который нельзя было быстро перезарядить, поэтому и не было второго выстрела.

Продолжение следует.

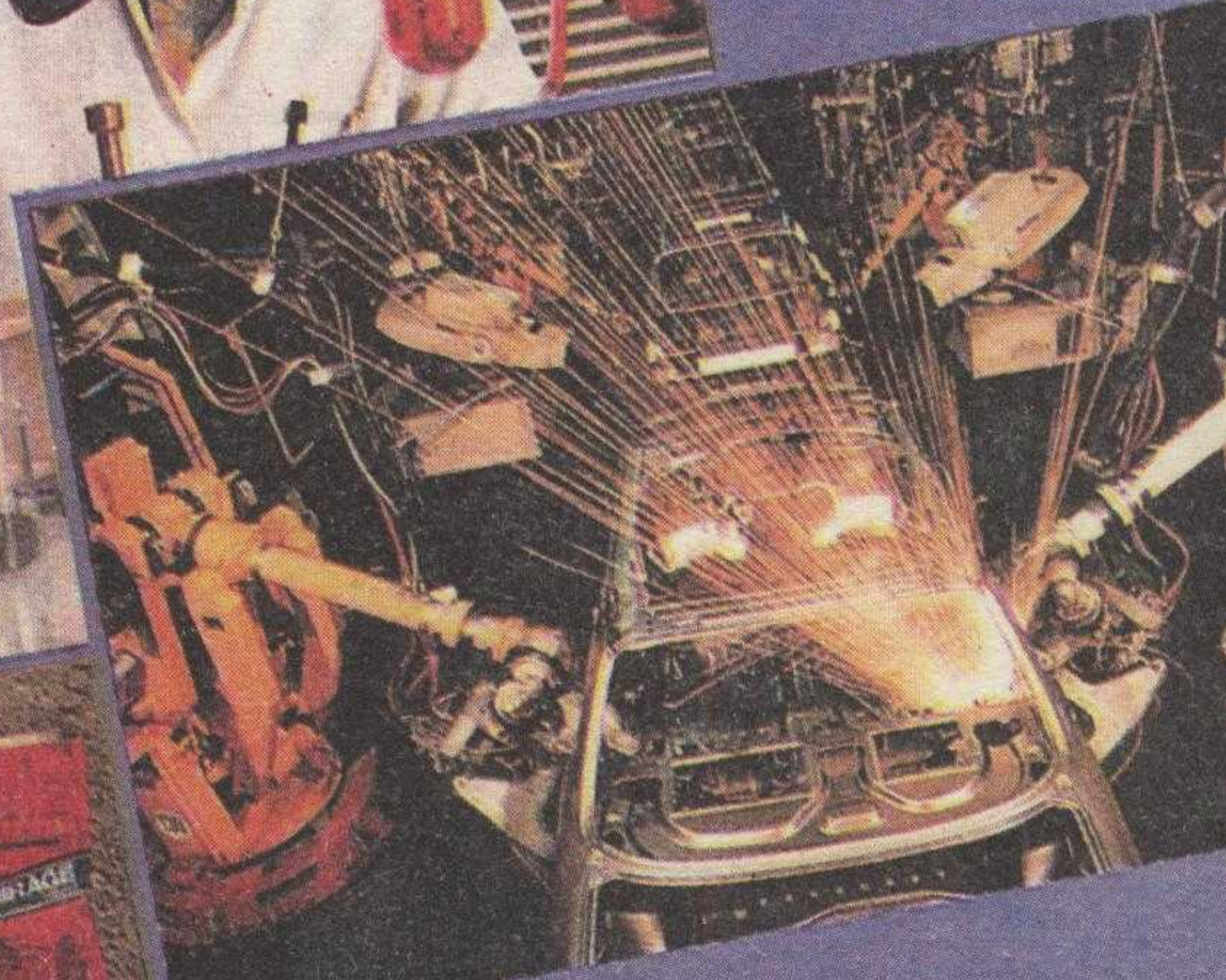
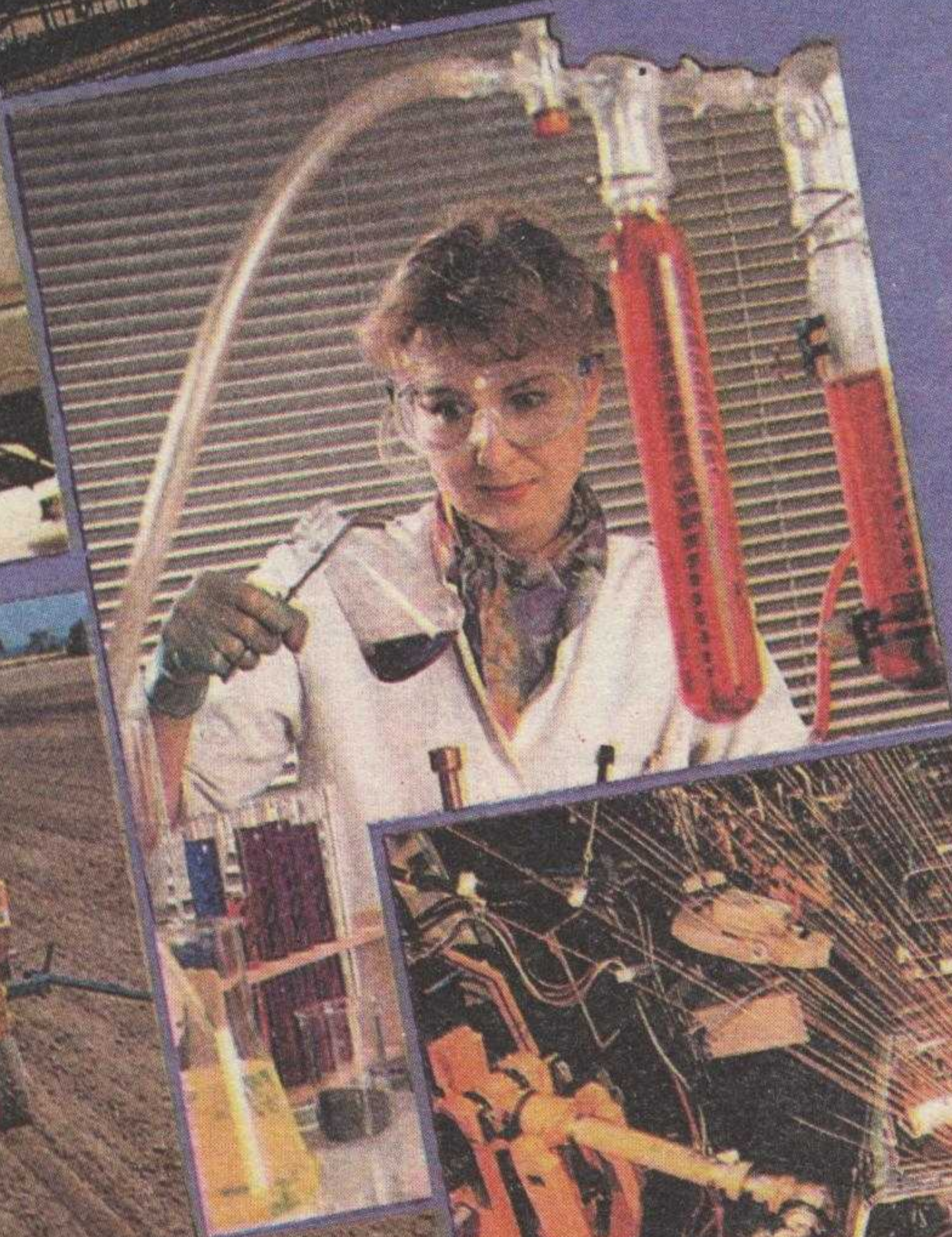
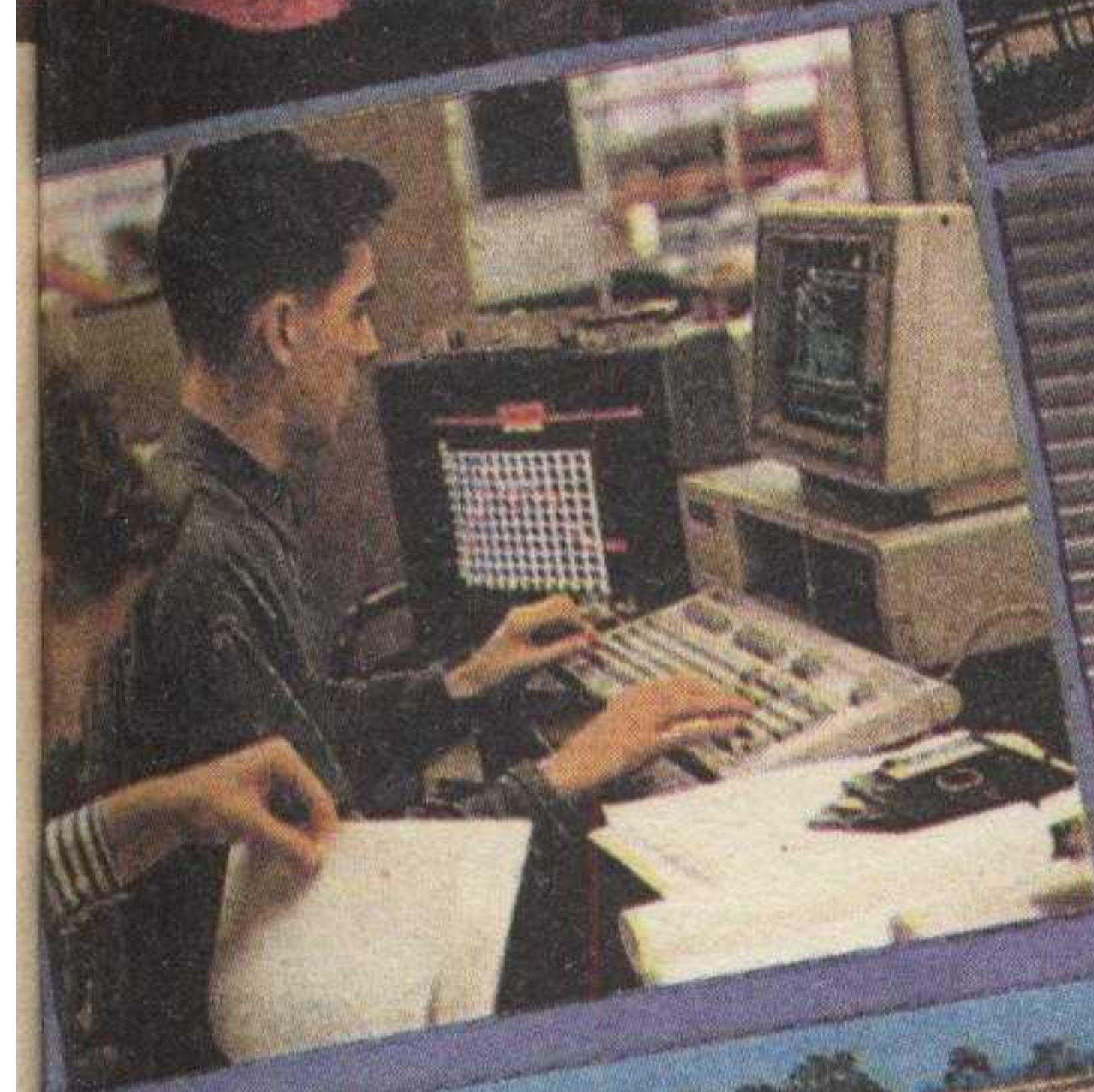
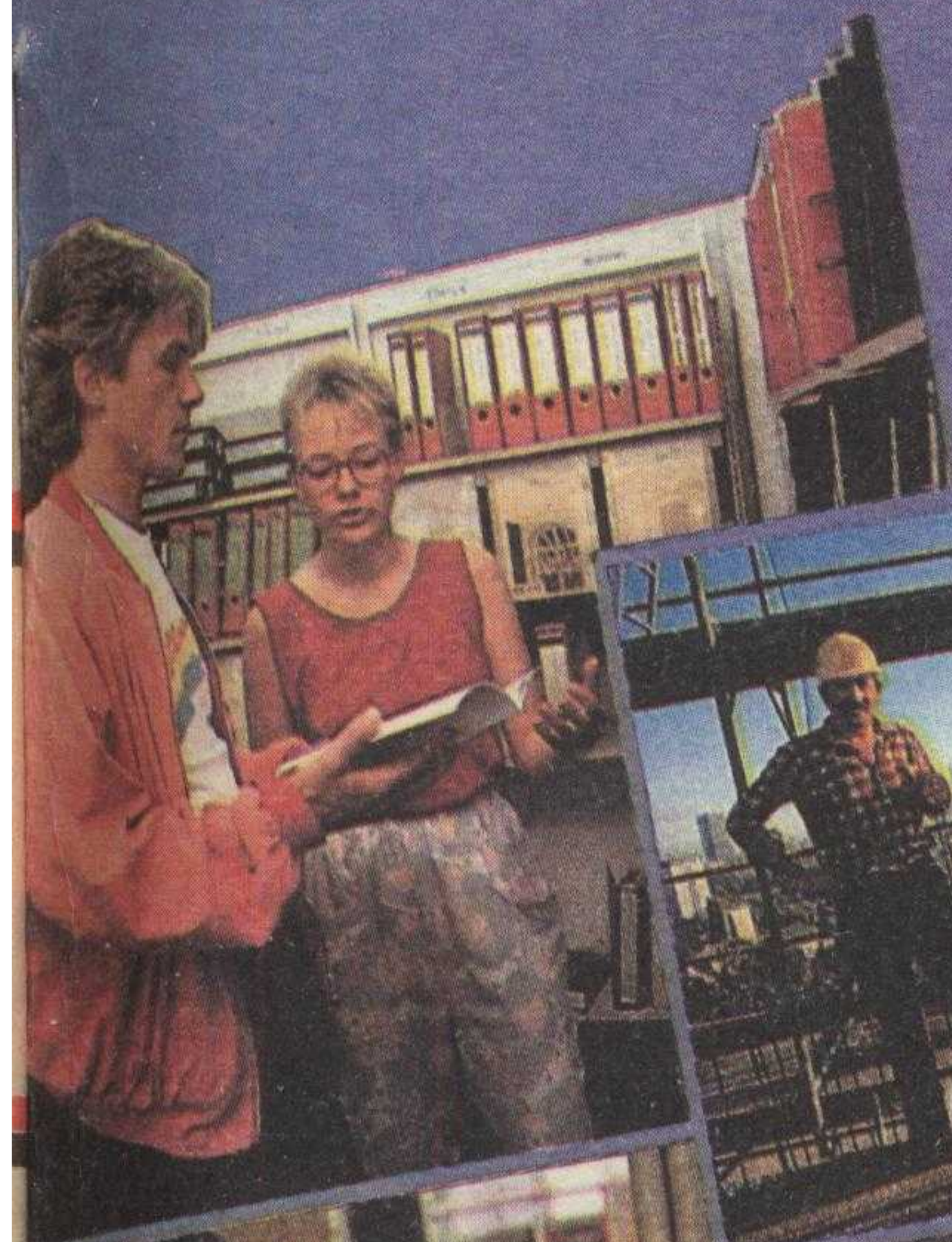
Перевела с польского Тамара МАЧЕЯК.

Художник Александр ЖЕРЕБЦОВ.

Поработаем в Германии?

Что для этого нужно
сделать? Прежде
всего прочитайте в
этом номере
объявление фирмы
«Майстры», что по-
украински означает
«Мастера» — и вы
узнаете, кто и на
каких условиях может
попасть на
длительную
стажировку в
Германию.

Индекс 70442
40 коп.

15-115

ТЕХНОЛОГИЯ

